

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

32 2026
ЧАСТЬ II

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 32 (635) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Сергей Петрович Боткин* (1832–1889), русский врач-терапевт, патологоанатом, физиолог и общественный деятель.

Будущий врач родился в московском доме, принадлежавшем его отцу, богатому купцу, торговцу китайским чаем и фабриканту Петру Кононовичу Боткину. Мать мальчика, Анна Ивановна, урожденная Посникова, занималась воспитанием детей, которых в семье Боткиных было 14. В возрасте 15 лет Сергей поступил в частный пансион эльзасского пастора Людвига Эннеса — элитное учебное заведение для детей состоятельных купцов и иностранцев.

Сергей Боткин проявлял склонность и способности к точным наукам, а потому планировал поступить в Московский университет на физико-математический факультет. Однако, поскольку юноша не получил гимназического образования, в итоге по вновь вышедшему императорскому указу открытой для него осталась только медицина. В 1850 году Сергей стал студентом Московского университета, а спустя пять лет окончил его с отличием.

Выпуск Сергея Боткина из университета пришелся на Крымскую войну, и сразу же после получения диплома молодой врач отправился туда. А после окончания войны Сергей Петрович уехал на длительную стажировку в Европу, где работал в клиниках и лабораториях под руководством знаменитых ученых. Именно в Европе вышли первые научные труды Боткина.

В 1860 году Сергей Петрович поступил на работу в клинику Санкт-Петербургской медико-хирургической академии. Всего год спустя 29-летний врач, защитивший к тому времени докторскую диссертацию, получил звание профессора и занял место руководителя клиники, где воспитал целую плеяду известных учеников. Санкт-Петербургская медико-хирургическая академия оставалась местом работы Боткина до конца жизни.

В 1865 году ученый основал эпидемиологическое общество, которое занималось борьбой с опасными инфекционными заболеваниями — холерой, тифом, оспой, чумой и другими. Под его руководством в Санкт-Петербурге возникли первые санитарные службы, в том числе и санитарная карета — прообраз нынешней скорой помощи. Ученый открыл и курировал столичную инфекционную больницу; ныне это Клиническая инфекционная больница Санкт-Петербурга имени С. П. Боткина.

Еще одним направлением деятельности Боткина стало развитие санаторно-курортного дела. Так, в течение долгого времени он изучал влияние крымского климата на течение туберкулеза и выступил инициатором строительства на Южном берегу Крыма нескольких санаториев — как для царской семьи, так и для менее именитых пациентов.

Заболел Боткин и об улучшении качества медицинского образования. В частности, он стоял у истоков об-

учения женщин сестринскому делу и медицине: открыл женскую фельдшерскую школу и женские врачебные курсы.

В 1878 году Боткина избрали председателем Общества русских врачей, которое он возглавлял до самой смерти. Также ученый был членом Общества попечения о раненых и больных воинах, работал заместителем председателя Комиссии общественного здоровья Санкт-Петербурга.

Важной вехой в биографии Боткина стал 1875 год, когда его назначили лейб-медиком императорской семьи. Помимо высочайших особ, среди пациентов доктора были многие известные ученые и деятели культуры. Но и простые люди могли попасть на прием к знаменитому доктору, причем с бедняков денег он не брал.

Научная сфера Боткина не ограничивалась экспериментальной научной терапией и клинической диагностикой. В своей лаборатории он изучал фармакологию, физиологию, ставил различные эксперименты, чтобы понять сущность патологических процессов в организме. Результатом исследовательской деятельности Боткина стало множество открытий: именно он первым обнаружил инфекционную природу одного из видов гепатита, ныне известного как болезнь Боткина; выявил особенности строения белковых молекул в различных органах; сформулировал клинические признаки и приемы диагностики опущенной и блуждающей почки.

Ученый исходил из понимания организма как сложного целого, отдельные системы которого — как физические, так и психические — тесно связаны друг с другом и зависят от окружающей среды. Именно поэтому он разработал комплексный взгляд на диагностику и лечение заболеваний. Особую роль при этом Боткин отводил центральной нервной системе, которая, по его мнению, обеспечивает влияние локальных патологических процессов на организм в целом. Авторству Боткина принадлежит более 70 научных трудов, посвященных фармакологии, патофизиологии, терапии, в том числе инфекционной.

За свой многолетний благотворный труд ученый был удостоен многих орденов Российской империи — Св. Александра Невского, Белого Орла, Св. Владимира II степени, Св. Анны I степени, Св. Станислава II степени. В 1877 году ему был пожалован высокий чин тайного советника.

Однако со временем и у самого доктора обнаружились проблемы со здоровьем. В 1889 году Сергей Петрович отправился во Францию, чтобы на морском курорте восстановить силы, однако было поздно: в декабре 1889 года он скончался в городке Ментон на Лазурном берегу. Смерть наступила от обширного инфаркта миокарда. Тело доктора доставили в Россию, похороны прошли в Санкт-Петербурге.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Ахалая А. Г.

Мировое соглашение в рамках дела
о несостоятельности гражданина83

Ахалая А. Г.

Особенности реструктуризации долга
при банкротстве физического лица87

Ачох З. З.

Пределы допустимости тактических средств
профессиональной защиты в уголовном
судопроизводстве94

Boboyev M. M.

The procedural status of algorithmic outputs
in pre-trial investigation: a justificatory-
structure criterion97

Ветошкин Е. И.

Особенности осмотра места происшествия
при использовании огнестрельного оружия... 100

Ветошкин Е. И.

Системность оплаты как признак
трудового отношения в судебной практике
по доказыванию фактического трудового
отношения 102

Жеварина П. Д.

Правовые аспекты работы комплексных
центров социального обслуживания
населения в Российской Федерации 105

Илюшкин С. А.

Понятие и квалифицированные виды
мошенничества 106

Кильдюшкин В. И.

Соотношение понятий «компетенция»,
«подведомственность» и «подсудность»
в современной процессуальной доктрине..... 108

Кильдюшкин В. И.

Предметный и субъектный критерии
разграничения судебной компетенции
в цивилистическом процессе: проблемы
правоприменительной интерпретации 113

Коробкова Т. А.

Право в системе нормативного
регулирования общественных отношений 116

Кротова С. И.

Актуальные проблемы института аппарата
суда и пути их решения 118

Монако С. Н.

Признак публичности при квалификации
призывов к экстремистской деятельности
в информационно-телекоммуникационных
сетях: проблемы теории и судебной
практики 120

Муртазина Р. Ш.

Уголовно-процессуальные проблемы
обеспечения правоохранительной
деятельности 123

Петухов А. Г.

Понятие и признаки административной
ответственности за правонарушения
в промышленности, строительстве
и энергетике 125

Почтарева Е. Д.

Институт бизнес-омбудсмана как механизм
защиты прав предпринимателей в России 128

Синика Е. А.

Расширение экономических возможностей
женщин: международные стандарты
и национальные правовые механизмы
реализации 130

Слепухин А. А.

Цифровизация миграционного учета
и новые виды киберпреступлений: уголовно-
правовая и криминалистическая оценка 133

Смирнов В. А.

История развития бюджетной системы
Российской Федерации 135

Смирнов В. А.

Правовое регулирование построения
и принципов бюджетной системы..... 138

Тархаева С. И.

Задержание подозреваемого как мера
уголовно-процессуального принуждения
в российском уголовном судопроизводстве... 141

Усатенко Р. В.

Независимость судебной власти
в Российской Федерации: проблемы
реализации конституционного принципа 143

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Мировое соглашение в рамках дела о несостоятельности гражданина

Ахалая Аида Гурамовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается процедура банкротства физического лица — мировое соглашение. Автор раскрывает понятие и содержание мирового соглашения, осуществляемого в процедуре банкротства физического лица. Проведен анализ законодательства о заключении мирового соглашения и практики его применения в делах о банкротстве граждан, имеющих единственное жилье, обремененное залогом. Акцентировано внимание на неустойчивости процедуры мирового соглашения в отношении залогового жилья.

Ключевые слова: должник-физическое лицо, баланс интересов кредитора и должника, мировое соглашение, финансовый управляющий, ипотека, залог, реабилитационная процедура.

Одной из процедур в рамках дела о несостоятельности гражданина является заключение мирового соглашения.

Согласно статье 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее — ФЗ о банкротстве) мировое соглашение — процедура, применяемая в деле о банкротстве на любой стадии его рассмотрения в целях прекращения производства по делу о банкротстве путем достижения соглашения между должником и кредиторами [1]. При этом законодатель заключение мирового соглашения приравнял к другим процедурам, таким, как наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство, которые также считаются важными процедурами банкротства.

Мировое соглашение — это удостоверенный судом документ, который завершает производство по делу о банкротстве из-за того, что должник и кредиторы достигли компромисса. Как правило, это договор о создании нового графика платежей, который позволит должнику вносить доступную для него оплату в удобную дату. С момента его утверждения судом действия финансового управляющего приостанавливаются, производство по делу прекращается. Соглашение распространяется на требования всех кредиторов, включенных в реестр.

Если условия мирового соглашения нарушаются, производство по делу возобновляется — и суд переходит к процедуре реализации имущества. Поэтому перед подписанием важно убедиться, что предлагаемые условия действительно выполнимы.

Заключение мирового соглашения между кредитором и должником — физическим лицом положительная стадия прекращения производства по судебным делам.

Однако к заключению мирового соглашения кредитор и должник — физическое лицо приходят в ходе судебного разбирательства, когда стороны смогли достичь такого соглашения на стадии судебного разбирательства по гражданскому делу, когда должник еще не находится в статусе банкрота — физического лица [2].

Но не всегда судебное разбирательство заканчивается мировым соглашением, т. к. истец (кредитор) и ответчик (должник) длительное время могут находиться в затяжном конфликте, и в основном такой конфликт возникает по вине должника — физического лица. Соответственно обобщенной является позиция законодателя, что и на стадии банкротства физического лица предусмотрена возможность заключения мирового соглашения по делам о банкротстве в силу положений ст. 151, ст. 158 ФЗ о банкротстве.

В отличие от таких процедур, как наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство мировое соглашение имеет некоторые признаки, присущие судебному решению, т. к. на данной стадии банкротства прекращается спор на условиях, которые достигли кредитор и должник — физическое лицо. При этом в мировом соглашении стороны подтверждают наличие или отсутствие материального правоотношения, определяют взаимные права и обязанности, т. е. мировое соглашение — это волевой акт сторон по урегулированию спора, которое также может быть принудительно реализовано в случае, если добровольно не исполняется.

Мировое соглашение может выступать существенной альтернативой длительному и трудозатратному судебному разбирательству. Это неудивительно, так как при разрешении споров сторонам предпочтительнее использовать метод поиска компромисса, даже несмотря на то,

что такие решения могут оказаться менее удовлетворительными, чем решения, вынесенные по итогам длительного судебного разбирательства. Важно через соглашение как можно скорее достичь определенности в урегулировании задолженности, которое может влиять на будущую деятельность должника, кредиторов, а в некоторых случаях и заинтересованных лиц, а не условной выгоды в будущем [3].

Исходя из определения мирового соглашения, указанного в статье 2 ФЗ о банкротстве, можно выделить важную черту мирового соглашения — достижение между кредитором и должником согласия, то есть стороны с зачатую противоположными интересами должны определить условия, которые бы удовлетворяли каждую из них. Кроме того, еще одной важной особенностью мирового соглашения является то, что оно может применяться на любой стадии рассмотрения дела о несостоятельности гражданина.

Как указано в пункте 2 статьи 213.31 ФЗ о банкротстве, решение о заключении мирового соглашения со стороны должника принимается исключительно гражданином. Согласно пункту 3 статьи 213.31 ФЗ о банкротстве со стороны кредиторов данное решение принимается на собрании кредиторов, мировое соглашение, заключенное на основании такого решения, касается всех требований конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, которые были включены в реестр требований кредиторов на дату проведения собрания.

В случае заключения такого мирового соглашения производство по делу о признании гражданина банкротом прекращается.

Так как ФЗ о банкротстве в части несостоятельности граждан все же направлен на финансовую реабилитацию физического лица, снятие с него непосильного бремени кредитных обязательств и в то же время удовлетворение требований самих кредиторов, то мировое соглашение является весьма действенным способом достижения поставленных законодателем целей, потому что при таком исходе дела обе стороны — и конкурсный кредитор и (или) уполномоченный орган, и должник — достигают своих целей при этом для самого гражданина не наступают тяжёлые последствия, связанные с его банкротством.

В связи с этим отечественный цивилист Г. Ф. Шершеневич придерживался мнения, что «мировое соглашение несет выгоду не только для самого несостоятельного должника, восстанавливая его во всех правах, возвращая ему свободу распоряжения и управления имуществом, но и для кредиторов, когда ликвидация может затянуться на неопределенное время и поглотить значительную часть имущества... Кредиторы отказываются от полного осуществления принадлежащих им прав ради немедленного и верного получения того, что можно получить, уступают должнику во времени исполнения, или в объеме требования, или в обоих вместе, но зато сами выигрывают в объеме, так как экономят на последующих конкурсных издержках и выигрывают во времени, так как не нужно ожидать конца конкурсного процесса» [4].

В. Ф. Попандопуло писал, что «резкое сокращение сроков производства по делу о банкротстве станет следствием применения мировых соглашений, существенная экономия активов должника и увеличение возможности (процента) удовлетворения требований кредиторов. При этом, кредиторы, решая судьбу неплатежеспособного должника, опираются на собственные интересы, которые вовсе не исключают такого интереса, как сохранение бизнеса должника» [5].

При разработке условий мирового соглашения необходимо учитывать, что данные условия должны создавать экономические предпосылки восстановления платежеспособности должника.

По делам об утверждении мирового соглашения необходимость экономически обосновать условия мирового соглашения определенным инструментарием отсутствует, поэтому можно наблюдать ее представление в различных формах в отсутствие какого-либо единства в подходах.

К примеру, в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) акционерного общества «Автодорстрой» об утверждении мирового соглашения суд кассационной инстанции принял во внимание экономическое обоснование заключения мирового соглашения, из которого следовало, что мировое соглашение направлено на удовлетворения требований кредиторов и восстановления платежеспособности должника [6].

Итак, одними из условий мирового соглашения может быть изменение сроков и порядка уплаты обязательных платежей, включенных в реестр требований кредиторов при этом условия, касающиеся погашения задолженности по обязательным платежам не должны противоречить законодательству о налогах и сборах.

Также некоторые авторы считают, что в силу принципа налогового права о всеобщности и равенстве налогообложения не должно быть условий о рассрочке или отсрочке уплаты обязательного платежа в качестве условий мирового соглашения [7]. Однако на практике встречается установление таких сроков.

Помимо всего прочего, заключение мирового соглашения является многосторонней сделкой, по условиям которой у должника возникают права и обязанности перед каждым из кредиторов. Мировое соглашение, в свою очередь, как сделка имеет собственную особенность, выраженную в том, что она вступает в силу только после ее утверждения арбитражным судом.

По мнению С. И. Федорова, мировое соглашение по своей сути в деле о банкротстве не может быть признано договором, поскольку на стороне сообщества кредиторов отсутствует единство волеизъявления: кредиторы принимают решение о заключении мирового соглашения, в котором меньшинство принимает желание большинства [8].

При этом, необходимо иметь в виду требование закона о том, что условия мирового соглашения распространяются как на кредиторов, голосовавших за него, так и на кредиторов, голосовавших против. Вместе с тем следует обратить внимание на пункт 16 Информационного

письма Президиума ВАС РФ №97 от 20.12.2005 г., который, руководствуясь пунктом 3 статьи 156 Закона о банкротстве, рекомендовал арбитражным судам: «Условия мирового соглашения для кредиторов, голосовавших против заключения мирового соглашения, не могут быть хуже, чем для кредиторов, голосовавших за его заключение» [9].

Несомненно, условия мирового соглашения не могут противоречить обязательным нормам законодательства, а также нарушать права и законные интересы третьих лиц. Исходя из это, Президиум ВАС РФ в пункте 11 выше-названного информационного письма указал, что «перед утверждением мирового соглашения суду следует проверить, не будут ли в результате его заключения поставлены в худшее положение по сравнению с участниками мирового соглашения иные кредиторы должника, на которых не распространяются условия мирового соглашения».

Существенными условиями мирового соглашения являются условия о порядке и сроках исполнения обязательства должника в денежной форме. При отсутствии согласования по всем существенным условиям мировое соглашение считается незаключенным и потому не может быть утверждено арбитражным судом.

Как указывается в статье 156 ФЗ о банкротстве, в мировое соглашение могут включаться условия о прекращении обязательств должника путем предоставления отступного, обмена требований на доли в уставном капитале должника, акции, конвертируемые в акции облигации или иные ценные бумаги, новации обязательства, прощения долга или иными способами. Таким образом, применяя данную норму к отношениям, в которых должником выступает физическое лицо, можно говорить о не денежном исполнении обязательств в любой доступной гражданину форме.

Удовлетворение требований конкурсных кредиторов должником в неденежной форме не может ставить таких кредиторов в преимущественное положение перед кредиторами, исполнение обязательств перед которыми должнику надлежит выполнить в денежной форме.

В начале сентября 2024 года у заемщиков по ипотеке появилась мера защиты жилья в залоге у банка на случай прохождения банкротства. Теперь они могут сохранить ипотечную квартиру совершенно законно, заключив мировое соглашение с кредитором или полностью выплатив остаток по кредитному договору. Вместе с этим, вплоть до сентября 2024 года жилье в ипотеке не имело никакой защиты на случай введения процедуры реализации имущества при банкротстве. Аналогично и при взыскании долга: по требованию банка — залогодержателя квартиру могли продать как в рамках исполнительного производства, так и в ходе банкротства.

В окончательном варианте закона заработали новые нормы. Пункт 5 статьи 213.10 ФЗ о банкротстве закрепил право третьего лица полностью закрыть остаток должника по ипотеке, после чего квартира не подлежит реализации и исключается из конкурсной массы — должники получили шанс сохранить свое жилье для себя.

Также в законе появилась новая статья 213.10–1, согласно которой стороны могут заключить мировое соглашение и защитить заложенное жилье от продажи на торгах. В обоих случаях заложенная квартира должна быть единственной для заемщика. Также нужно подтвердить, что именно на этой жилплощади постоянно проживают должник и члены его семьи.

При этом гражданин-должник должен подать заявление на заключение отдельного мирового соглашения. Отдельное мировое соглашение должно содержать условие об источнике погашения задолженности, в частности, о третьем лице, исполняющем или готовом исполнять кредитное обязательство. Приведем в связи с этим пример из Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025 года [10].

Например, по одному из гражданских дел, в рамках обособленного спора по делу о банкротстве должник на основании статьи 213.10–1 ФЗ о банкротстве обратился с заявлением об утверждении отдельного мирового соглашения в отношении задолженности по кредитному договору, обеспеченному ипотекой единственного жилья.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление удовлетворено, утверждено отдельное мировое соглашение, предусматривающее погашение суммы задолженности в порядке и сроки, установленные кредитным договором. Суд округа отменил принятые судебные акты и направил вопрос об утверждении отдельного мирового соглашения на новое рассмотрение по следующим основаниям.

При утверждении отдельного мирового соглашения суд должен проверить его экономическую целесообразность, которая заключается в том, что положение кредитора не ухудшается по сравнению с тем, как если бы процедуры банкротства не было. Также одним из вопросов, подлежащих обсуждению при разработке подобного мирового соглашения, является определение источника погашения задолженности во избежание нарушения прав как залогового кредитора, который должен иметь уверенность в наличии у должника финансовых ресурсов по продолжению надлежащего исполнения обязательства перед ним, так и прав незалоговых кредиторов, которые имеют разумные и справедливые ожидания расчетов с ними за счет незалоговой имущественной массы, на которую залоговый кредитор претендовать не может. По этой причине обеспеченное залогом обязательство должно исполняться за счет не входящих в конкурсную массу средств, в том числе принадлежащих третьему лицу, с тем чтобы залоговому кредитору не было оказано предпочтение из имущества, составляющего конкурсную массу.

Вместе с тем, суды первой и апелляционной инстанций вопросы определения источника погашения обязательства перед банком не исследовали, в локальном плане реструктуризации соответствующее условие отсутствует. Третье лицо (родственник, поручитель и т. д.), готовое ис-

полнять за должника соответствующие кредитные обязательства, не раскрыто.

Вопросы обеспеченности должника работой, уровня его заработной платы, исключаемой из конкурсной массы величины прожиточного минимума и ее достаточности, в том числе для исполнения отдельного мирового соглашения, также не исследовались.

Поскольку существенные для дела обстоятельства не исследовались, обособленный спор направлен на новое рассмотрение. При новом рассмотрении отдельное мировое соглашение утверждено судами с учетом раскрытия должником указанной информации и внесения необходимых изменений в текст соглашения.

В другом гражданском деле суд признал условия предложенного должником отдельного мирового соглашения экономически обоснованными. Как установил суд, поручителем по кредитному договору, обеспеченному ипотекой единственного жилья должника, является его отец, имеющий стабильно высокую заработную плату и регулярно вносящий платежи за сына согласно графику погашения задолженности. С учетом этого суд признал не обоснованными разумными экономическими причинами доводы банка, возражавшего против утверждения мирового соглашения, и на основании пункта 4 статьи 213.17 ФЗ о банкротстве утвердил соглашение, указав, что права банка в настоящий момент не нарушаются, при этом даже после завершения дела о банкротстве его требования в силу подпункта 2 пункта 4 статьи 213.10–1 ФЗ о банкротстве не

будут прекращены. Кроме того, суд исключил требования банка из реестра требований кредиторов, указав, что после утверждения отдельного мирового соглашения кредитор уже не имеет притязаний к незалоговой конкурсной массе.

Мировое соглашение не может быть заключено в принудительном порядке без согласия кредитора; поскольку согласие залогового кредитора на заключение мирового соглашения является обязательным (абз. 3 п. 2 ст. 213.10–1 ФЗ о банкротстве) [11, 12].

В случае уклонения банка от заключения мирового соглашения и при наличии письменного согласия платежеспособного третьего лица осуществить платежи за должника по кредитному договору, арбитражный суд утверждает предложенный локальный план реструктуризации долгов [13].

Таким образом, характеризуя мировое соглашение в рамках дела о несостоятельности гражданина, можно сделать вывод о том, что любое банкротство — это всегда определенные потери для гражданина. Поэтому, если гражданин не хочет терпеть последствия, связанные с процедурой банкротства, он имеет возможность пойти по третьему пути и заключить мировое соглашение. Сделать это можно на любой стадии.

Главный плюс такого подхода заключается в том, что после оформления документа прекращается производство о банкротстве. Клиент сохраняет свое имущество в целости и сохранности. Также он избежит неприятного статуса банкрота и сможет в будущем без каких-либо условий получить новый кредит или срочный заем наличными.

Литература:

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ, 15.06.2026, № 24, ст. 3106.
2. Мингулова, Л. Х. Мировое соглашение по делам о несостоятельности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 4–2 (91). С. 53–56.
3. Налбандян, Е. Л. Отдельные вопросы содержания мирового соглашения как реабилитационной процедуры банкротства // Юридическая наука. 2022. № 7. С. 27–33.
4. Шершеневич, Г. Ф. Конкурсный процесс. М.: Статут (Классика российской цивилистики), 2000. С. 438–439.
5. Попандупло, В. Ф. Процедуры банкротства и обеспечение интересов кредиторов // Предпринимательское право. 2006. № 2. С. 70–73.
6. Определением утверждено мировое соглашение, производство по делу о банкротстве прекращено, поскольку у должника отсутствуют кредиторы первой и второй очереди, за утверждение мирового соглашения проголосовали кредиторы, имеющие большинство голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов согласно реестру требований: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.05.2021 № Ф04–1629/2021 по делу № А75–13715/2019. Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=175589#2MzLZPVcxrRe2rt7> Дата обращения: 20.12.2025.
7. Слива, Э. О. Специфика мирового соглашения в делах о банкротстве // Цивилистика: право и процесс. 2024. № 1 (25). С. 69–74.
8. Федоров, С. И. Некоторые проблемы заключения мирового соглашения в целях реструктуризации кредитной организации // Арбитражный и гражданский процесс. 2001. № 7. С. 34–39.
9. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве): Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 20.12.2005 № 97 // Вестник ВАС РФ, 2006, № 3.
10. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025. Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507941/ Дата обращения: 25.12.2025.

11. Об утверждении мирового соглашения по обособленному спору: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.12.2024 № Ф07–13142/2024 по делу № А21–5543/2023. Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=308876#-go3OZPV5wZSZapA1> Дата обращения: 25.12.2025.
12. Определением прекращено производство по обособленному спору о включении в реестр требований кредиторов требования банка в размере долга по кредитному договору как обеспеченного залогом квартиры в связи с утверждением мирового соглашения: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.04.2025 № Ф07–2193/2025 по делу № А56–73442/2023/тр.6. Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ASZ&n=313073#67COZPVuBQKN-IEhn> Дата обращения: 25.12.2025.
13. Определением утвержден локальный план реструктуризации задолженности должника перед банком, исключены из реестра требований кредиторов должника требования банка, а также исключена из конкурсной массы квартира: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.04.2025 № Ф05–4733/2025 по делу № А41–100556/2023. Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=553997#E8IOZPVDEznwxZYK> Дата обращения: 25.12.2025.

Особенности реструктуризации долга при банкротстве физического лица

Ахалая Аида Гурамовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье проводится правовой анализ процедуры реструктуризации долгов гражданина. Данная процедура, проводимая в рамках дела о банкротстве гражданина, осуществляется ради финансового оздоровления лица и имеет некоторые особенности, установленные законом, которые могут оказать существенное влияние на ход всего дела.

Ключевые слова: банкротство гражданина, реструктуризация долгов, график погашения, реабилитационный характер, восстановление платежеспособности, финансовые возможности.

Достаточно широкое распространение получило мнение о том, что запуск процедуры банкротства обязательно приводит к объявлению должника финансово несостоятельным и распродаже его имущества. На практике далеко не всегда события развиваются по такому не самому приятному для заинтересованных сторон сценарию. Текущая редакция Федерального закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — ФЗ о банкротстве), регламентирующая процедуру банкротства, допускает проведение реструктуризации задолженности [1]. При этом составляется новый график ее погашения, причем, при его соблюдении должник не становится банкротом.

Процедура реструктуризации долгов гражданина является обязательной в деле о его несостоятельности. Законодательное закрепление понятия «реструктуризация долга» содержится в статье 2 ФЗ о банкротстве. В данной статье указано, что это «реабилитационная процедура, применяемая в деле о банкротстве к гражданину в целях восстановления его платежеспособности и погашения задолженности перед кредиторами в соответствии с планом реструктуризации долгов». Как видно, законодатель подчеркивает реабилитационный характер данной процедуры.

Указанная процедура вводится судом по результатам проверки обоснованности заявления о банкротстве, ее применение означает приостановление взыскания по ис-

полнительным документам, что отвечает международным принципам урегулирования потребительской задолженности, заключающимся в предоставлении должнику времени для изыскания наиболее приемлемых вариантов дальнейших расчетов с кредиторами («мораторий на предъявление требований к должнику») [2].

Как можно заметить из данного определения, целью процедуры реструктуризации долга физического лица является не только восстановление его платежеспособности, но и погашение задолженности перед кредиторами, данная позиция также согласуется с абзацем 16 пункта 1 статьи 2 ФЗ о банкротстве. При этом стоит отметить, что, инициируя возбуждение дела о банкротстве, гражданин, как правило, преследует одни цели, а кредитор — другие. Для кредитора главной целью является погашение всей задолженности физического лица с помощью процедуры банкротства, в то время как восстановление его платежеспособности будет для него лишь основой для достижения поставленных целей.

К. Б. Кораев подчеркивает входной характер процедуры реструктуризации долгов гражданина, поскольку именно с этой процедуры начинается процесс банкротства гражданина [3]. Данный довод также подчеркивает двойственный характер реструктуризации долгов. М. Г. Казарян видит в ней входной и реабилитационный характер [4].

И. В. Фролов справедливо рассматривает процедуру реструктуризации как элемент финансовой реабилитации. По словам исследователя, суть реструктуризации заключается в предоставлении возможно гражданину погасить свою задолженность под контролем финансового управляющего в более щадящем режиме [5]. Данная позиция в целом согласуется с законодательным походом и объясняет сущность реструктуризации как реабилитационной процедуры, направленной на восстановление платежеспособности гражданина.

Верховный Суд РФ отметил, что «данная процедура имеет целью предоставить добросовестному должнику возможность погасить и, соответственно, кредиторам получить удовлетворение своих требований, исходя из имеющихся у должника финансовых возможностей» [6]. Тем самым, в отличие от реструктуризации долгов, удовлетворение требований в процедуре реструктуризации позволяет гражданину избежать негативных последствий в виде определенных ограничений, связанных с банкротством.

Возможность введения стадии реструктуризации определяется финансовым управляющим и судьей. Принятие решения об этом базируется на желании должника восстановить платежеспособность, согласии с этим кредиторов и выполнении условий, перечисленных выше. Практика показывает, что реструктуризация при грамотном проведении становится лучшим выходом из сложившейся ситуации для всех участников дела о банкротстве. Поэтому имеет смысл рассмотреть ее введение любому должнику. За исключением желающих списать долги как можно быстрее и без излишних формальностей, а также готовых к статусу банкрота и всеми неизбежно связанными с ним ограничениями.

Процедура реструктуризации долгов жестко регламентирована законодательно. Она предусматривает следующие действия участников дела о банкротстве физического лица:

1. Разработка плана реструктуризации. Представляет собой новый график закрытия долгов. Документ может составить как сам должник, так и финансовый управляющий/кредиторы.
2. Направление плана финансовому управляющему. На это отводится 10 дней после истечения двух месяцев с даты официальной публикации сведений о банкротстве должника.
3. Утверждение плана кредиторами. Проводится в формате собрания. Решение принимается большинством голосов (с учетом доли каждого кредитора в общей задолженности).
4. Согласование плана реструктуризации с судьей. Завершающий этап ввода реструктуризации в отношении должника. После чего последнему остается только исправно соблюдать новые условия исполнения финансовых обязательств. При наличии у судьи сомнений документ может быть отправлен на доработку.

Нарушение новых сроков погашения долгов означает необходимость перехода к следующему этапу процедуры

банкротства. Речь идет об изъятии и продаже имущества должника с объявлением его банкротом.

Приведем пример из судебной практики. По одному из гражданских дел, кредитор обратился в суд с заявлением о признании гражданина банкротом и введении процедуры реализации его имущества.

В обоснование выбора применяемой процедуры кредитор сослался на то, что доход должника является незначительным, а оперативная продажа всего имущества, входящего в конкурсную массу, более целесообразна, так как приведет к положительному экономическому эффекту с точки зрения объема и срока погашения требований, включенных в реестр.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной инстанции и округа, в отношении должника введена процедура реструктуризации долгов гражданина.

Суды отметили, что, исходя из цели процедуры реструктуризации долгов, определенной в статье 2 ФЗ о банкротстве, она направлена на обеспечение должнику возможности восстановления благополучного финансового состояния без возложения на должника комплекса негативных последствий, связанных с констатацией его несостоятельности. В связи с этим при наличии сомнений в возможности восстановления платежеспособности не исключается выбор реабилитационной процедуры.

В другом деле суд признал возможным на основании заявления кредитора сразу ввести процедуру реализации имущества гражданина, придя к выводу, что в данном случае очевидна заведомая бесперспективность мероприятий, направленных на восстановление платежеспособности гражданина. Ценное имущество для включения в конкурсную массу отсутствует, а доход должника не позволит восстановить его платежеспособность. Учитывая наличие подобных исключительных обстоятельств, введение процедуры реструктуризации долгов приведет лишь к затягиванию судебного процесса по делу [7].

При возбуждении дела о банкротстве гражданина на основании заявления должника предпочтение следует отдавать процедуре, предложенной самим должником, в отсутствие недобросовестности с его стороны.

Например, по одному из гражданских дел, рассмотренных в Обзоре судебной практики по делам о банкротстве граждан Президиума Верховного Суда РФ, гражданин обратился в суд с заявлением о признании его банкротом, просил ввести процедуру реализации имущества, минуя процедуру реструктуризации долгов. Суд первой инстанции ввел процедуру реструктуризации, указав на то, что параграфом 1.1 главы X ФЗ о банкротстве предусмотрена определенная последовательность процедур по делу о несостоятельности гражданина, которая не может быть нарушена, в том числе по воле должника.

Отменяя определение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции отметил, что гражданин, действующий добросовестно и разумно, лучше иных лиц осведомлен о собственном финансовом состоянии, в том

числе о перспективах восстановления платежеспособности. Из приведенных должником доводов, основанных на представленных в дело списках кредиторов и описи имущества (абзацы 4 и 5 пункта 3 статьи 213.4 ФЗ о банкротстве), очевидно следовало наличие существенной диспропорции между активами и пассивами в структуре имущественной массы должника. Имеющегося у должника имущества, а также планируемых к поступлению периодических доходов явно недостаточно для реализации плана реструктуризации с целью удовлетворения требований кредиторов.

Принимая во внимание изложенное, а также положения пункта 8 статьи 213.6 ФЗ о банкротстве, суд апелляционной инстанции согласился с предложением должника и ввел процедуру реализации его имущества [8].

Реструктуризация долгов гражданина осуществляется в соответствии с планом, который утверждается судом после одобрения его проектом собранием кредиторов.

В самом общем виде план реструктуризации является график платежей, осуществляемых в пользу всех кредиторов, который утверждается на срок, не превышающий трех лет, и предполагает более гибкие условия погашения требований кредиторов. План реструктуризации долгов гражданина должен предусматривать погашение требований конкурсных кредиторов и уполномоченного органа пропорционально сумме требований кредиторов, включенных в план. Он обязательно должен содержать в себе положения о порядке и сроках пропорционального погашения в денежной форме требований и процентов на сумму требований всех конкурсных кредиторов и уполномоченного органа, известных гражданину на дату направления плана реструктуризации его долгов конкурсным кредиторам и в уполномоченный орган.

С согласия отдельного конкурсного кредитора и (или) уполномоченного органа план реструктуризации долгов гражданина может содержать положение о погашении не в полном размере требований давшего такое согласие лица — вокруг этого и строится возможность не погашать требования кредиторов полностью и при этом не быть признанным банкротом [9]. Но в данном случае необходимо подчеркнуть, что каждый кредитор самостоятельно принимает решение в отношении своей задолженности, относительно того — отказываться или нет от притязаний к должнику.

Верховный Суд РФ добавил к этому и такое выгодное для должника, но отсутствующее в ФЗ о банкротстве обязательное условие утверждения судом плана реструктуризации долгов, как одобрение его должником. Исчерпывающий перечень оснований для отказа утверждения плана реструктуризации долгов предусмотрен ст. 213.18 ФЗ о банкротстве. Такое основание, как отказ (отсутствие одобрения) должника, не содержит. Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ расширительно истолковал и такое основание отказа утверждения плана реструктуризации долгов, как противоречие его условий федеральному законодательству и иным нормативным правовым актам.

Согласно п. 31 Постановления Пленума ВС РФ № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан», план не может быть утвержден, если является заведомо экономически неисполнимым или не предусматривает для должника и находящихся на его иждивении членов семьи средств для проживания в размере не менее величины прожиточного минимума в соответствующем регионе [10].

Согласно пункту 3 ст. 213.19 ФЗ о банкротстве, в течение срока исполнения плана реструктуризации долгов гражданина и пяти лет после завершения исполнения указанного плана, гражданин, в отношении задолженности которого утвержден указанный план, не вправе скрывать факт осуществления им указанного плана при обращении за получением кредита, а равно при приобретении товаров (работ, услуг), предусматривающих отсрочку или рассрочку платежа. Это очень важное положение, которое должно предотвратить появление у гражданина новых кредиторов и задолженностей, по которым гражданин не сможет ответить. Очевидно, что на практике кредитной организации или иному лицу, способному выступить кредитором, сложно узнать, является ли гражданин банкротом и утвержден ли в отношении него план реструктуризации долгов. Однако закон предусмотрел это, и указал, что сделки, совершенные таким гражданином, признаются ничтожными.

Например, по одному из гражданских дел суд первой инстанции отказал в утверждении плана реструктуризации долгов гражданина.

Из материалов дела следует, что должник признан банкротом, в отношении него введена процедура банкротства — реализация имущества гражданина. Банк, не согласившись с решением суда, обратился в суд апелляционной инстанции с жалобой, в которой просил решение суда отменить, утвердить план реструктуризации долгов гражданина в редакции, представленной кредитором, в связи с несогласием должника. Апелляционный суд, позицию которого поддержал суд округа, отменил решение суда и утвердил план реструктуризации долгов гражданина по следующим основаниям.

Согласно пункту 30 постановления Пленума ВС РФ № 45 суд, рассматривающий дело о банкротстве, утверждает план реструктуризации долгов (как одобренный, так и не одобренный собранием кредиторов) только в том случае, если он одобрен должником, поскольку должник является непосредственным его исполнителем и обладает наиболее полной информацией о своем финансовом состоянии и его перспективах. Например, если не обладающий ликвидным имуществом должник, стабильно получающий высокую заработную плату, в целях уклонения от погашения задолженности перед кредиторами за счет будущих доходов настаивает на скорейшем завершении дела о его банкротстве и освобождении от долгов.

В рассматриваемом деле суд установил, что должник на протяжении последних трех лет имеет стабильную за-

работную плату. Вместе с тем, какое-либо ценное имущество, на которое можно обратить взыскание, у должника отсутствует. В связи с этим и с учетом ограниченного срока процедуры реализации имущества возможное удовлетворение требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, в ходе данной процедуры будет произведено в значительно меньшем размере, чем при утверждении плана реструктуризации долгов.

Стремление должника к скорейшему освобождению от уплаты задолженности перед кредиторами, требования которых включены в реестр, не может служить разумным экономическим обоснованием для введения бесперспективной процедуры реализации имущества. Таким образом, совокупность перечисленных выше обстоятельств позволяет суду сделать вывод о том, что неодобрение должником плана реструктуризации долгов является злоупотреблением правом, что недопустимо в силу статьи 10 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [11].

В ходе судебного разбирательства по данному делу суды не установили признаков того, что представленный банком план реструктуризации долгов является заведомо экономически неисполнимым. Должнику, на иждивении которого отсутствуют иные лица, согласно плану, ежемесячно выделяется сумма, в три раза превышающая величину прожиточного минимума. Остальная часть заработной платы в течение трех лет будет передаваться кредитору. Долг, непогашенный по истечении трех лет, по условиям плана подлежит списанию. В связи с изложенным суд пришел к выводу о том, что представленный проект плана реструктуризации долга подтвержден обоснованным экономическим расчетом и потому подлежал утверждению.

В другом гражданском деле суды не установили признаков злоупотребления правом со стороны должника, возражавшего против утверждения плана реструктуризации. Должник является пенсионером. Источником его дохода выступает заработная плата от трудовой деятельности, а также пенсия по выслуге лет, которые им не скрываются и поступают в конкурсную массу. Продолжительность работы после выхода на пенсию спрогнозировать сложно, поэтому план реструктуризации долгов из расчета трех лет и оставления должнику для проживания исключительно величины прожиточного минимума не подтверждает достижение баланса прав и законных интересов сторон с учетом нахождения должника в браке и наличия у него несовершеннолетнего ребенка, поскольку допускает существенное и длительное ограничение уровня жизни должника и членов его семьи [12].

План реструктуризации долгов гражданина должен содержать условия о порядке погашения не только требований, включенных в реестр, но и иных известных должнику требований кредиторов.

Например, по одному из гражданских дел кредитор направил в арбитражный суд ходатайство об утверждении плана реструктуризации долгов гражданина. Проект плана ранее одобрен собранием кредиторов и согла-

сован с должником. При одобрении проекта плана кредиторы и должник исходили из того, что имеющийся у гражданина источник дохода позволяет произвести расчеты с кредиторами в течение срока реализации плана.

Суд первой инстанции в утверждении плана реструктуризации отказал по следующим мотивам. В соответствии с пунктом 1 статьи 213.14 ФЗ о банкротстве представляемый для утверждения план реструктуризации долгов гражданина должен содержать положения о порядке и сроках погашения требований всех конкурсных кредиторов и уполномоченного органа, известных гражданину на дату направления плана реструктуризации его долгов конкурсным кредиторам и в уполномоченный орган.

Проект плана реструктуризации долгов с приложенными к нему документами (статья 213.15 ФЗ о банкротстве) направляется всем кредиторам должника, известным на момент направления плана (абзац 2 пункта 27 постановления Пленума ВС РФ № 45).

Следовательно, в силу установленных ФЗ о банкротстве требований утверждаемый судом план реструктуризации долгов гражданина не может ограничиваться определением порядка погашения только требований, включенных в реестр требований кредиторов должника, а должен содержать условия о планируемом погашении требований всех известных кредиторов. В противном случае, утрачивается восстановительная функция процедуры реструктуризации долгов, поскольку она связана с погашением обязательств перед имеющимися кредиторами должника в материальных правоотношениях, а не с кредиторами, получившими соответствующий статус в деле о банкротстве. Указанный подход позволяет избежать злоупотреблений со стороны кредиторов должника, которые могут не заявить требования в процедуру реструктуризации, рассчитывая на их сохранение и реализацию вне дела о банкротстве, что способно, в конечном счете, породить неопределенность в вопросе юридической силы их требований.

По материалам гражданского дела представленный план реструктуризации содержал условия о порядке погашения требований семи кредиторов. Однако в заявлении должника о признании его несостоятельным (банкротом) указано десять кредиторов. В судебном заседании должник, финансовый управляющий и кредиторы не смогли пояснить, какова судьба требований иных кредиторов и по каким причинам их требования не были учтены в плане.

С учетом этого суд отложил рассмотрение вопроса об утверждении плана реструктуризации долгов на два месяца, в течение которых должнику, финансовому управляющему и кредиторам предложено разработать новый проект, учитывающий требования всех известных кредиторов [16].

В другом гражданском деле после исполнения плана реструктуризации и завершения процедуры по делу о банкротстве общество обратилось с иском о взыскании с гражданина убытков, которые он причинил обществу до

собственного банкротства в период исполнения обязанностей директора общества.

Суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал со ссылкой на то, что в силу п. 1 статьи 213.14 ФЗ о банкротстве план реструктуризации должен предусматривать условия погашения требований всех кредиторов. Однако требования общества не были учтены в утвержденном судом плане, поэтому они, как возникшие до процедуры банкротства, не могут быть удовлетворены по ее завершении.

Суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил, указав, что в данном случае информация о наличии соответствующего долга и его размере отсутствовала как у должника, так и у кредитора на момент утверждения и исполнения плана реструктуризации. При наличии подобных уважительных причин кредитор вправе реализовывать свои права и после завершения дела о банкротстве.

В то же время требования кредитора, который бы не являлся мажоритарным в процедуре банкротства и не имел возможности повлиять на итоги голосования за план, должны погашаться на условиях, предусмотренных планом для соответствующей группы требований. В частности, в рассматриваемой ситуации для требований кредиторов третьей очереди реестра была предусмотрена скидка с основной суммы долга в размере 15 %. С учетом этого суд апелляционной инстанции удовлетворил иск в части взыскания 85 % долга [17].

Проект плана реструктуризации, разработанный должником, кредитором или уполномоченным лицом, может быть ими направлен не позднее 10 дней с момента окончания двухмесячного срока, установленного пунктом 2 статьи 213.8 ФЗ о банкротстве, для предъявления кредиторами своих требований к гражданину с целью включения их в реестр требований кредиторов и участия в первом собрании кредиторов. По предписаниям статьи 213.16 ФЗ о банкротстве, решение собрания кредиторов об одобрении проекта плана реструктуризации долгов гражданина принимается большинством голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов, требования которых включены в реестр требований кредиторов.

Арбитражный суд по результатам рассмотрения плана реструктуризации долгов гражданина в соответствии с настоящей статьей выносит одно из следующих определений:

- об утверждении плана реструктуризации долгов гражданина;
- об отложении рассмотрения вопроса об утверждении плана реструктуризации долгов гражданина;
- об отказе в утверждении плана реструктуризации долгов гражданина, о признании гражданина банкротом и введении реализации имущества гражданина.

Помимо этого, план реструктуризации задолженности должен подготавливаться и рассчитываться с учетом ограничения временных рамок, отведенных на его реали-

зацию, установленных ФЗ о банкротстве, то есть данный план должен быть выполнен в течении трех лет.

По мнению некоторых цивилистов, план реструктуризации долгов гражданина похож на график погашения задолженности, утверждаемым в рамках финансового оздоровления юридического лица [18].

Также в доктрине существует мнение о том, что обязательства, вытекающие из графика погашения задолженности имеют черты обязательств, возникающих из судебного акта [19].

Утверждение плана реструктуризации не является бесповоротным действием, поскольку у должника могут быть конкурсные кредиторы и уполномоченный орган, требования которых не включены в план реструктуризации долгов. В этом случае закон предоставляет возможность указанным лицам предъявить свои требования в течение срока, на который утвержден указанный план, в установленном порядке.

В любом случае, по инициативе и гражданина-должника, и кредиторов допускается неоднократное внесение изменений в план реструктуризации, которое, однако, подлежит утверждению судом.

Безусловно, необходимо учитывать оговорку в п. 8 ст. 123.6 ФЗ о банкротстве, которая предусматривает непосредственный переход к реализации имущества, однако такой переход возможен только по заявлению самого должника.

Тем самым, говорить о выполнении реабилитационной функции можно только в случае утверждения плана реструктуризации, который в силу ст. 213.13 ФЗ о банкротстве только при наличии определенных условий, а именно — наличие у гражданина источника доходов, отсутствие неснятой и непогашенной судимости и т. д.

Более того, представляется необходимым абз. 3 ст. 213.13 ФЗ о банкротстве изложить в следующей редакции: «Гражданин не имеет неснятой или непогашенной судимости за совершение умышленного преступления в сфере экономики, *также за подделку, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков*, и до даты принятия заявления о признании гражданина банкротом истек срок, в течение которого гражданин считается подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, умышленное уничтожение или повреждение имущества либо за фиктивное или преднамеренное банкротство, *либо за подделку документов, штампов, печатей или бланков, их использование, передачу либо их сбыт*». Данная формулировка позволит более всесторонне подойти к определению условий реструктуризации и освобождения гражданина от принудительного исполнения обязательств.

Если должник получает низкую зарплату или живет исключительно на социальные выплаты, то ему будет невозможно осуществить расчеты с кредиторами в рамках плана реструктуризации. В соответствии со статьями 213.23, 213.24 ФЗ о банкротстве должника, не выполняющего условия плана реструктуризации, ожидается введение

в отношении него процедуры реализации имущества. Процедура реализации имущества также не предусматривает каких-либо исключений, кроме имущества, доход от реализации которого существенно не повлияет на удовлетворение требований кредиторов общей стоимостью в 10.000 рублей и имущества, не подлежащего взысканию в соответствии с гражданско-процессуальным законодательством (ч. 2, 3 ст. 213.25 ФЗ о банкротстве) — в данном случае подразумевается ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ [20].

Основываясь на вышеизложенном, учитывая складывающуюся правоприменительную практику, можно заключить, что утверждение и реализация плана реструктуризации долгов возможна только в том случае, когда сам должник заинтересован в этом. Ведь именно он наилучшим образом знает свои финансовые возможности и доходы, может предпринять меры как для его повышения, так и уменьшения. Соответственно, разумно было бы предусмотреть возможность введения плана реструктуризации только по инициативе самого должника, так как гражданин может отказаться в любой момент от осуществления трудовой деятельности, а принудительных мер на этот счет нет.

В этом смысле прав И. В. Фролов, который видит в качестве необходимого условия принятия плана реструктуризации не только наличие возможности, но и желания должника. Поскольку без желания должника реализовать данный план просто невозможно. Если в отношении юридического лица может быть введена процедура внешнего управления, в результате которого юридическое лицо будет осуществлять деятельность, принимать какие-то меры, направленные на повышение эффективности работы, то с человеком это невозможно, никто не вправе заставить человека заниматься какой-либо деятельностью.

Утверждение плана без одобрения должника предусматривается только в исключительном случае, если будет доказано, что несогласие должника с планом является злоупотреблением правом (ст. 10 ГК РФ). Например, если не обладающий ликвидным имуществом должник, стабильно получающий высокую заработную плату, в целях уклонения от погашения задолженности перед кредиторами за счет будущих доходов настаивает на скорейшем завершении дела о его банкротстве и освобождении от долгов [21]. Однако, на практике, как представляется, суды могут отказывать в утверждении плана при отсутствии согласия гражданина. В связи с наличием проблем правового регулирования категории злоупотребления правом представляется необходимым выделить положения п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 45, которые прямо предусматривают в ФЗ о банкротстве возможность утверждения плана реструктуризации долгов без согласия должника-гражданина в исключительных случаях при злоупотреблении правом со стороны гражданина.

Далее выделим несколько очень существенных плюсов реструктуризации при банкротстве для должника:

1. Улучшение условий исполнения финансовых обязательств (по сравнению с исходными).

2. Снижение долговой нагрузки на персональный или семейный бюджет должника посредством увеличения сроков погашения долга.

3. Возможность «притормозить» течение процедуры банкротства за счет времени, необходимого кредиторам и финансовому управляющему на согласование нового графика закрытия долгов (а также судье для его итогового утверждения).

4. Избегание малоприятной процедуры распродажи имущества, принадлежащего должнику.

5. Отсутствие присвоения должнику статуса банкрота со всеми последующими и весьма многочисленными ограничениями.

Главным достоинством реструктуризации задолженности в рамках банкротства для кредиторов становится возможность получить существенную часть или даже весь долг, причем, на приемлемых условиях. Что становится возможным, если должник будет соблюдать новый график исполнения финансовых обязательств.

Основными недостатками реструктуризации для должника выступают:

1. Сложность процедуры согласования, которая предусматривает обязательное утверждение не только должником, но и кредиторами, финансовым управляющим и судьей.

2. Непосредственный и быстрый запуск стадии распродажи имущества в случае нарушения должником взятых на себя и утвержденных судьей новых финансовых обязательств.

3. Необходимость выполнения нескольких дополнительных требований, что уменьшает возможности для перехода к рассматриваемому этапу процедуры банкротства:

— отсутствие судимости;

— наличие постоянного источника дохода;

— отсутствие других планов реструктуризации, находящихся на стадии исполнения или нарушенных должником ранее;

— отсутствие административных правонарушений (или истечение срока давности по ним), связанных с банкротством или хищениями;

— отсутствие признаков, свидетельствующих о фиктивности банкротства.

Переход на стадию реструктуризации в рамках процедуры о банкротстве приводит к нескольким последствиям, предусмотренным законодательством. Причем, они продолжают действовать до полного исполнения нового графика погашения долгов. В число таких последствий входят:

— распоряжение собственными средствами в пределах 50 тыс. рублей в месяц без ограничений;

— совершение более крупных сделок (от 50 тыс. рублей) только с согласия финансового управляющего;

— остановка начисления любых процентов или действия штрафных санкций в отношении должника (что не распространяется на его новые обязательства);

— запрет на принудительное изъятие и продажу имущества должника;

— прекращение любых исполнительных производств, открытых на момент утверждения графика выплат в рамках реструктуризации;

— оформление новых займов или кредитов только после получения разрешения от арбитражного управляющего;

— запрет на передачу в дар или обмен любого имущества, принадлежащего должнику.

Все существовавшие ранее ограничения распоряжения гражданина своим имуществом снимаются и в дальнейшем могут накладываться лишь в ходе дела о банкротстве. Также «приостанавливается исполнение исполнительных документов по имущественным взысканиям с гражданина, за исключением исполнительных документов по требованиям о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, по делам об истребовании имущества из чужого незаконного владения, об устранении препятствий к владению указанным имуществом, о признании права собственности на указанное имущество, о взыскании алиментов» (ст. 213.11 ФЗ о банкротстве), а также, при определенных условиях, по требованиям об обращении взыскания на заложенное жилое помещение. Соглашения об отказе гражданина от подготовки и представления плана реструктуризации его долгов являются ничтожными. Также ограничивается право гражданина на совершение им сделок по распоряжению имуществом. Совершать такие сделки гражданин может только с предварительного письменного согласия финансового управляющего.

Следовательно, можно говорить о низком реабилитационном потенциале установленной действующим за-

конодательством стадии реструктуризации долгов гражданина, еще не признанного банкротом. В связи с этим обоснована целесообразность введения периода реструктуризации с учетом сроков и размера обязательств перед конкретным кредитором и ужесточения судебного контроля за действиями финансового управляющего.

Кроме того, причины невыездности процедуры реструктуризации долгов обуславливаются в большей мере не юридическими факторами, а экономическими и социальными. К примеру, если гражданин имеет постоянный источник дохода в виде заработной платы, то для него просто нецелесообразно погашать всю задолженность, гораздо удобнее «освободиться» от долгов. Тем самым, отсутствие мотивации у гражданина к погашению задолженности делает такую процедуру малоэффективной.

Как представляется, необходимо развивать меры превентивного характера. Гражданин, не осуществляющий предпринимательскую деятельность, не является профессиональным участником имущественного оборота и, соответственно, не всегда способен в полной мере оценить все финансовые риски заключения кредитных договоров и договоров займа, что в последующем выливается в отсутствие реальной возможности их исполнить. Следовательно, более обоснованным было бы установление ограничительных мер для кредитных организаций по заключению соответствующих договоров с гражданами, установление требований к обеспечению исполнения обязательств. Тем самым, те кредитные организации, которые нарушают указанные лимиты, самостоятельно берут на себя соответствующий риск. Гораздо эффективнее не допускать состояния банкротства, чем его преодолевать.

Литература:

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ, 15.06.2026, № 24, ст. 3106.
2. Попондопуло В. Ф. Банкротство. Правовое регулирование: научно-практическое пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2022.
3. Кораев, К. Б. Правовое регулирование процедуры реструктуризации долгов гражданина // Закон. 2016. № 7. С. 143–148.
4. Казарян, М. Г. Реструктуризация долгов как процедура банкротства физического лица // Вестник арбитражной практики. 2023. № 1. С. 76–83.
5. Фолов, И. В. Институциональная теория правового регулирования несостоятельности и банкротства граждан: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2023.
6. О продлении срока исполнения плана реструктуризации долгов гражданина: Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.03.2024 по делу № 305-ЭС21–28610(4). Документ опубликован не был. СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AR-V&n=802562#0yE9fPVWO3atTTqs1> (дата обращения 12.05.2026).
7. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025. СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507941/ (дата обращения 12.05.2026).
8. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025. СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507941/ (дата обращения 12.05.2026).
9. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025. СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507941/ (дата обращения 12.05.2026).

10. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025. СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507941/ (дата обращения 12.05.2026).
11. Цинделиани, И. А., Наринян, Л. М. Вопросы несостоятельности (банкротства) в практике Верховного Суда Российской Федерации. М.: Проспект, 2021. 880 с.
12. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 (ред. от 17.12.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2025, № 2.
13. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ, 15.06.2026, № 24, ст. 3099.
14. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025. СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507941/ (дата обращения 12.05.2026).
15. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025. СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507941/ (дата обращения 12.05.2026).
16. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025. СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507941/ (дата обращения 12.05.2026).
17. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025. СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507941/ (дата обращения 12.05.2026).
18. Кушнова, Н. Б. Реструктуризация долгов гражданина как судебная процедура банкротства // Молодой ученый. 2021. № 15 (357). С. 199–202.
19. Раджабова, А. О. Правовые особенности банкротства физических лиц // Закон и право. 2021. № 1. С. 70–72.
20. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.07.2026) // Собрание законодательства РФ, 06.07.2026, № 27, ст. 3661.
21. Щербачева, Л. В. Реструктуризация долгов гражданина // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 51–59.

Пределы допустимости тактических средств профессиональной защиты в уголовном судопроизводстве

Ачох Зураб Заурович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются пределы применения тактических средств профессиональной защиты в уголовном судопроизводстве. Обосновывается, что деятельность защитника не сводится к формальному участию в следственных и судебных действиях, поскольку предполагает выбор позиции, оценку доказательственной ситуации и использование предусмотренных законом средств в интересах доверителя. Вместе с тем активность защитника допустима лишь при соблюдении уголовно-процессуального закона, законодательства об адвокатуре, профессиональной этики и назначения уголовного судопроизводства. Особое внимание уделяется разграничению правомерной защиты, адвокатской ошибки и злоупотребления правом.

Ключевые слова: защитник, адвокат, профессиональная защита, тактические средства, уголовное судопроизводство, допустимость, злоупотребление правом, адвокатская этика.

Limits of permissible tactical means of professional protection in criminal proceedings

The article examines the limits of the use of tactical means of professional defense in criminal proceedings. It is substantiated that the defender's activity is not limited to formal participation in investigative and judicial proceedings, as it involves choosing a position, assessing the evidence situation, and using the means provided by law in the interests of the client. However, the defender's activity is

permissible only if it complies with the criminal procedure law, the legislation on the legal profession, professional ethics, and the purpose of criminal proceedings. Special attention is given to distinguishing between legitimate defense, attorney error, and abuse of rights.

Keywords: *defender, lawyer, professional defense, tactical means, criminal proceedings, admissibility, abuse of law, and legal ethics.*

Право на защиту относится к числу основных гарантий уголовного судопроизводства. Его содержание не ограничивается возможностью подозреваемого, обвиняемого или подсудимого иметь адвоката. Смысл данной гарантии состоит в обеспечении реальной юридической помощи, позволяющей лицу противостоять уголовному преследованию законными средствами. Поэтому участие защитника в уголовном деле нельзя понимать, как простое присутствие при процессуальных действиях. Адвокат анализирует обвинение, оценивает доказательства, выявляет нарушения закона, согласует позицию с доверителем, заявляет ходатайства, приносит жалобы и участвует в исследовании доказательств.

Профессиональная защита неизбежно имеет тактический характер. В конкретном деле защитник определяет, когда заявить ходатайство, какие документы представить, какие вопросы поставить свидетелю, целесообразно ли подзащитному давать показания, каким способом оспаривать заключение эксперта. Эти решения не являются произвольными. Они зависят от стадии производства, содержания обвинения, объёма доказательств, поведения стороны обвинения и позиции самого доверителя.

Тактические средства профессиональной защиты можно определить, как применяемые защитником способы поведения и приёмы реализации процессуальных прав, направленные на обеспечение законных интересов доверителя в конкретной следственной или судебной ситуации. Значение имеет не только само право, но и способ его использования. Например, право заявлять ходатайства закреплено в законе. Однако выбор содержания ходатайства, момента его заявления и связи с общей позицией по делу относится уже к тактике защиты.

В научной литературе тактика профессиональной защиты рассматривается как самостоятельный элемент криминалистической тактики. Р. М. Жамиева определяет её как систему правил и приёмов, применяемых адвокатом с учётом закона и конкретной ситуации для защиты прав подозреваемого или обвиняемого [8]. М. О. Баев связывает тактическую деятельность защитника с допустимым собиранием, представлением, исследованием и использованием доказательственной информации, оправдывающей подзащитного либо смягчающей его ответственность [6]. В этих подходах прослеживается общий признак: тактика защиты должна быть не только полезной, но и правомерной.

Вместе с тем активность адвоката не означает свободу от правовых пределов. Выражение «иные не запрещённые законом средства и способы защиты» не допускает произвола. Оно означает, что защитник может выбирать наиболее подходящие способы поведения, если они не противоречат уголовно-процессуальному закону, уголовному

закону, законодательству об адвокатуре и профессиональной этике.

Значение имеет и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Он закрепляет право адвоката собирать сведения, опрашивать лиц с их согласия, запрашивать документы, привлекать специалистов, встречаться с доверителем конфиденциально. Одновременно адвокат не вправе принимать поручение заведомо незаконного характера, занимать позицию вопреки воле доверителя, кроме случая самооговора, и разглашать сведения, сообщённые ему в связи с оказанием юридической помощи [1].

Этический предел выражен в Кодексе профессиональной этики адвоката. Для темы профессиональной защиты особенно важно положение о том, что закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Поэтому даже требование подзащитного не оправдывает действия, направленные на фальсификацию доказательств, давление на свидетеля, обман суда или незаконное воспрепятствование расследованию [2].

Предел допустимости имеет и уголовно-правовое содержание. Тактические действия защитника становятся недопустимыми, если они образуют признаки преступлений против правосудия. К ним могут относиться фальсификация доказательств, подкуп или принуждение к даче показаний, разглашение данных предварительного расследования, вмешательство в деятельность суда или органов расследования. В подобных случаях речь идёт уже не о спорной защите, а о противоправном поведении.

Основным критерием допустимости тактического средства является законность. Защитник вправе использовать только такие способы, которые прямо предусмотрены законом либо не противоречат ему. Заявление ходатайства, обжалование действий следователя, постановка вопросов свидетелю, привлечение специалиста, представление документов, заявление о признании доказательств недопустимыми являются правомерными средствами защиты. Их активное применение само по себе не может оцениваться отрицательно.

Второй критерий — связь с законным интересом доверителя. Защитник отстаивает не любой фактический интерес лица, а только тот, который имеет правовое значение. Желание избежать ответственности любой ценой не является законным интересом. Законным является стремление к прекращению необоснованного преследования, оправданию невиновного, исключению недопустимых доказательств, правильной квалификации деяния, установлению смягчающих обстоятельств и назначению справедливого наказания.

Третий критерий состоит в недопустимости ухудшения положения подзащитного. Это положение особенно

важно при выборе момента представления доказательств, раскрытия версии защиты, заявления ходатайств и дачи показаний. М. О. Баев указывает, что тактика защиты не должна усугублять положение доверителя и должна быть как минимум нейтральной по отношению к обвинению. Такая позиция соответствует самой природе защитительной функции [7].

Четвёртым критерием выступает добросовестность. Защитник вправе действовать настойчиво и критически по отношению к версии обвинения. Он может использовать противоречия в показаниях, неполноту расследования, нарушения порядка получения доказательств. Однако добросовестная защита использует уже существующие недостатки обвинения, а не создаёт искусственную ложную картину события.

Пятый критерий — этическая приемлемость. Тактическое средство не должно унижать достоинство участников процесса, нарушать адвокатскую тайну, вводить суд в заблуждение или подрывать доверие к адвокатуре. Этот критерий имеет особое значение в ситуациях, где закон прямо не запрещает определённое действие, но профессиональный статус адвоката требует сдержанности и правовой чистоты поведения.

К допустимым тактическим средствам относятся согласование позиции с доверителем, разъяснение права не свидетельствовать против себя, заявление ходатайств, принесение жалоб, участие в допросах, постановка вопросов свидетелям и экспертам, представление документов, привлечение специалиста, подготовка к судебным прениям, построение альтернативной версии события. Эти средства направлены на проверку обвинения и обеспечение прав подзащитного.

Правомерной является и рекомендация подзащитному воздержаться от дачи показаний. Такая рекомендация допустима, если она направлена на предотвращение самооговора, исключение давления или необходимость предварительного изучения материалов дела. Но защитник обязан разъяснить доверителю правовые последствия выбранной позиции. Он не должен подменять волю подзащитного собственной волей.

Часть тактических средств имеет спорный характер. Их допустимость зависит от цели, содержания и процессуального контекста. Например, большое количество ходатайств не образует нарушения, если каждое из них связано с предметом защиты и имеет фактическое основание. Но подача однотипных и заведомо необоснованных заявлений исключительно для срыва процесса может быть оценена как недобросовестное использование права.

Недопустимыми являются фальсификация доказательств, подготовка ложного алиби, склонение свидетеля к ложным показаниям, уничтожение документов, передача заведомо ложных сведений органам расследования, подкуп участника процесса, разглашение данных предварительного расследования при наличии надлежащего предупреждения. Такие действия не проверяют обвинение, а искажают фактическую основу дела.

Граница между активной защитой и незаконным противодействием расследованию проходит не по степени настойчивости адвоката, а по характеру применяемого средства. Жёсткая защита допустима, если она осуществляется в правовой форме. Незаконное противодействие начинается там, где защитник использует ложь, давление, подкуп, уничтожение сведений или иные способы, несовместимые с назначением правосудия.

Особую сложность представляет вопрос о злоупотреблении правом на защиту. С одной стороны, суд не обязан терпеть явно недобросовестное использование процессуальных возможностей. С другой стороны, слишком широкое толкование злоупотребления создаёт риск ограничения защиты. Поэтому недопустимо признавать злоупотреблением каждое неудобное для суда или следствия действие адвоката.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 30.06.2015 № 29 указал, что суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным, если ограничение отдельных правомочий обусловлено явно недобросовестным их использованием в ущерб интересам других участников процесса. Эта позиция направлена против срыва судопроизводства, но применять её следует осторожно, поскольку сама по себе активность защитника является нормальным проявлением состязательности [3].

Конституционный Суд Российской Федерации также исходит из необходимости баланса. В постановлении от 17.12.2015 № 33-П Суд подчеркнул значение гарантий адвокатской тайны при производстве следственных действий в отношении адвоката [5]. В постановлении от 17.07.2019 № 28-П указано, что отказ обвиняемого от защитника по назначению при наличии защитника по соглашению не может игнорироваться произвольно; правоприменитель обязан учитывать причины отказа и наличие либо отсутствие признаков злоупотребления [4]. Эти позиции показывают, что борьба с недобросовестным поведением не должна превращаться в средство давления на сторону защиты.

О. В. Гладышева обращает внимание на значение процессуальных прав адвоката и средств их обеспечения [9]. Этот подход важен потому, что пределы защиты нельзя рассматривать только как систему запретов. Они одновременно предполагают наличие реальных возможностей для осуществления защитительной функции. Если права адвоката формально закреплены, но фактически не обеспечены, защита теряет содержательный характер.

Пределы допустимости тактических средств профессиональной защиты представляют собой систему правовых, этических и процессуальных ограничений. Они не отменяют активности защитника, а определяют её законную форму. Адвокат вправе действовать последовательно, использовать слабые стороны обвинения, оспаривать доказательства, заявлять ходатайства и добиваться устранения нарушений. Но он не вправе создавать ложные доказательства, незаконно воздействовать

на участников процесса или прикрывать противоправные действия ссылкой на интересы доверителя.

Таким образом, профессиональная защита допустима в той мере, в какой она остаётся правовой деятельностью. Её сила состоит не в обходе закона, а в точном испол-

зовании предоставленных законом средств. Защитник должен действовать активно, но добросовестно; самостоятельно, но с учётом позиции доверителя; настойчиво, но в пределах уголовно-процессуальной формы и профессиональной этики.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/
2. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003, с изм. и доп. от 18.04.2025. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве». // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 № 33-П. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190791/
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.07.2019 № 28-П. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329281/
6. Баев М. О. Тактические основы деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве России: теория и практика: дис. д-ра юрид. наук. Воронеж, 2005. 401 с.
7. Баев М. О. Система принципов тактики профессиональной защиты от уголовного преследования как элемент нравственной основы уголовного судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 189–197.
8. Жамиева Р. М. Тактика профессиональной защиты по уголовным делам: автореф. дис. канд. юрид. наук. Алматы, 1999.
9. Гладышева О. В. Процессуальные права адвоката в уголовном судопроизводстве и средства их обеспечения // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9. № 3. С. 25–33.

The procedural status of algorithmic outputs in pre-trial investigation: a justificatory-structure criterion

Boboyev Mirshod Murotovich, ph.d., director of the digital technologies center
Prosecutor General's Office of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan)

The article addresses a question left unanswered by criminal procedure legislation in Uzbekistan and elsewhere: what status in the case file should be accorded to a result produced by a computational method. It is argued that the decisive variable is neither the technology nor the gravity of its consequences, but the justificatory structure of the output — the reasoning by which its reliability is established.

Keywords: *algorithmic evidence, justificatory structure, validation triad, digital forensics, biometric identification, technological due process, criminal procedure of Uzbekistan.*

Introduction

Investigative practice generates computational outputs of radically different kinds. A cryptographic hash establishes that a copied disk image is identical to its source; a one-to-many search returns ranked candidate faces above a similarity threshold; a model scores the probability that a person will abscond. Each enters the file as a document, and legislation treats none expressly. Doctrine has answered globally — assimilating such outputs to documentary or expert evidence, or excluding them as unverifiable — and both answers fail alike, by classi-

fying according to technology rather than to the structure of the reasoning that supports the output.

For Uzbekistan the question is concrete: the Criminal Procedure Code now names digital evidence as a species alongside material and written evidence, Law No. LRU-1003 of 21.11.2024 extended forensic examination to information systems and data on Internet resources, and the «Digital Prosecution — 2030» Strategy provides for «E-tergov» with express contemplation of artificial intelligence. National doctrine confirms the gap rather than filling it: Imomnazarov treats the examination of digital data as an investigative action, neither

reaching admissibility [1]. The purpose is to establish a criterion determining the procedural status of such results; the methods are formal-legal, comparative-legal and international-legal, with systemic analysis and modelling.

Two limitations are declared. The three-moment structure of control used below — before, during and after deployment — is not original: it is established in the literature on technological due process formulated by Citron and extended by Citron and Pasquale and by Crawford and Schultz, and it is the architecture of the Artificial Intelligence Act itself, combining conformity assessment, logging and rights of complaint and explanation [2]. What is contributed is the content assigned to each moment. The second limitation is empirical: this is a doctrinal study containing no original data on Uzbek practice, such data being unavailable.

I. Justificatory structures

The Artificial Intelligence Act defines such a system by reference to one that infers, from the input it receives, «how to generate outputs such as predictions, content, recommendations, or decisions» influencing physical or virtual environments [3]. This isolates the operative feature — something is produced upon which a person may act — but groups mechanisms whose claims to reliability rest on different grounds. Expert systems reason from rules stated in advance, so their justification is deductive and inspectable; machine learning derives its decision function from training data, so the warrant for an individual output is aggregate measured performance rather than a statement of why this case was decided so, and deep learning intensifies this into the opacity Pasquale termed the black box. The characterisation of big data by volume, velocity and variety originates in Laney's model of 2001, but the legally significant property is a fourth: analytical yield arises from combining data gathered for other purposes [4]. Digital forensics stands apart: the sequence named in the title of ISO/IEC 27037 — identification, collection, acquisition and preservation — with ISO/IEC 27041–27043 and accreditation under ISO/IEC 17025, is designed for repetition on the same object by another examiner.

The operative distinction is therefore not between traditional and algorithmic methods — forensic examination is itself tool-dependent — but between two justificatory structures. In the first, reliability is established by a procedure applied to this object and repeatable on it; in the second, by the statistical performance of a model over a population to which the object has been assigned. The first supports a claim about the case, the second a claim about a class from which a claim about the case is inferred. Classification must accordingly attach to the structure, not the technology, since the same technique may be embedded in either.

That algorithmic outputs raise a distinctively epistemic problem requires demonstration in the vocabulary of evidence theory. Damaška showed that rules of evidence are artefacts of an institutional arrangement of adjudicative authority, and identified the scientisation of proof as displacing epistemic authority from the trier of fact towards institutions whose com-

petence the court cannot appraise; Ho Hock Lai developed the correlative duty, that the fact-finder asserts a proposition for which he is personally answerable and can do so only on grounds he can own and state; Allen and Pardo describe proof as a comparison of competing explanations rather than aggregation of probabilities over isolated items [5].

The two structures behave differently here. A reproducible case-specific examination furnishes material that enters an explanatory account and can be tested within it: the defence may contest the acquisition, commission an independent examination of the same object, or advance an alternative explanation of the same trace. A population-level attributive output enters no explanatory account; it delivers a conclusion that explains nothing and cannot be tested by re-examining an object, there being no object but a classification. Two objections make this precise: the reference-class problem establishes that a probabilistic statement about an individual varies with the class into which he is placed, no legal criterion determining that choice, so the modeller's selection performs work the law has not authorised; and the sensitivity objection explains why merely statistical evidence, however accurate in the aggregate, fails to track truth counterfactually, since the output would have been identical had the person been innocent, provided he shared the class features [6]. The argument thus condemns not computational methods generally but one inferential move — from class membership to individual attribution. It departs accordingly from Roth, who assimilates instrument outputs to conveyances requiring an analogue of confrontation, and from Quattrocolo, who doubts such results can satisfy adversarial testing at all; Gless's process-orientation is accepted but narrowed, the relevant process being not the software lifecycle in general but the inferential warrant of the particular output [7].

Three regimes follow. Forensic-instrumental outputs — hash verification, documented acquisition, extraction reports, computer-technical and comparative identification examinations conducted on a stated methodology — are evidence, governed by the ordinary rules on documents and expert conclusions supplemented by a validation triad: traceable provenance of the input data; a method validated with a disclosed error rate under stated operating conditions; and reproducibility by an independent examiner. The triad is adjacent to but not identical with the Daubert criteria, which address the method in the abstract; it adds the lineage of the specific data and the availability of independent repetition. Investigative-heuristic outputs — link analysis, anomaly detection, retrieval of similar cases and candidate lists from biometric searches — are orientation information: they may direct investigative activity but cannot ground a finding of fact, and their use must be recorded.

The distinction most often collapsed lies here. A one-to-many search is a database operation returning ranked candidates under a threshold; it is a lead. A comparative portrait or phonoscopic examination is a different procedure: an expert applies a stated methodology to two specified samples, declares error rates, and answers for the conclusion. Same technology, different justificatory structures, therefore different status —

a distinction confirmed by wrongful arrests following treatment of a candidate return as an identification, and by error rates varying across demographic groups [8]. Predictive-attributive outputs — risk of absconding, recidivism scores, individualised crime prediction — are excluded as grounds for decisions concerning the person, by reason of the two objections rather than of inaccuracy, in correspondence with Article 5 of the Artificial Intelligence Act and with *State v. Loomis* [9]. The exclusion being categorical, the right of exclusion acquires a determinate object: an item in the first category may be excluded for failure of the triad, an output of the third is inadmissible as such.

II. International standards and comparative allocation

International instruments supply not a classification of outputs but a structure of control at three moments. At authorisation, Article 15 of the Convention on Cybercrime and Article 24 of the United Nations Convention against Cybercrime subject procedural powers over computer data to safeguards including independent supervision and limitation of scope; but the decisive development is judicial — the German Federal Constitutional Court held on 16 February 2023 that the algorithmic combination of police datasets is an interference distinct from the collection of the underlying data, striking down the enabling provisions for want of a proportionate threshold and of limits on the sources combined. That analysis, and not only collection, is independently regulated is the most consequential result in this field. At admission the standards are technical, the ISO/IEC series supplying provenance and reproducibility criteria and the NIST evaluations error rates disaggregated by group. At contestation, the Council of Europe Framework Convention on Artificial Intelligence, open to non-member States and thus available to Uzbekistan, requires effective remedies and the possibility of contesting decisions [10].

Judicial practice supplies content the instruments lack. In *Glukhin v. Russia* the European Court found the processing of biometric data by facial recognition an interference with private life and its use against a peaceful demonstrator incompatible with the values of a democratic society; one passage bears directly on the proposals below — the Court noted the applicant’s difficulty in proving that the technology had been used, since domestic law provided no official record or notification of its use. Absence of a recording obligation is therefore not a technical omission but a defect disabling the remedy. In *SyRI* the District Court of The Hague declared the enabling legislation non-binding for failure to strike a fair balance under Article 8(2), the decisive consideration being that the system was insufficiently transparent and verifiable. The controversy between Wachter and her co-authors and Selbst and Powles over a right to explanation is resolved in practice in favour of contestability — hence the framing of the triad in terms of reproducibility rather than interpretability [11].

Comparison requires a stated tertium comparationis; the criterion adopted is the allocation of the burden of validation among executive, court and defence at each of the three moments, qualified twice: an allocation rule transfers only if

the institution assigned the burden can discharge it, and the *Watson–Legrand* dispute is resolved intermediately, the rule transferring while the capacity to bear it must be separately built. Germany allocates authorisation to the legislature and constitutional court and regulates the electronic file in the Code itself, mandatory from 2026 though with a transitional derogation — the rule transferable, the derogation a warning that deadlines without infrastructure produce derogations rather than compliance. The United Kingdom allocates admission to the executive through statutory forensic accreditation but fails at contestation, where the volume of digital material has repeatedly defeated disclosure. France prohibits decisions assessing a person’s conduct from resting on automated processing, and its time-limited authorisation with compulsory evaluation is a transferable technique. Estonia allocates part of the contestation burden to the individual by making the log of queries accessible to him — the most economical solution encountered, whose precondition exists in Uzbekistan in functional form. Singapore allocates almost everything to the executive; Korea is instructive for sequence; China yields no transferable rule [12]. Measured on the stated criterion, no order examined is satisfactory at all three moments: authorisation is best developed in Germany, admission in the United Kingdom, contestation in Estonia, and nowhere are the three combined — a legislature acting now composes a model rather than receives one.

IV. The legislation of the Republic of Uzbekistan

Four deficiencies follow from the texts. First, digital evidence has been introduced as a species without a criterion of admissibility: Chapter 25 of Criminal Procedure Code regulates attachment to the case, not the conditions under which reliability is established, so a heuristic search return and a forensic conclusion may enter the file with indistinguishable status. Second, the combination of data held in different state information systems for investigative purposes is not constituted as an act requiring authorisation — the deficiency identified in Germany in 2023. Third, admissibility is not conditioned on validation: the accreditation requirement of Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan No. 849 of 18.12.2024 operates as an administrative duty of the expert institution, not as a condition of the evidentiary use of its conclusions, and no norm requires disclosure of error rates. Fourth, there is no recording obligation and therefore no point of attachment for contestation — the defect identified in *Glukhin* as disabling proof of the interference itself.

The limits of this assessment must be stated: these are conclusions about the legal framework, not about practice. Whether algorithmic tools are in fact used in Uzbek pre-trial proceedings, and with what effect, cannot be established from open sources, the only relevant published judicial data concerning review-instance outcomes generally [13]. Closing the gap requires a definable programme: a sample of terminated cases coded for the type of digital evidence and the fate of each item; departmental statistics on computer-technical and pho-

nososcopic examinations, including inconclusive results and laboratory accreditation; records of defence applications; and interviews with practitioners. The deficiency is thus not absence of policy but absence of procedural translation: transparency and human oversight are proclaimed in the strategic and ethical acts but acquire legal force only as rules of authorisation, admissibility and contestation in the Code.

V. Proposals

First, introduce into the Criminal Procedure Code the three categories with their differing consequences: forensic-instrumental results as evidence subject to validation; heuristic results as orientation information, sufficient to found further investigative action but not a finding of fact, and subject to mandatory recording; attributive predictive results as inadmissible grounds for decisions concerning the person. Second, establish the validation triad as a condition of admissibility in the first category, converting the accreditation requirement of Resolution No. 849 from an administrative duty into a condition of the evidentiary use of expert conclusions. Third, constitute the combination of data from two or more state information systems for investigative purposes as an independent procedural action requiring the sanction of a prosecutor or court, proportionate to the gravity of the offence and limited in time

and in the registers involved. Fourth, create the point of attachment for contestation: an obligation to record every use of an algorithmic system, with rights of the defence to obtain the validation documentation, to seek an independent examination and to apply for exclusion. These proposals are mutually conditioning: categorisation without a validation test yields labels without consequences, a validation test without a recording obligation cannot be invoked, and a right of contestation without technically competent counsel is a right on paper.

Conclusion

The procedural status of a computational output depends on its justificatory structure rather than on the technology producing it, and three structures must be distinguished: case-specific reproducible validation, heuristic search, and population-level attribution. The epistemic objection applies to the third alone; extending it to the first would destroy the evidentiary value of digital forensics. The theoretical contribution is a criterion of classification derived from evidence theory rather than technology, showing the asserted incompatibility between algorithmic methods and criminal proof to be partial and specifiable; the practical contribution is its formulation as norms capable of incorporation into the Criminal Procedure Code and into the specification of «E-tergov».

References:

1. Imomnazarov A. Abstract of dissertation, 12.00.09. Tashkent, 2025;
2. Citron D. K., Pasquale F. // Washington Law Review. 2014. Vol. 89, No. 1. P. 1–33;
3. Regulation (EU) 2024/1689, art. 3(1), following OECD, OECD/LEGAL/0449 (2019, rev. 2024);
4. Pasquale F. The Black Box Society. Harvard University Press, 2015; Laney D. 3D Data Management. META Group Research Note, 6 February 2001;
5. Allen R. J., Pardo M. S. // International Journal of Evidence & Proof. 2019. Vol. 23, No. 1–2. P. 5–59;
6. Enoch D., Spectre L., Fisher T. // Philosophy & Public Affairs. 2012. Vol. 40, No. 3. P. 197–224;
7. Roth A. // Yale Law Journal. 2017. Vol. 126, No. 7. P. 1972–2053;
8. NIST, NISTIR 8280 (2019);
9. Regulation (EU) 2024/1689, art. 5(1)(d);
10. Convention on Cybercrime (ETS No. 185), art. 15;
11. Glukhin v. Russia, no. 11519/20, 4 July 2023, §§ 72, 73, 90;
12. Watson A. Legal Transplants. 2nd ed. 1993;
13. Resolution of the Cabinet of Ministers No. 849 of 18 December 2024.

Особенности осмотра места происшествия при использовании огнестрельного оружия

Ветошкин Егор Игоревич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Статья посвящена особенностям осмотра места происшествия при расследовании преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия. В статье рассматриваются ключевые этапы и приёмы фиксации следов выстрела, особое внимание уделено методикам определения траектории полёта снаряда, фиксации взаимного расположения повреждений и сбора криминалистически значимых данных, позволяющих установить обстоятельства преступления и идентифицировать использованное оружие.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, огнестрельное оружие, баллистическая экспертиза, траектория снаряда, протокол осмотра, криминалистика.

Осмотр места происшествия начинается с установления границ участка местности или помещения, где велась стрельба из огнестрельного оружия, и составления его плана. В дальнейшем правильно составленный план не только даст возможность иметь общее представление о месте происшествия всем участникам расследования и судебного рассмотрения дела, но и на высоком уровне проводить ситуационные исследования. Любая ошибка на плане приводит к искажению исходных данных и невозможности установления имеющих значение для дела фактов при производстве судебной экспертизы, а в худшем случае — к несоответствию установленных и действительно бывших на месте происшествия обстоятельств.

Огнестрельные повреждения могут быть обнаружены на различных предметах, расположенных как на улице (внешние стены, окна зданий и сооружений, заборы, деревья, автомобили и т. п.), так и внутри помещений (внутренние стены, шторы).

Во всех случаях в протоколе осмотра места происшествия фиксируются следующие данные: функциональное назначение, материал, габаритные размеры, индивидуализирующие признаки и месторасположение поврежденного предмета и/или его части; месторасположение повреждения на предмете; характер повреждения (сквозное, слепое, касательное); форма и размер повреждения; наличие вещества, похожего на копоть; наличие инородных частиц, в том числе похожих на зерна пороха [1, с. 31].

Если в исследуемом повреждении на предмете можно зафиксировать не металлический штырь, в протоколе дополнительно указывают следующие данные: расстояние от повреждения до уровня пола или земли; угловые характеристики повреждения в канал повреждения помещают не металлический штырь и измеряют углы наклона в вертикальной и горизонтальной плоскостях).

На месте происшествия можно обнаружить несколько повреждений, расположенных на одной прямой, что указывает на вероятность их образования в результате одного выстрела (например, повреждения на внешнем, внутреннем стекле окна и на стене, противоположной окну). В этом случае в протоколе фиксируют взаимное расположение данных повреждений. Затем с помощью не металлического штыря, шнура или лазерной указки визируют вероятную траекторию снаряда и измеряют угловые характеристики [2, с. 95].

При осмотре автомобиля с множественными повреждениями следует подробно описать повреждения, расположенные на внешней поверхности, внутренним же достаточно дать общую характеристику. Если предметы с повреждениями могут быть изъяты с места происшествия, их упаковывают, упаковку подписывают, указав место расположения, печатают, заверяют подписями следователя и понятых [3, с. 81].

Осмотр трупа с огнестрельными ранениями проводит судебно-медицинский эксперт. Смывы с рук делают для проверки версий о самоубийстве потерпевшего или его сопротивлении нападавшим с помощью огнестрельного оружия. Ватными или марлевыми тампонами, смоченными водными растворами этилового спирта, обрабатывают тыльную поверхность кисти руки на участке между основными фалангами большого и указательного пальцев до лучезапястного сустава. Смывы делают с обеих рук, подсушивают и упаковывают в пакеты. Отдельно упаковывают контрольный образец тампона [6, с. 190–191].

Одной из основных задач осмотра места происшествия при расследовании преступления, совершённого с применением огнестрельного оружия, является поиск материальных последствий выстрела. К ним относятся пули, дробь, картечь, стреляные гильзы, а также пыжи и прокладки охотничьих патронов. Исследование следов, сохранившихся на пулях и гильзах, позволяет установить вид использованного оружия, а при наличии достаточного комплекса индивидуальных признаков — идентифицировать конкретный его экземпляр. Сведения о местах обнаружения снарядов и стреляных гильз в совокупности с другими элементами обстановки могут использоваться для определения предполагаемой позиции стрелявшего.

Элементы снаряжения патронов не всегда можно обнаружить на месте происшествия. Гильзы могут остаться в барабане револьвера или патроннике охотничьего гладкоствольного ружья. Стрельба из автоматического оружия может производиться из сумки, пакета, которые выполняют роль сборщика гильз. Дробь, картечь могут откатиться на достаточно большое расстояние, попасть в щели и быть утеряны. Преступник, если у него есть время, может собирать стреляные элементы снаряжения патронов в целях сокрытия следов преступления [4, с. 221].

В последнее время преступники в целях противодействия расследованию иногда подкладывают на место происшествия элементы снаряжения патронов, предназначенных для стрельбы из такого же вида оружия, которое было использовано, но стреляные из другого экземпляра [5, с. 199].

Согласно криминалистическим рекомендациям, при осмотре места происшествия особое внимание необходимо уделять поиску объектов, связанных с произведённым выстрелом. Пули, дробь или картечь могут остаться внутри тела человека либо повреждённой преграды. В подобных ситуациях в ходе осмотра фиксируются расположение и внешние признаки повреждения, тогда как извлечение снаряда из тела погибшего осуществляется при судебно-медицинском исследовании, а из иных объектов — в ходе соответствующей экспертизы.

Обнаруженным пулям, гильзам, пыжам, прокладкам и другим элементам патрона присваиваются условные но-

мера. До перемещения каждый объект фотографируется, а его местонахождение определяется относительно постоянных ориентиров и отражается на плане места происшествия. При выявлении дробовой или картечной осыпи дополнительно устанавливаются её границы и размеры. Найденные предметы осматриваются над чистой светлой поверхностью, позволяющей сохранить отделившиеся частицы. Имеющиеся на пуле следы крови, костной ткани, стекла, лакокрасочного покрытия и других веществ удалять до экспертного исследования не следует, поскольку они могут иметь значение для восстановления обстоятельств выстрела. При описании гильзы фиксируются маркировка на её донной части, форма, цвет, материал изготовления и иные внешние признаки. После завершения осмотра каждый объект помещается в отдельную бумажную упаковку с поясняющей надписью; индивидуальные упаковки допускается вложить в общий опечатанный пакет [5, с. 199–205].

Оружие или сходный с ним предмет первоначально фотографируется без изменения его положения. На снимках необходимо отразить его расположение относительно окружающих объектов, после чего выполняются

масштабная фотосъёмка и измерения от постоянных ориентиров, а полученные данные переносятся на план.

До детального исследования устанавливается, заряжено ли оружие, и при необходимости производится его безопасное разряжение. Совершать выстрел при осмотре недопустимо, поскольку это может изменить состояние канала ствола и затруднить последующее экспертное исследование. Все действия выполняются в перчатках и таким образом, чтобы сохранить возможные следы рук на рукояти, спусковом крючке, ствольной коробке, магазине, цевье и шейке приклада. После фиксации результатов оружие упаковывается с исключением его перемещения и повреждения следов. Дульный срез допускается закрыть чистой бумагой или тканью. Использовать герметичный полиэтиленовый пакет не рекомендуется, поскольку скопление влаги способно вызвать коррозию металлических частей, включая канал ствола. Упаковка снабжается поясняющей надписью и опечатывается [5, с. 194–199].

Результаты осмотра, проведенного только на высоком профессиональном уровне, позволяют установить необходимые следствию факты о входящих в предмет доказывания обстоятельствах [6, с. 387].

Литература:

1. Антонов В. В. Работа со следами применения огнестрельного оружия на месте происшествия / В. В. Антонов // Евразийский юридический журнал — 2014- № 31 — С. 28–34.
2. Губин С. Г. Сущность и значение баллистической экспертизы в расследовании уголовных дел / С. Г. Губин // Интерэкспо Гео — Сибирь — 2013 — № 35 — С. 92–96.
3. Микляева О. В. Осмотр места происшествия, связанного с применением огнестрельного оружия // Закон и право. 2010. № 3. С. 80–82.
4. Осмотр места происшествия: справочник следователя / под общ. ред. А. А. Леви. Москва: Юридическая литература, 1982. 273 с.
5. Осмотр места происшествия: практическое пособие / под ред. А. И. Дворкина. — М.: Юрист, 2001. — 336 с.
6. Настольная книга следователя. Тактические приемы проведения осмотра места происшествия и допросов при расследовании преступлений различной категории: Науч.-методич. пособие / Под ред. А. И. Дворкина. М.: ЭКЗАМЕН, 2006. 637с.

Системность оплаты как признак трудового отношения в судебной практике по доказыванию фактического трудового отношения

Ветошкин Егор Игоревич, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В работе рассматривается систематичность оплаты труда как один из признаков фактических трудовых отношений. На основе законодательства, разъяснений Верховного Суда и Рекомендации МОТ анализируется судебная практика, подтверждающая, что периодичность выплат играет вспомогательную, но значимую роль в доказывании трудового характера отношений при отсутствии письменного договора.

Ключевые слова: систематичность оплаты, трудовое отношение, фактический допуск к работе, судебная практика, доказательства, признаки трудового отношения.

В настоящее время как никогда актуальна проблема «теневой» занятости, которая характеризуется укло-

нением от надлежащего оформления трудового договора. Чаще всего, инициатива исходит непосредственно от ра-

ботодателя — владельца малого или среднего бизнеса — в целях неуплаты налогов и страховых взносов, однако иногда незаключение трудового договора выгодно самому работнику (например, в ситуации, когда лицо получает пособие по безработице) [8, с. 150].

В соответствии с абз. 1 ч.1 ст. 135 ТК РФ заработная плата работнику устанавливается трудовым договором в соответствии с действующими у данного работодателя системами оплаты труда.

Так, заработная плата характеризуется как установленное соглашением сторон систематическое вознаграждение работника за исполнение им трудовой функции, выплачиваемое, как правило, в денежной форме. Она основывается на учете трудового вклада работника, а также на установленных тарифных нормах [9, с. 99] Именно заработная плата является одним из ключевых условий трудового договора.

В случае появления трудового спора между работником и работодателем, работнику сложно доказать как наличие «Серой» заработной платы, используемой как дополнительные выплаты работнику в обход налогов и страховых взносов, так и в целом трудовых отношений наравне с «Черной» заработной платой. Официальную заработную плату в полном объеме работник может взыскать без труда, обратившись либо в трудовую инспекцию, либо в суд [7]. Если трудовые отношения были основаны на гражданско-правовом договоре, то добиться их признания возможно как посредством обращения в государственную инспекцию труда (хотя эффективность данного правового института остается под вопросом), так и путем подачи искового заявления в суд. Однако если отсутствует какой-либо документ, подтверждающий факт работы, то установить возникновение трудовых отношений можно только в судебном порядке.

Одним из способов доказывания признания отношений трудовыми может являться систематичность оплаты как признака трудового отношения.

В Определении судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.04.2023 N 16-КГ23-4-К4 по делу N 2-597/2020 (далее — Определение № 16) указано следующее: «Вместе с тем само по себе отсутствие оформленного надлежащим образом, то есть в письменной форме, трудового договора не исключает возможности признания сложившихся между сторонами отношений трудовыми, а трудового договора — заключенным при наличии в этих отношениях признаков трудового правоотношения, поскольку к основаниям возникновения трудовых отношений между работником и работодателем закон (ч. 3 ст. 16 ТК РФ) относит также фактическое допущение работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его представителя в случае, когда трудовой договор не был надлежащим образом оформлен. Таким образом, по смыслу статей 15, 16, 56, ч. 2 ст. 67 ТК РФ в их системном единстве, если работник, с которым не оформлен трудовой договор в письменной форме, приступил к работе и выполняет ее

с ведома или по поручению работодателя или его представителя и в интересах работодателя, под его контролем и управлением, наличие трудового правоотношения презюмируется и трудовой договор считается заключенным. В связи с этим доказательства отсутствия трудовых отношений должен представить работодатель» [3]. Из этого следует, что отсутствие оформленного трудового договора не исключает возможности признания отношений трудовыми, а в последствии оформление их в соответствии с трудовым законодательством.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 N 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей — физических лиц и у работодателей — субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» (далее — ППВС № 15) к характерным признакам трудовых отношений Пленум ВС РФ отнес:

- 1) достижение сторонами соглашения о личном выполнении работником определенной, заранее обусловленной трудовой функции в интересах, под контролем и управлением работодателя;
- 2) подчинение работника действующим у работодателя правилам внутреннего трудового распорядка, графику работы (сменности);
- 3) обеспечение работодателем условий труда; выполнение работником трудовой функции за плату;
- 4) выполнение работником работы в соответствии с указаниями работодателя;
- 5) интегрированность работника в организационную структуру работодателя;
- 6) признание работодателем таких прав работника, как еженедельные выходные дни и ежегодный отпуск;
- 7) оплату работодателем расходов, связанных с поездками работника в целях выполнения работы; осуществление периодических выплат работнику, которые являются для него единственным и (или) основным источником доходов;
- 8) предоставление инструментов, материалов и механизмов работодателем [1].

К тому же, в пп. 6 п. 13 Рекомендации Международной Организации Труда от 15 июня 2006 г. N 198 о трудовом правоотношении (далее — МОТ № 198) определены признаки трудового правоотношения. К таким признакам могли бы относиться следующие элементы: б) периодическая выплата вознаграждения работнику; тот факт, что данное вознаграждение является единственным или основным источником доходов работника; осуществление оплаты труда в натуральном выражении путем предоставления работнику, к примеру, пищевых продуктов, жилья или транспортных средств; признание таких прав, как еженедельные выходные дни и ежегодный отпуск; оплата стороной, заказавшей проведение работ, поездок, предпринимаемых работником в целях выполнения работы; или то, что работник не несет финансового риска» [2]. В той же рекомендации МОТ № 198 в пп. 6 п. 11 устанавливается правовая презумпция существования ин-

дивидуального трудового правоотношения в том случае, когда определено наличие одного или нескольких соответствующих признаков. К таким признакам относится системность оплаты труда.

Рассмотрим примеры из судебной практики, где отношения признаются трудовыми исходя из систематичности оплаты труда как признака трудового отношения.

В решении Промышленного районного суда г. Самары от 27 февраля 2024 г. по делу № 2- 1946 /2024 суд рассмотрел доказательства истца в виде выписок по банковской заработной плате с систематическими переводами [4]. Так, в решении указано: «факт трудовых отношений подтверждается графиками работы, перепиской с ответчиком, переводами заработной платы на банковскую карту от ответчика, аудиозаписями разговоров». Из приведенного примера следует, что суд установил факт трудовых отношений исходя из систематичности оплаты труда в виде переводов заработной платы на банковскую карту.

В решении Ясненского районного суда от 27 июля 2021 г. по делу № 2[2]-186/2021 указано, что Тюнев С. П., осуществлявший трудовые функции дворника, в обоснование своих исковых требований ссылался, в частности, на наличие такого необходимого признака трудовых отношений как оплата труда. «...заработная плата по устной договоренности с директором ООО «Арсеналстройсервис» перечислялась на карточку Подкопаевой Е. М., которая позже переводила денежные средства Тюневу...» [5]. В данном примере судом были приняты доказательства, обуславливающие системность оплаты труда как признак трудового отношения. К тому же, суд сослался на рекомендации МОТ № 198, заявив, что при наличии одного из признаков трудового отношения, к которым относится системность оплаты труда, устанавливается презумпция трудового отношения.

В решении Черногорского городского суда от 5 февраля 2024 г. по делу № 2–2672/2023 работник обратился с иском в суд о признании отношений трудовыми. В деле рассматриваются такие доказательства как удостоверение охранника, личная карточка охранника, график дежурств, свидетельские показания и банковская выписка [6]. Данный пример примечателен тем, что в данном деле систематичность выплат скрыта. Так, переводы заработной платы осуществлялись через третьих лиц или несколько раз выдавались наличными. Из этого примера следует, что в некоторых случаях доказать наличие трудовых отношений, основываясь лишь на систематичности выплат как признака трудового отношения — сложно, так как нельзя точно установить природу таких переводов, а выплата наличными так вообще не фиксируется нигде. В таком случае в дополнении к этому необходимы иные способы доказывания, которые указаны в данном примере.

Обобщая приведенные выше нормативные положения и судебную практику, рассмотренную в рамках работы, следует, что системность оплаты как признак трудового отношения по доказыванию фактического трудового отношения имеет вспомогательную роль в доказательственной базе. Суд в основном рассматривает такое доказательство в соотношении с другими как письменными доказательствами, так и свидетельскими показаниями, подтверждающие как системность оплаты труда, так и сложившиеся трудовые отношения между истцом и ответчиком. К тому же, в делах, где системность оплаты труда как признак трудового отношения является доказательством, суд всегда ссылается на положения рекомендаций МОТ № 198, указывая, что при наличии одного признака трудового отношения, такого как системность оплаты труда, отношения признаются трудовыми.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 N 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей — физических лиц и у работодателей субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. (дата обращения 02.08.2026).
2. Рекомендация Международной Организации Труда от 15 июня 2006 г. N 198 о трудовом правоотношении
3. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.04.2023 N 16-КГ23–4-К4 по делу N 2–597/2020.
4. Решение Промышленного районного суда г. Самары от 27 февраля 2024 г. по делу № 2- 1946 /2024.
5. Решение Ясненского районного суда от 27 июля 2021 г. по делу № 2[2]-186/2021.
6. Решение Черногорского городского суда от 5 февраля 2024 г. по делу № 2–2672/2023.
7. Володина И. Невыплата «серой» зарплаты: доказательства и последствия // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2023. № 5. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. (дата обращения 01.08.2026).
8. Кочуганова Е. А. Оплата труда как признак трудовых отношений / Е. А. Кочуганова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 10 (405). — С. 149–151. [Электронный ресурс] // — URL: <https://moluch.ru/archive/405/89392/> (дата обращения: 29.07.2026).
9. Куренной, А. М. Трудовое право России / А. М. Куренной. — 3-е изд. — Москва: Проспект, 2015. — 604 с.

Правовые аспекты работы комплексных центров социального обслуживания населения в Российской Федерации

Жеварина Полина Дмитриевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Данная статья посвящена правовым аспектам деятельности комплексных центров социального обслуживания населения (КЦСОН) в Российской Федерации. Раскрываются ключевые законодательные акты, регулирующие работу центров, их функции, права и обязанности, а также рассматриваются вопросы финансирования и налогового регулирования.

Ключевые слова: законодательные акты, комплексный центр социального обслуживания, социальное обслуживание.

Комплексные центры социального обслуживания населения являются важной частью системы социальной защиты в России. Задача КЦСОН — оказать разностороннюю поддержку, чтобы улучшить условия жизни человека, помочь ему реализовать свои права и справиться с трудностями. Центр работает с разными категориями: пожилыми людьми, инвалидами, семьями с детьми, а также с другими уязвимыми группами (например, с людьми без определённого места жительства).

В зависимости от ситуации КЦСОН может предоставлять услуги в разных формах:

- На дому (помощь с бытовыми делами, уход, доставка продуктов или лекарств).
- В полустационарной форме (посещение центра в определённое время).
- В виде срочной помощи (разовая поддержка: одежда, предметы первой необходимости).

Центры предоставляют широкий спектр услуг, включая социальные, правовые, медицинские и психологические.

Нормативно-правовая база, регулирующая деятельность КЦСОН, представляет собой сложную систему, включающую федеральные и региональные законы, подзаконные акты и отраслевые нормы.

Основные законодательные акты, определяющие правовой статус и функции комплексных центров социального обслуживания населения, включают:

- Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». Он задаёт принципы работы, определяет ключевые понятия (что такое социальное обслуживание, формы услуг — на дому, полустационар, стационар), виды услуг и условия их предоставления, а также принципы финансового обеспечения организаций. [1]
- Приказ Минтруда России от 14.05.2025 № 305н «Об утверждении Правил организации деятельности организаций социального обслуживания, их структурных подразделений». Он вступил в силу с 1 сентября 2025 года и действует до 1 сентября 2031 года. В документе прописаны порядок организации работы, рекомендуемые нормативы штатной численности и перечень необходимого оборудования (особенно актуально для стационарной формы). [2]
- ФЗ № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». Устанавливает основные га-

рантии того, что граждане России смогут получить бесплатную квалифицированную юридическую помощь. Закон закладывает основы двух систем: государственной и негосударственной, а также определяет, как организовать правовое просвещение населения. [3]

Данные акты создают правовую основу для функционирования центров, определяя не только их права и обязанности, но и права граждан, получающих услуги.

Комплексные центры выполняют следующие функции:

- Предоставление социальных услуг: помощь в бытовых и социальных вопросах, поддержка семей, оказание психологической помощи.
- Информационно-консультационные услуги: информирование граждан о возможностях социальной поддержки и правовых аспектах.
- Организация досуга и реабилитационных мероприятий: обеспечение досуговой и культурной деятельности для граждан.

Работа комплексных центров социального обслуживания осуществляется в соответствии с установленными стандартами и требованиями, позволяющими обеспечить качество предоставляемых услуг.

Что касается финансирования комплексных центров социального обслуживания населения, оно осуществляется за счет средств федерального, регионального и местного бюджетов. Также возможна финансовая поддержка от юридических и физических лиц.

Стоит отметить, что КЦСОН, как некоммерческие организации, могут иметь право на льготы по налогу на прибыль и налогам на имущество. Однако применение этих льгот зависит от конкретной деятельности центра и от того, какую часть своих услуг он предлагает на платной основе.

Существуют определенные проблемы, связанные с правовым регулированием комплексных центров социального обслуживания населения. К ним относятся:

- Необходимость улучшения нормативной базы: отсутствие четкой регламентации в некоторых вопросах.
- Неполноценное информирование граждан: недостаточная осведомленность населения о доступных социальных услугах.

Комплексные центры социального обслуживания населения играют важную роль в социальной политике России. Правовая база, регулирующая их деятельность,

нуждается в дальнейшем совершенствовании и адаптации к меняющимся социальным условиям. Основными

задачами являются повышение качества услуг и информирование населения о правах и доступных услугах.

Литература:

1. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».
2. Приказ Минтруда России от 14.05.2025 № 305н «Об утверждении Правил организации деятельности организаций социального обслуживания, их структурных подразделений».
3. ФЗ № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».

Понятие и квалифицированные виды мошенничества

Илюшкин Сергей Александрович, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

Незаконное завладение имуществом другого лица или получение прав на него без каких-либо законных оснований — именно так характеризуется итоговая цель мошеннических действий. В академической среде данное явление квалифицируется как осознанное нарушение правовых норм, механизм реализации которого строится на введении жертвы в заблуждение либо на эксплуатации сложившихся доверительных отношений. Данное понятие охватывает обширный спектр недобросовестных поступков, к которым человек может прибегать, руководствуясь корыстными намерениями, для получения неправомерной выгоды за счет другого лица посредством создания ложных представлений, введения в заблуждение или умышленного сокрытия истинного положения дел [3, с. 1].

Появление специальных составов мошенничества в уголовном законодательстве стало закономерным следствием реакции законодателя на трансформацию и расширение форм преступной деятельности в данной сфере. Новые разновидности мошеннических схем не остались без должного правового регулирования, что повлекло за собой введение соответствующих поправок в уголовный закон.

Обман и злоупотребление доверием выступают теми определяющими характеристиками, которые принципиально отличают мошенничество от иных уголовно наказуемых деяний. Если рассматривать данное преступление с точки зрения преследуемых виновным целей, то можно обозначить два самостоятельных направления противоправной деятельности: незаконное завладение имуществом, принадлежащим другому лицу, а также получение прав на него посредством введения в заблуждение. Именно целевая направленность противоправных действий лежит в основе классификации мошенничества на его основные формы.

Под «мошенничеством» в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) понимается хи-

щение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Специфика мошенничества как формы хищения проявляется в том, что его объектом способно выступать не только чужое имущество, характерное для иных хищений, но и имущественные права [1].

Анализ содержания уголовного закона, позволяет выделить следующие виды мошенничества:

1. Квалифицированные виды мошенничества:

- совершение мошеннических действий группой лиц по предварительному сговору, или с причинением значительного ущерба гражданину;
- совершение мошенничества с использованием служебного положения, или в крупном размере;
- совершение мошеннических действий организованной группой, или в особо крупном размере, или повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение;
- совершение мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если это деяние повлекло причинение значительного, крупного или особо крупного ущерба.

2. Специальные виды мошенничества:

- совершение мошеннических действий в сфере кредитования;
- мошенничество при получении выплат;
- совершение мошеннических действий с использованием платежных карт;
- мошенничество в сфере страхования;
- совершение мошеннических действий в сфере компьютерной информации [4, с. 7].

Рассмотрим обстоятельства, создающие благоприятную почву для реализации квалифицированных форм обманных схем, влекущих за собой уголовное преследование. Перейдём к детальному изучению перечисленных разновидностей противоправных деяний мошеннического характера:

1) Злоумышленники намеренно создают ситуацию, при которой жертва оказывается в условиях безальтернативного выбора: необходимые ей материальные ценности — будь то строительное сырьё, комплектующие детали или иные вещественные объекты — можно приобрести исключительно через них, что порождает у пострадавшего острую зависимость от единственного доступного источника получения нужных товаров;

2) Срочная реализация имущества, продиктованная объективными обстоятельствами — приближающимся окончанием периода пригодности либо прогрессирующим ухудшением состояния вследствие эксплуатации — вынуждает пострадавшую сторону действовать в условиях жёсткого временного давления;

3) Необходимость потерпевшего увеличить свои сбережения в возможно короткие сроки за счет вложения своего капитала;

4) Специфика регионально-территориальных условий конкретной местности — уровень безработицы, ценовой уровень, среднестатистический доход и т. д. [6, с. 17].

Исследуя квалифицированные составы мошенничества, необходимо опираться на положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48. В целях удобства определения значительного размера правоприменительной практики законодатель в примечании к ст. 158 УК РФ обозначил размер такой ущерба, который не может составлять менее пяти тысяч рублей. Совокупность факторов, принимаемых во внимание при оценке существенности причинённого вреда, охватывает как материальное благосостояние пострадавшего лица и величину его заработка, так и наличие лиц, находящихся у него на иждивении. Помимо этого, необходимо принимать в расчёт суммарный бюджет семьи в случае совместного ведения хозяйства, а позиция самого потерпевшего относительно понесённых потерь также не может быть проигнорирована [2].

Рыночная цена имущества, которое было похищено, служит отправной точкой при расчёте материального вреда, нанесённого вследствие мошенничества. Именно стоимость, актуальная на момент совершения противоправного деяния, должна браться за основу при исчислении суммы причинённого ущерба. В случае подмены имущества в результате мошенничества или хищения, величина нанесённого ущерба рассчитывается на основе рыночной стоимости непосредственно похищенных ценностей, а не того имущества, которым была произведена замена. Когда определить точный размер ущерба стандартными методами не удаётся, назначается специальное экспертное исследование, по завершении которого компетентный специалист или эксперт составляет официальное заключение с указанием установленной суммы причинённого вреда.

Если преступление совершается организованной группой либо группой лиц, заранее вступивших в сговор, и при этом потерпевшим наносится ущерб того или иного масштаба, мошенничество приобретает квалифициро-

ванный характер. Распределение ролей между членами преступной группы существенно упрощает реализацию противоправного замысла — на это обстоятельство обращают внимание исследователи в профильных научных работах. При этом вне зависимости от уровня сплочённости и организации такого объединения групповой характер совершения преступления нередко ведёт к тому, что индивидуальная ответственность каждого соучастника становится размытой и труднее поддаётся установлению [7, с. 213].

Использование служебного положения при совершении мошеннических действий образует самостоятельный квалифицированный состав данного преступления. Подобное разграничение имеет под собой веские основания: должностные лица располагают специализированными профессиональными знаниями и наделены определёнными властными полномочиями, что существенно упрощает противоправное завладение чужим имуществом, имущественными правами или извлечение выгоды материального характера. Таким образом, преступления, совершаемые с задействованием служебных ресурсов, представляют повышенную общественную опасность по сравнению с обычным мошенничеством.

В правовой доктрине отмечается существенный пробел в регулировании данной разновидности противоправных деяний: законодательство ограничивается лишь перечислением лиц, способных выступать субъектами мошенничества с использованием служебного положения, однако не раскрывает содержательную сторону самого понятия «использование служебного положения», оставляя его без надлежащего нормативного толкования. Круг субъектов и характер применения ими своего положения — будь то правовые возможности или конкретный вид полномочий, обусловленных занимаемой должностью, — нуждаются в чётком определении при изучении данного явления, на что обоснованно указывается в научной литературе. Между тем законодатель подходит к данному вопросу односторонне, оставляя за рамками регулирования сам механизм реализации рассматриваемого положения [8, с. 48].

Доступ к служебной документации, корпоративным информационным системам и иным ресурсам существенно упрощает реализацию преступного умысла лицом, наделённым соответствующими должностными полномочиями. Следует также отметить, что подобная схема совершения противоправных действий находит применение и в отдельных специфических разновидностях мошенничества — в частности, связанных с незаконным получением социальных выплат либо осуществляемых в страховой сфере.

Способ и характер использования должностным лицом своего служебного положения в целях осуществления противоправного умысла представляет собой ключевой аспект, требующий тщательного анализа в ходе правоприменительной деятельности при квалификации мошенничества.

Способ и характер использования должностным лицом своего служебного положения при совершении мошенничества представляет собой ключевой аспект, который должен учитываться в ходе правоприменительной деятельности при квалификации подобных преступлений и установлении преступного умысла. Складывается обманчивое впечатление о гражданско-правовом характере подобных отношений: исполнитель выглядит платёжеспособным и добросовестным участником договора, однако в действительности исполнить взятые на себя обязательства он не способен в силу тех или иных обстоятельств. Корыстный мотив исполнителя служит ключевым разграничением между мошенничеством и нарушением гражданско-правовых обязательств. Способ совершения противоправных действий — будь то простой или сложный — играет определяющую роль при доказывании умысла. При этом умысел на уклонение от выполнения договорных обязательств, как правило, тщательно скрывается виновным лицом. Если речь идёт о простой схеме, то мошеннические деяния, как правило, не выходят за рамки одного региона. При сложных способах этого вида мошенничества преступная деятельность осуществляется в

«одном или нескольких регионах, или же может осуществляться за пределами РФ. Выбор способа совершения преступления зависит от вида предпринимательской деятельности, осуществляемой преступником» [5, с. 443].

Таким образом, в уголовном праве выделяются особые разновидности мошенничества, которые принято делить на две основные категории. Речь идёт о квалифицированных и специальных составах данного преступления. Каждая из указанных категорий содержит собственные подвиды, отличающиеся характерными особенностями и конкретными способами осуществления противоправных действий. При этом все они несут в себе повышенную угрозу для общества и влекут за собой серьёзные неблагоприятные последствия для лиц, пострадавших от подобных преступных посягательств.

Понимание сущности этих видов помогает сотрудникам оперативных подразделений правильно квалифицировать содеянное, обозначить перечень обстоятельств, которые необходимо задокументировать, для последующего осуществления предварительного расследования и привлечения виновного к ответственности, а также возмещения имущественного вреда потерпевшему.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г. № 164-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (ред. от 15 декабря 2022 г. № 38) // Российская газета. — 2017. — № 280.
3. Акимова, Е. А. Понятие и сущность мошенничества / Е. А. Акимова // Бизнес и общество. — 2024. — № 2(42). — С.1–6.
4. Ганиева, И. А. Понятие и содержание мошенничества / И. А. Ганиева // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2024. — № 1. — С. 6–10.
5. Горовой, В. В. Законодательные проблемы отдельных видов мошенничества / В. В. Горовой, Л. Е. Прихожая // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 2. — С. 440–441.
6. Екимцев, С. В. Характеристика квалифицированных видов мошенничества / С. В. Екимцев // Актуальные вопросы осуществления оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел. Сборник научных статей Всероссийского круглого стола. — 2024. — С. 16–22.
7. Кобылин, П. О. Квалифицирующие признаки мошенничества, связанные с причинением ущерба: вопросы законодательной регламентации / П. О. Кобылин // Уголовная политика: ценностные приоритеты и новеллы законодательства: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. — 2025. — С. 211–219.
8. Фарахiev, Д. М. Использование служебного положения при совершении мошенничества: особенности оперативно-разыскной деятельности / Д. М. Фарахiev // Современная наука. — 2024. — № 1. — С. 46–50.

Соотношение понятий «компетенция», «подведомственность» и «подсудность» в современной процессуальной доктрине

Кильдюшкин Владислав Игоревич, студент магистратуры

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Краснодар)

В статье исследуется соотношение понятий «компетенция», «подведомственность» и «подсудность» в современной процессуальной доктрине с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ. Рассматриваются основные научные подходы к определению указанных категорий, выявляются их содержательные различия

и взаимосвязь, а также оцениваются последствия исключения термина «подведомственность» из текста отдельных процессуальных кодексов. Обосновывается вывод о сохранении самостоятельного научного и практического значения подведомственности, несмотря на изменение законодательной терминологии. Особое внимание уделено необходимости унификации понятийного аппарата процессуального законодательства и более четкого разграничения компетенции, подведомственности и подсудности.

Ключевые слова: компетенция суда, подведомственность, подсудность, судебная компетенция, процессуальное право, гражданский процесс, арбитражный процесс, административное судопроизводство, судебная юрисдикция, унификация процессуального законодательства.

Право на судебную защиту не сводится к формальной возможности обращения в суд с иском либо заявлением. Его реальное осуществление предполагает правильное определение суда, к ведению которого отнесено рассмотрение соответствующего спора. Ошибка при установлении надлежащего суда затрагивает не только процессуальный порядок разрешения дела, но и влияет на доступность правосудия, соблюдение разумного срока судопроизводства, а в ряде случаев — на саму возможность рассмотрения требования по существу. С указанными обстоятельствами связан устойчивый интерес процессуальной науки к вопросу о соотношении понятий «компетенция», «подведомственность» и «подсудность». После принятия Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ [1] научный интерес к обозначенной проблеме возрос, поскольку обновление терминологии процессуального законодательства не сопровождалось устранением доктринальных расхождений в понимании названных правовых категорий.

Изменения, внесенные Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ, не сводятся к редакционной корректировке процессуального законодательства, поскольку содержание законодательных новелл свидетельствует о более глубоком пересмотре подходов к разграничению полномочий судов и определению пределов судебной юрисдикции, вследствие чего названные изменения требуют содержательного научного осмысления, выходящего за рамки вопросов законодательной техники и затрагивающего основы процессуального регулирования в той мере, в какой конечная направленность реформы связана с обеспечением доступности судебной защиты. Пересмотр прежней терминологии может быть объяснен стремлением законодателя к сближению гражданского и арбитражного судопроизводства, формированию более единых начал организации судебной деятельности, обеспечению процессуальной экономии и предупреждению юрисдикционных коллизий, включая устранение споров о том, какой суд уполномочен рассматривать конкретное дело. Однако исключение из текста закона термина «подведомственность» само по себе не означает утраты его научного и прикладного значения, поскольку юридическая природа данной категории сохраняет свое значение до тех пор, пока сохраняется потребность в разграничении дел между различными судебными системами.

В процессуальной доктрине подведомственность традиционно понимается как круг юридических дел, отне-

сенных законом к ведению государственных органов, организаций, должностных лиц, а также судов общей юрисдикции, арбитражных и третейских судов [2, с. 52]. Данное понимание представляется наиболее точным, поскольку оно позволяет рассматривать подведомственность не только как элемент судебного процесса, но и как общий механизм распределения юрисдикционных полномочий. Посредством подведомственности разграничивается компетенция органов, уполномоченных разрешать юридические дела. Названный институт связан не только с процессуальной формой, но и с определением надлежащего способа защиты права, поскольку содержание сводится к установлению органа, к ведению которого относится рассмотрение конкретного спора.

Ю. К. Осипов рассматривал ее как распределительный механизм, посредством которого государство направляет юридические дела к тому органу, который вправе и должен их разрешать с учетом природы соответствующего правоотношения [3, с. 121]. В. В. Аргунов видит в подведомственности не только способ обозначить компетенцию конкретного органа, но и средство определения формы защиты права, то есть порядка взаимодействия заинтересованного лица с юрисдикционным органом [4, с. 8].

П. Ф. Елисейкин, рассуждая о соотношении подведомственности и компетенции, отмечает различие их правовой природы, подведомственность, по его мнению, относится к материально-правовым институтам, а компетенция — к институтам процессуального права [5, с. 35]. В то же время К. А. Чудиновских указывает, что подведомственность определяет круг дел, на который может быть направлена деятельность соответствующего органа, тогда как компетенция характеризует наличие у органа властных прав на разрешение вопросов определенного рода [6, с. 17]. В развитии обозначенной позиции М. Ю. Петрова справедливо замечает, что отказ от слова «подведомственность» в тексте закона еще не означает исчезновения самого явления, поскольку разграничение сфер ведения между судами и иными юрисдикционными органами продолжает объективно существовать и в науке, и в правоприменении [7, с. 153].

В процессуальной доктрине подведомственность часто определяется через компетенцию. Данный подход встречается у М. А. Гурвича [8], Д. В. Швейцера [9] и других процессуалистов, которые связывают подведомственность как с кругом вопросов, отнесенных к ведению определенного органа, так и со свойством юридического дела,

позволяющим определить орган, уполномоченный на его разрешение. С данной точки зрения, граница между подведомственностью и подсудностью становится менее четкой. Думается, именно здесь сосредоточена одна из ключевых теоретических проблем, связанных с определением соотношения названных категорий.

Сведение подведомственности к свойству юридического дела неизбежно ведет к ее сближению с подсудностью. В связи с этим часть процессуалистов рассматривает различие между названными категориями как количественное, признавая подсудность производной формой подведомственности применительно к судебной системе. Однако подобная трактовка не устраняет вопроса о самостоятельном содержании каждой из названных категорий. Подведомственность служит разграничению дел между различными юрисдикционными органами и судебными подсистемами, тогда как подсудность определяет распределение дел внутри соответствующей судебной системы. Отождествление названных институтов не представляется теоретически обоснованным.

При принятии Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ [1] законодатель, по существу, исходил из утраты подведомственностью прежнего значения как категории, служившей разграничению компетенции между судами различных юрисдикций. Однако подобное объяснение нельзя признать бесспорным. Подведомственность первоначально предназначалась для разграничения полномочий не только между судебными органами, но и между судами и иными субъектами, наделенными юрисдикционными полномочиями. Следовательно, ограничение содержания рассматриваемого института рамками одной лишь судебной системы не дает достаточных оснований для отказа от его законодательного использования. Неубедительной представляется и ссылка на сближение судебных подсистем, поскольку унификация процессуальных начал сама по себе не устраняет различий в пределах ведения судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Суды общей юрисдикции и арбитражные суды сохраняют самостоятельное место в судебной системе и рассматривают отнесенные к их ведению дела по правилам соответствующего процессуального закона. Сохранение различий в пределах их ведения свидетельствует о наличии объективной необходимости разграничения сфер судебной деятельности. В связи с этим подведомственность не теряет значения ни в доктрине, ни в правоприменении. Исключение термина из текста закона не означает исчезновения того правового явления, для обозначения которого он был выработан процессуальной наукой. Думается, вопрос состоит не в утрате данной категорией научной ценности, а в изменении ее законодательного оформления.

Подведомственность сохраняет значение исходного распределительного механизма, посредством которого определяется юрисдикционный орган, к ведению которого относится конкретное дело. В гражданском судопроизвод-

стве названный институт продолжает использоваться для разграничения полномочий между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, предшествуя решению вопроса о подсудности конкретного спора. По указанной причине основания для вывода об утрате подведомственностью научного и практического значения отсутствуют. Напротив, законодательное регулирование и правоприменительная практика говорят о сохранении ее содержательной роли, несмотря на изменение терминологии процессуального закона.

Подсудность в процессуальной доктрине принято понимать как круг дел, отнесенных к ведению конкретного суда. Традиционно в ее составе выделяются родовая и территориальная подсудность. Родовая подсудность разграничивает дела между судами различных звеньев судебной системы с учетом характера и категории спора, территориальная — определяет суд одного уровня по критерию места рассмотрения дела [2, с. 98]. Посредством названного института обеспечивается внутреннее распределение дел в пределах соответствующей судебной системы. В этом и состоит основное юридическое назначение подсудности.

Сопоставление подведомственности и подсудности позволяет установить их тесную взаимосвязь, но не дает оснований для смешения. Подведомственность служит разграничению дел между различными юрисдикционными органами, включая случаи выбора между судебными системами. Подсудность, в свою очередь, определяет конкретный суд, уполномоченный рассматривать спор по первой инстанции. Разрешение вопроса о подсудности, таким образом, предполагает предварительное установление подведомственности, однако не совпадает с ней ни по содержанию, ни по процессуальной функции. Различие между названными институтами выражается не только в объеме, но и в их юридической роли.

Ю. В. Ефимова, учитывая изменения, внесенные в процессуальное законодательство, предлагает рассматривать подсудность как совокупность гражданских процессуальных норм, регулирующих распределение компетенции судов по первой инстанции при рассмотрении дел, а также определяющих компетенцию судов общей юрисдикции и мировых судей при их разрешении [10, с. 207]. В развитие данной позиции автор различает общую, или внешнюю, и специальную, или внутреннюю, подсудность. Внешняя подсудность, по существу, используется для обозначения предметной компетенции судов, тогда как внутренняя связана с распределением дел внутри судебной системы при рассмотрении их по первой инстанции [11, с. 268]. Нетрудно заметить, что в обозначенной конструкции внешняя подсудность фактически охватывает содержание прежней подведомственности, а внутренняя сохраняет значение подсудности в ее традиционном смысле. Данное решение свидетельствует о попытке приспособить сложившийся понятийный аппарат к новой редакции процессуального закона.

Близкую позицию занимает и В. В. Ярков, предлагающий различать межсистемную и внутрисистемную под-

судность. Первая служит разграничению предметов ведения между всеми судами, вторая — распределению дел внутри системы арбитражных судов либо судов общей юрисдикции. Наряду с этим В. В. Ярков рассматривает компетенцию как более широкую категорию, пригодную для разграничения полномочий не только между судами, но и между судами и иными государственными органами [2, с. 52]. Думается, указанная позиция отражает стремление сохранить разграничение различных уровней юрисдикции при изменении законодательной терминологии. Вместе с тем подобная конструкция вновь показывает, что потребность в разграничении прежних подведомственных и подсудных критериев не исчезла.

В современной научной литературе, сформировавшейся после исключения из закона термина «подведомственность», прослеживается стремление либо придать подсудности более широкое содержание, либо включить прежнюю подведомственность в категорию компетенции. Вместе с тем данное направление не отменяет различий между соответствующими правовыми явлениями. Подведомственность по-прежнему обозначает исходное разграничение юрисдикции, подсудность служит распределению дел внутри судебной системы, а компетенция определяет установленный законом объем властных полномочий соответствующего органа. С обозначенной точки зрения, каждая из названных категорий сохраняет самостоятельное юридическое содержание, несмотря на их терминологическое сближение в законодательстве.

Термин «компетенция» занимает устойчивое место в системе категорий публичного права и используется для обозначения пределов деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. В общем значении под компетенцией понимается установленная законом совокупность прав и обязанностей соответствующего органа. Применительно к судебной системе данная категория характеризует объем властных полномочий суда по рассмотрению и разрешению дел, отнесенных к его ведению. По своему содержанию компетенция шире подведомственности и подсудности, поскольку охватывает их как формы распределения дел в пределах установленного законом объема судебной власти.

Самостоятельное процессуальное значение категория компетенции получила с принятием Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации 2002 г. [12] (далее — АПК РФ), в котором вопросы подведомственности и подсудности были объединены в главе «Компетенция арбитражных судов». В дальнейшем указанное понятие было введено и в текст Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [13] (далее — ГПК РФ). Однако ни ГПК РФ, ни АПК РФ не содержат легального определения компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов, ограничиваясь регулированием соответствующих вопросов через нормы о подсудности и пределах судебного ведения. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [14] (далее — КАС РФ), в отличие от ГПК РФ и АПК РФ, сохранил традиционную

терминологию. Данное обстоятельство связано как с межотраслевым характером самой категории компетенции, так и с ее широким использованием в различных отраслях законодательства. Несмотря на тесную связь компетенции, подведомственности и подсудности, их смешение нельзя признать обоснованным, поскольку каждая из названных категорий имеет самостоятельное содержание.

Е. В. Васьковский связывал компетенцию с деятельностью судебных учреждений в пределах предоставленных им прав и обязанностей [15, с. 445]. В то же время Д. Х. Валеев указывал на возможность говорить прежде всего о компетенции конкретного суда, поскольку связанным с компетенцией понятием является подсудность суда, то есть круг дел, относящихся к компетенции определенного суда [16, с. 52]. Ф. Р. Конова предлагает различать широкое и узкое понимание компетенции, где в широком смысле она охватывает весь объем властных полномочий органа, а в узком касается его главных полномочий [17, с. 137]. С указанной точки зрения компетенция суда представляет собой не просто указание на круг дел, а более общую характеристику места суда в судебной системе, его власти по разрешению споров и иных дел, а также пределов осуществления такой власти в различных инстанциях.

Законодательное определение компетенции суда строится либо через прямое перечисление категорий дел, отнесенных к его ведению, либо через указание на общие критерии, включая субъектный состав спорного правоотношения и его материально-правовой характер, вследствие чего граница между компетенцией и подсудностью в ряде случаев становится менее определенной. ГПК РФ и АПК РФ в действующей редакции преимущественно закрепляют правила подсудности, однако через установление категорий дел, признаков спорного правоотношения и состава его участников фактически определяют и пределы компетенции соответствующего суда. Представляется, что компетенция суда не сводится к кругу рассматриваемых дел, поскольку охватывает весь объем его полномочий, формируемый не только процессуальными кодексами, но и федеральными конституционными законами, определяющими место суда в системе судебной власти, его функции и пределы осуществления юрисдикционной деятельности.

Д. П. Васильев считает, что применительно к судебной деятельности следует использовать категорию компетенции. Ее содержание автор связывает с видом судопроизводства, характером спорного правоотношения и субъектным составом участников дела [18, с. 178]. Думается, что данное понимание позволяет рассматривать компетенцию как правовую категорию, определяющую не только круг дел, но и пределы полномочий суда.

Соотношение компетенции, подведомственности и подсудности имеет системную природу. Подведомственность определяет принадлежность юридического дела к ведению соответствующего юрисдикционного органа, тогда как подсудность разграничивает дела внутри судебной системы и устанавливает суд, уполномоченный

рассматривать конкретный спор. Компетенция занимает более широкое место в понятийном ряду, поскольку выражает установленный законом объем властных полномочий суда и пределы их осуществления. Подведомственность и подсудность служат юридическими средствами распределения дел, компетенция же характеризует содержание судебной власти и границы ее реализации.

Исключение термина «подведомственность» из ГПК РФ и АПК РФ не дает оснований говорить об утрате его научного и прикладного значения. Подведомственность сохраняет роль критерия, на основе которого юридические дела относятся к ведению различных юрисдикционных органов. Необходимость в такой категории сохраняется постольку, поскольку сохраняется разграничение полномочий между судами и иными органами, наделенными правом разрешать юридические дела. Изменение

текста закона не отменяет существования самого правового явления, для обозначения которого процессуальная наука выработала названное понятие.

Неоднородность терминологии в действующем процессуальном законодательстве говорит о необходимости дальнейшей унификации понятийного аппарата. Использование категорий «подведомственность», «подсудность» и «компетенция» в различных нормативных актах при неодинаковом содержании не может быть признано удачным законодательным решением. Более последовательным вариантом выглядело бы переименование главы 3 ГПК РФ в «Компетенция судов общей юрисдикции», а главы 2 КАС РФ — в «Компетенция судов по административным делам», что способствовало бы большей согласованности процессуальной терминологии и снижению риска разнотолкования.

Литература:

1. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7523.
2. Арбитражный процесс: учебник / ответственный редактор В. В. Ярков. — М.: Статут, 2021. 752 с.
3. Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел. Свердловск, 1973. 124 с.
4. Аргунов В. В. Ломка правовых устоев или рядовое устранение очередного правового пуризма в судебной практике? Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ 13.04.2016 № 306-ЭС15-14024 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 8. С. 8–17.
5. Елисейкин П. Ф. Защита субъективных прав и интересов и компетенция суда в гражданском процессе // Ученые записки Дальневосточного государственного университета. Владивосток, 1969. 120 с.
6. Чудиновских К. А. Подведомственность в системе гражданского и арбитражного процессуального права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 306 с.
7. Петрова М. Ю. К вопросу соотношения понятий «подведомственность», «подсудность» и «компетенция» // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 148–153.
8. Гурвич М. А. Право на иск. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 216 с.
9. Швейцер Д. В. Гражданский процесс и арбитраж. М., 1960. 56 с.
10. Ефимова Ю. В. Изменение понятия подсудности в современном гражданском судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6. С. 207–212.
11. Ефимова Ю. В. Система подсудности в гражданском судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4. С. 265–268.
12. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
13. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
14. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
15. Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 624 с.
16. Арбитражный процесс: учебник / ответственный редактор Д. Х. Валеев и М. Ю. Челышев. М.: Статут, 2010. 572 с.
17. Конова Ф. Р. Влияние доктрины на трансформацию понятия «компетенция суда» в контексте реформирования цивилистического процессуального законодательства // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 127–157.
18. Васильев Д. П. Разграничение компетенции между судами общей и арбитражной юрисдикции // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (121). С. 164–170.

Предметный и субъектный критерии разграничения судебной компетенции в цивилистическом процессе: проблемы правоприменительной интерпретации

Кильдюшкин Владислав Игоревич, студент магистратуры

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Краснодар)

В статье исследуются предметный и субъектный критерии разграничения судебной компетенции в цивилистическом процессе с учетом процессуальной реформы, проведенной Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ. На основе научных подходов и материалов судебной практики раскрыты трудности правоприменительной интерпретации при определении компетентного суда по спорам, возникающим на границе гражданского и арбитражного судопроизводства. Особое внимание уделено делам, в которых разграничение компетенции зависит от соотношения характера спорного правоотношения, статуса участников и прямого указания закона на специальную категорию спора. По итогам исследования обоснован вывод о приоритете специальной предметной компетенции, после чего значение приобретает материально-правовая природа спорного отношения, тогда как субъектный состав участников выполняет уточняющую функцию.

Ключевые слова: судебная компетенция, цивилистический процесс, предметный критерий, субъектный критерий, разграничение компетенции, арбитражные суды, суды общей юрисдикции, корпоративные споры, банкротные споры, интеллектуальные права.

Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ, вступивший в силу 1 октября 2019 г. [1], изменил понятийный аппарат процессуального законодательства, в частности, в Гражданском процессуальном кодексе РФ [2] (далее — ГПК РФ) и Арбитражном процессуальном кодексе РФ [3] (далее — АПК РФ) категория «подведомственность» была вытеснена категориями «компетенция» и «подсудность», а в статье 22 ГПК РФ и главе 4 АПК РФ разграничение дел между судами общей юрисдикции и арбитражными судами получило новое нормативное оформление. Вместе с тем реформа не устранила саму задачу распределения споров между различными судебными подсистемами, а перенесла ее из прежней конструкции подведомственности в конструкцию судебной компетенции, вследствие чего вопрос о выборе надлежащего суда сохранил прежнее практическое значение, но стал решаться через иные терминологические и системные ориентиры закона.

Научная дискуссия по обозначенному вопросу сосредоточена не на терминологической замене как таковой, а на выявлении юридически значимых критериев, позволяющих определить суд, уполномоченный на рассмотрение дела по существу. В. Н. Козлова указывает на неполное совпадение понятий компетенции, подведомственности и подсудности, вследствие чего обновление понятийного аппарата не повлекло автоматического устранения прежних теоретических и прикладных затруднений [4]. М. Ю. Петрова также исходит из того, что новая терминология сохраняет содержательную связь с ранее сложившимися моделями разграничения дел между судебными подсистемами [5]. Д. П. Васильев предлагает рассматривать судебную компетенцию как более широкую правовую категорию, охватывающую как распределение дел между судами различных юрисдикций, так и пределы властных полномочий суда при разрешении спора [6]. Е. Г. Потапенко, анализируя развитие критериев компетенции ар-

битражных судов, приходит к выводу, что и после процессуальной реформы определяющее значение сохраняют предмет спора, субъектный состав участников и прямое указание закона, вследствие чего замена терминов не исключила коллизий, возникающих на стыке гражданского и арбитражного судопроизводства [7].

Предметный критерий в теории цивилистического процесса обычно связывают с характером спорного материального правоотношения, прежде всего с его принадлежностью к предпринимательской либо иной экономической деятельности. Субъектный критерий, в свою очередь, определяется через правовой статус участников спора и требует учета того, выступают ли в процессе юридические лица, индивидуальные предприниматели, граждане, не обладающие предпринимательским статусом, либо специальные субъекты корпоративных и интеллектуальных правоотношений. Современные научные исследования свидетельствуют, что изолированное применение одного из названных критериев далеко не во всех случаях позволяет корректно разрешить вопрос о судебной компетенции. Д. П. Васильев обоснованно исходит из необходимости совокупной оценки вида судопроизводства, характера спорного правоотношения и субъектного состава участников [6]. Е. Г. Потапенко, исследуя отдельные категории дел, приходит к выводу, что в одних случаях субъектный критерий лишь подтверждает экономическую природу спорного отношения, тогда как в других уступает значение специальной предметной модели, непосредственно закрепленной в законе [7].

Практика Верховного Суда РФ позволяет выявить пределы применения предметного критерия при разграничении судебной компетенции. Так, в деле № А40-110786/2013 компания «PROSPER RIVER LIMITED» обратилась в арбитражный суд с иском к гражданину Л. о взыскании свыше 3,6 млн долларов США по договору гарантии, заключенному в обеспечение исполнения обяза-

тельств по кредитному договору с компанией-заемщиком. Суды трех инстанций удовлетворили заявленные требования, признав определяющим коммерческий характер основного обязательства и содержание обеспечительной сделки. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты и прекратила производство по делу, указав, что участие гражданина в арбитражном процессе в качестве стороны допустимо при наличии у него статуса индивидуального предпринимателя на момент обращения в суд либо в случаях, прямо предусмотренных федеральным законом. Само по себе возникновение спора из правоотношения, связанного с предпринимательским кредитованием, не было признано достаточным основанием для отнесения дела к компетенции арбитражного суда, поскольку единственным ответчиком выступало физическое лицо, не обладавшее статусом индивидуального предпринимателя [8]. Обозначенная правовая позиция свидетельствует, что экономическая природа основного обязательства не устраняет значения субъектного критерия в тех случаях, когда законодатель непосредственно связывает возможность рассмотрения дела арбитражным судом с правовым статусом участника спорного правоотношения.

Стоит обратить внимание на правовую позицию, выраженную в определении Верховного Суда РФ от 30 мая 2017 г. № 18-КГ17-65. Основанием для рассмотрения дела послужил спор между С. и обществом, возникший в связи с выполнением строительных работ на принадлежащем ей земельном участке. Суд первой инстанции и суд апелляционной инстанции рассматривали дело по правилам гражданского судопроизводства, однако президиум краевого суда прекратил производство, исходя из того, что спор возник между обществом и индивидуальным предпринимателем и потому подлежит разрешению в системе арбитражных судов. Верховный Суд РФ признал такой вывод ошибочным и указал, что договор аренды земельного участка, равно как и договор строительного подряда, были заключены с С. как с физическим лицом, а принятые обществом обязательства не были связаны с осуществлением ею предпринимательской либо иной экономической деятельности [9]. Следовательно, значение для разрешения вопроса о судебной компетенции имел не формальный факт наличия у участника статуса индивидуального предпринимателя, а то юридическое качество, в котором лицо вступило в конкретное спорное правоотношение. Правовая позиция Верховного Суда РФ свидетельствует, что субъектный критерий не подлежит абстрактному применению и должен оцениваться в неразрывной связи с содержанием спорного материального отношения.

Еще более определенно разграничение корпоративных и обязательственных споров проведено в определении Верховного Суда РФ от 18 мая 2021 г. № 18-КГ21-25-К4. К. обратился с иском к ООО «СГ-Лаба» о взыскании задолженности по договорам займа, однако суд апелляционной инстанции прекратил производство по делу, сославшись

на то, что истец является соучредителем общества, а потому заявленное им имущественное требование подлежит рассмотрению в системе арбитражных судов как спор, связанный с экономической деятельностью. Кассационный суд общей юрисдикции согласился с такой оценкой. Верховный Суд РФ отменил состоявшиеся судебные акты и указал, что спор не относится к числу корпоративных споров, перечисленных в ст. 225.1 АПК РФ, поскольку возник из договоров займа, заключенных между физическим лицом и хозяйственным обществом. При этом Суд отметил, что наличие у заимодавца статуса учредителя или участника общества само по себе не изменяет правовую природу заявленного требования и не переводит спор в категорию корпоративных [10]. Как видно, участие гражданина в уставном капитале общества не превращает любое его имущественное требование к юридическому лицу в корпоративный спор. Определяющее значение в подобных случаях имеет предмет заявленного требования и содержание спорного обязательственного отношения, тогда как субъектная связь истца с обществом не может рассматриваться как самостоятельное и достаточное основание для изменения судебной компетенции.

Специальные категории дел показывают, что при прямом указании закона предмет спора имеет приоритет перед обычным субъектным разграничением. Так, в определении Верховного Суда РФ от 30 июня 2020 г. № 41-КГ20-3 рассматривался иск бывшей супруги должника к должнику и управляющей компании о признании недействительным соглашения о передаче земельного участка и иного недвижимого имущества. Суды общей юрисдикции квалифицировали спор как требование о недействительности сделки, однако Верховный Суд РФ отменил апелляционное определение и указал, что отчуждение имущества произошло в рамках процедуры банкротства после дважды несостоявшихся торгов. При данных обстоятельствах спор подлежал разрешению с применением специальных норм законодательства о несостоятельности и залоге. Поскольку закон относит заявления об оспаривании сделок должника к компетенции арбитражного суда, рассматривающего дело о банкротстве, личный состав участников и семейный характер конфликта не влияли на определение надлежащего суда [11]. Данная правовая позиция свидетельствует, что при наличии специальной предметной модели субъектный критерий не сохраняет самостоятельного разграничительного значения.

Аналогичный подход прослеживается в делах о защите интеллектуальных прав. В определении Конституционного Суда РФ от 25 ноября 2020 г. № 2695-О рассматривалась жалоба Дорохина, который оспаривал рассмотрение патентного спора арбитражными судами при участии гражданина в качестве стороны. Из материалов дела следовало, что суд общей юрисдикции отказал в принятии искового заявления, после чего спор был принят к производству арбитражными судами и разрешен по существу. Конституционный Суд РФ не установил нарушения

ст. 47 Конституции РФ и указал, что ст. 43.4 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации» во взаимосвязи с нормами АПК РФ определяет компетенцию суда в зависимости от категории дела. Следовательно, законодатель вправе закрепить такую специальную предметную категорию, при которой спор об интеллектуальном праве подлежит рассмотрению в арбитражной системе независимо от участия в нем гражданина [12]. Указанная позиция подтверждает, что по делам специальной юрисдикции решающее значение имеет нормативно определенный предмет спора, а не общий субъектный состав участников.

Практика Суда по интеллектуальным правам и Верховного Суда РФ развивает обозначенный подход применительно к конкретным спорам о защите интеллектуальных прав. В деле № СИП-295/2023 П. обратился в Суд по интеллектуальным правам с иском к корпорации о признании патентов недействительными в части указания авторства и патентообладания, а также об обязании Роспатента выдать новые патенты. Принятие иска к производству, его рассмотрение Судом по интеллектуальным правам и последующая проверка дела Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ свидетельствуют, что определяющее значение для установления компетентного суда имеет предмет спора, связанный с действительностью патента и охраной результата интеллектуальной деятельности. В определении от 8 октября 2024 г. № 300-ЭС24-6956 Верховный Суд Российской Федерации отменил судебные акты в части отказа и направил дело на новое рассмотрение в Суд по интеллектуальным правам, действующий в данном случае как суд первой инстанции [13]. Указанная правовая позиция подтверждает, что специальная компетенция по интеллектуальным спорам определяется характером защищаемого права и предметом заявленного требования, а не разграничением

участников по признаку статуса гражданина или предпринимателя. Субъектный критерий в такой категории дел имеет вспомогательное значение и не выступает самостоятельным основанием для определения суда, уполномоченного рассматривать спор по существу.

Сопоставление доктринальных подходов и судебной практики позволяет определить последовательность применения критериев разграничения судебной компетенции. Прежде всего подлежит выяснению, не отнесен ли спор федеральным законом к специальной категории дел, включая банкротные, корпоративные и интеллектуальные споры. При отсутствии такого указания необходимо установить материально-правовую природу спорного отношения и лишь после этого обращаться к оценке субъектного состава участников, причем не формально, а с учетом того правового качества, в котором лицо вступило в соответствующее правоотношение. Обозначенный порядок подтверждается практикой по делам о гарантии гражданина, выданной в обеспечение коммерческого кредита, по спорам из договора подряда с участием лица, обладающего статусом индивидуального предпринимателя, по требованиям из договоров займа между участником общества и самим обществом, а также по делам, возникающим в связи с банкротством и защитой патентных прав. Ошибки в правоприменении возникают в тех случаях, когда один из критериев абсолютизируется вне связи с иными юридически значимыми признаками спора. По указанной причине для современного цивилистического процесса более обоснованной представляется иерархическая модель, в рамках которой специальная предметная компетенция имеет приоритет, правовая природа спорного отношения образует следующий уровень квалификации, а субъектный состав участников выполняет уточняющую, но не самостоятельную разграничительную функцию.

Литература:

1. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7523.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Козлова, В. Н. К вопросу о соотношении понятий «компетенция судов», «подведомственность» и «подсудность гражданских дел» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2019. — № 7. — С. 89–93.
5. Петрова, М. Ю. К вопросу соотношения понятий «подведомственность», «подсудность» и «компетенция» // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2023. — № 1. — С. 148–153.
6. Васильев, Д. П. Разграничение компетенции между судами общей и арбитражной юрисдикции // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2018. — № 2 (121). — С. 164–170.
7. Потапенко, Е. Г. Генезис компетенции арбитражных судов (на примере развития критериев определения компетенции) // Вестник СГЮА. — 2024. — № 5 (160). — С. 95–105.
8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2015 г. № 522-ПЭК15 по делу № А40-110786/2013 // СудАкт: судебные и нормативные акты РФ. — URL: <https://sudact.ru/vsrfd/doc/Cmfh1EkbpXR/> (дата обращения: 23.04.2026).

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2017 г. № 18-КГ17-65 // Юридическая информационная система «Легалакт». — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-30052017-n-18-kg17-65/> (дата обращения: 23.04.2026).
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2021 г. № 18-КГ21-25-К4 // Юридическая информационная система «Легалакт». — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-18052021-n-18-kg21-25-k4/> (дата обращения: 23.04.2026).
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 41-КГ20-3 // Юридическая информационная система «Легалакт». — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-30062020-n-41-kg20-3/> (дата обращения: 23.04.2026).
12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2020 г. № 2695-О // Юридическая информационная система «Легалакт». — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-25112020-n-2695-o/> (дата обращения: 23.04.2026).
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 8 октября 2024 г. № 300-ЭС24-6956 по делу № СИП-295/2023 // Юридическая информационная система «Легалакт». — URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-08102024-n-300-es24-6956-po-delu-n-sip-2952023/> (дата обращения: 23.04.2026).

Право в системе нормативного регулирования общественных отношений

Коробкова Таисия Александровна, студент

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Нижний Новгород)

В статье исследуется роль права в совокупности всех социальных норм в обществе — правил, которые предписывают людям, как себя вести, задают границы возможного и должного поведения.

Раскрыты понятие и основные функции права. Особое внимание уделено практическому значению права в жизни человека.

Ключевые слова: право, социальные нормы, функции права, законы, правовые акты.

Law in the system of regulatory regulation of social relations

Korobkova Taisiya Aleksandrovna, student

Privolzhsky branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (Nizhny Novgorod)

This article examines the role of law in the totality of all social norms in society—the rules that dictate how people behave and define the boundaries of possible and appropriate behavior.

The concept and main functions of law are explored. Particular attention is paid to the practical significance of law in human life.

Keywords: law, social norms, functions of law, laws, legal acts.

Понятие и признаки социальных норм

Общество не может существовать без регулирования, под которым понимается упорядочение поведения людей в различных сферах жизнедеятельности и которое подразделяется на индивидуальное и нормативное. Если индивидуальное регулирование проявляется в том, что один конкретный субъект воздействует на другого, предписывая ему строго определенную модель поведения (например, приказ ректора об отчислении из вуза конкретного студента), то нормативное регулирование реализуется с помощью создаваемых в обществе норм, поддерживающих общего характера и направляющих поведение

большого круга людей (например, выраженные в налоговом законодательстве юридические нормы) [2].

Понятие и основные функции права

Право — это система правил и законов, которые регулируют отношения между людьми и организациями. Оно помогает людям жить вместе в обществе, избегая конфликтов и недоразумений. Право устанавливает, что можно делать, а что нельзя, и какие последствия наступают за нарушение правил.

Основная функция права — поддерживать порядок. Оно защищает права и свободы каждого человека, дает

возможность решать споры через суд. Еще одна важная функция — регулирование поведения. Право помогает организовать работу предприятий, школы, семьи и других групп. Оно также способствует справедливости, потому что устанавливает равные правила для всех [1].

Таким образом, право — это важный инструмент, который помогает обществу развиваться и жить в мире. Без права было бы трудно поддерживать порядок и защищать интересы людей. Поэтому право играет ключевую роль в жизни каждого человека и общества в целом.

Источники правовых норм

Источники правовых норм — это документы и правила, которые содержат законы и нормы, регулирующие отношения между людьми и государством. Они помогают понять, что можно делать, а что нельзя. В основном источниками правовых норм являются законы, принятые государственными органами. Например, это могут быть законы, принятые парламентом, или указы президента.

Кроме законов, важными источниками являются подзаконные акты, такие как постановления и распоряжения. Они помогают уточнить и дополнить законы. Также в качестве источников можно назвать международные договоры, которые страны заключают между собой. Эти договоры становятся частью национального законодательства, если их ратифицирует государство.

Еще одним источником правовых норм являются судебные решения. Когда суд выносит решение по делу, оно может стать примером для других случаев и помочь понять, как применять законы. Все эти источники вместе создают систему правил, которая регулирует жизнь в обществе [4].

Структура правовой системы

Структура правовой системы — это организация и разделение различных видов права, которые регулируют общественные отношения. В правовой системе есть разные уровни и виды правовых актов. Они помогают понять, как действует право в стране.

Основные части структуры — это законы, подзаконные акты и международные договоры. Законы принимаются парламентом и имеют самую большую силу. Они регулируют важные вопросы, например, права и обязанности граждан. Подзаконные акты создаются для более точного выполнения законов. Это могут быть постановления, распоряжения и инструкции. Международные договоры — это соглашения между странами, которые тоже имеют силу в правовой системе [3].

Литература:

1. Власова, Т. В. Теория государства и права: учебник / Т. В. Власова, В. М. Дуэль. — Москва: ИОП РГУП, 2023. — 288 с. — ISBN 978-5-00209-078-5. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2151295>.
2. НОУ ИНТУИТ. Теория государства и права. Лекция 8. URL: <https://intuit.ru/studies/courses/3599/841/lecture/31484?page=1>

Все эти части связаны между собой и работают вместе, чтобы обеспечить порядок в обществе. Структура правовой системы помогает понять, как создаются и применяются законы. Это важно для того, чтобы знать свои права и обязанности.

Практическое значение права в жизни человека

Право играет важную роль в жизни каждого человека. Оно помогает людям жить в обществе спокойно и безопасно. Благодаря праву можно защитить свои права и интересы. Например, если кто-то нарушает чужие права, закон дает возможность обратиться за помощью и получить справедливость.

Право также регулирует поведение людей. Оно устанавливает правила, которых нужно придерживаться. Это помогает избежать конфликтов и недоразумений. Например, законы о дорожном движении делают дороги безопаснее для всех участников.

Кроме того, право помогает решать споры и разногласия. Когда возникают проблемы, можно обратиться в суд или к другим органам, чтобы найти справедливое решение. Это делает общество более справедливым и организованным [4].

Заключение

Право не заменяет другие нормы, а дополняет их, заполняя те ниши, где другие регуляторы не справляются. Оно берёт на себя регулирование наиболее важных, социально значимых отношений — например, имущественных, отношений в сфере управления, охраны общественного порядка. При этом право не охватывает абсолютно всё: многие личные, дружеские, семейные связи остаются за пределами его регулирования. dgunh.ru@intuit.ru

Через право в обществе закрепляются определённые модели поведения, устанавливаются права и обязанности участников, определяются границы свободы, вводятся механизмы разрешения споров и защиты интересов.

Можно сказать, что право — это мощный, формализованный и гарантированный государством регулятор, который занимает в системе нормативного регулирования особое, но не единственное место. Его сила в том, что он способен системно и объективно упорядочивать наиболее острые и значимые для общества сферы, обеспечивая при этом механизм защиты и ответственности.

Таким образом, право важно для жизни каждого человека, потому что оно обеспечивает порядок, безопасность и справедливость.

3. Попова, А. В. Теория государства и права: учебное пособие / А. В. Попова. — Москва: ИНФРА-М, 2024. — 365 с. — (Высшее образование: Бакалавриат). — DOI 10.12737/textbook_5b92162402ea33.65818807. — ISBN 978–5–16–014069–8. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2107422>.
4. Юрковский, А. В. Права человека: учебник / А. В. Юрковский, К. Н. Евдокимов, Е. Л. Иванова; под редакцией А. В. Юрковского. — Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025–318 с. — URL: https://iagprf.org/nauchnye-trudy/2025/Prava_cheloveka.pdf. — Текст: электронный.

Актуальные проблемы института аппарата суда и пути их решения

Кротова Софья Игоревна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

Эффективная организация работы судов играет ключевую роль в повышении результативности деятельности по осуществлению правосудия, целью которого является гарантия защиты законных интересов и свобод граждан. Усложнение и возрастающая трудоемкость рассматриваемых дел закономерно приводят к существенному увеличению рабочей нагрузки на всех сотрудников суда. При этом качество организации работы аппарата суда напрямую влияет на сроки рассмотрения дел, а также на уровень доступности и открытости правосудия. Тем не менее, наблюдаются пробелы в нормативно-правовом регулировании вопросов, связанных с кадровым обеспечением и эффективностью деятельности государственных служащих в судебной системе. Цель статьи — выявление ключевых актуальных проблем института аппарата суда и определение некоторых направлений для их решения. Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе деятельности института аппарата суда в судебной системе Российской Федерации. Предмет исследования — законодательные и иные нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения, связанные с установлением основ статуса и обеспечением деятельности института аппарата суда в Российской Федерации. В основу настоящей статьи легли нормы действующего российского законодательства, регулирующие правовой статус государственных гражданских служащих в судебной системе Российской Федерации.

Ключевые слова: судебная власть, государственные гражданские служащие, институт аппарата суда, правовой статус государственных гражданских служащих в органах судебной власти, проблемы института аппарата суда.

Правовое регулирование государственной гражданской службы в органах судебной власти сопряжено с рядом нерешенных актуальных проблем. В частности, остаются законодательные пробелы в регламентации отдельных аспектов прохождения службы, также приходится констатировать отсутствие действенных механизмов мотивации и планирования карьерного роста и повышения профессиональной подготовки сотрудников.

Современные реалии требуют от аппарата суда наличия не только глубоких юридических познаний, но и уверенного владения цифровыми технологиями, понимания нюансов процессуальной формы отправления правосудия на различных стадиях судопроизводства и оперативной адаптации к изменениям законодательства. В связи с этим, мы предлагаем рассмотреть вопрос обязательной дополнительной профессиональной подготовки для новых государственных гражданских служащих, сфокусированной на освоении информационных систем, применяемых в их профессиональной деятельности. При появлении новых или совершенствовании существующих информационных платформ в условиях стремительного технологического прогресса критически важно обеспечить оперативное дополнительное обучение персонала. Внедрение специализированных образовательных про-

грамм, нацеленных на повышение квалификации сотрудников, будет способствовать повышению эффективности работы судебной системы и минимизации числа потенциальных юридических недочетов [8].

Неотъемлемым фактором, определяющим результативность работы судебного аппарата, является уровень социальных гарантий и конкурентоспособность условий труда. Заслуживает внимания позиция ряда правоведов, предлагающих установить заработную плату сотрудников аппарата суда на уровне от одной второй до двух третей от должностного оклада судьи. Данная мера обоснована тем, что качество отправления правосудия напрямую зависит от профессионализма и опыта этих специалистов. Кроме того, актуальным представляется предложение о предоставлении судебным служащим права на досрочный выход на пенсию с одновременным назначением пожизненного содержания в размере 80–85 % от их должностного дохода. Реализация подобной системы стимулирования, несомненно, повысит общественный статус профессии, создавая прочный фундамент для привлечения в судебные органы высококвалифицированных кадров.

Необходимо подчеркнуть, что на сегодняшний день сотрудники аппаратов судов всех инстанций имеют статус государственных гражданских служащих. Однако,

в то же время, они выполняют особые задачи по обеспечению функционирования судебной системы, включая процесс отправления правосудия. Это демонстрирует целесообразность выделения данной группы служащих в отдельную категорию, отличную от общего корпуса государственных гражданских служащих. Причина заключается в том, что последние, в большинстве своем, осуществляют свою профессиональную деятельность в рамках исполнительных органов власти. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ [4] в значительной степени формировался с учетом специфики деятельности именно исполнительной власти, и в текущий момент недостаточно отражает особенности прохождения службы в органах судебной власти. Данную правовую коллизию следует устранить путем внесения изменений в ФЗ-79, дополнив его отдельной главой, регламентирующей прохождение службы в судебных органах. Подобная законодательная инициатива не только оптимизирует материальное и социальное обеспечение сотрудников, но и, по своей сути, укрепит престиж работы в судебной системе.

Анализ зарубежного законодательства позволил выявить особенность, разумная имплементация которой, как представляется, весьма востребована при реформировании отечественной системы. В зарубежном законодательстве значительное внимание уделяется численности помощников судей. Этот аспект регулируется по-разному в различных правовых системах, что обусловлено уникальными историческими путями развития судебной системы и разной степенью загруженности судов. Например, в таких странах, как Великобритания и Соединенные Штаты Америки число помощников может варьироваться как между судьями одного уровня, так и между судьями судов различных инстанций. Такая практика в этих государствах во многом определяется объемом работы конкретного суда, его компетенцией и внутренними правилами.

В России же установлено общее правило, по которому за одним судьей закреплен один помощник. Однако статистические данные и текущая ситуация в судебной системе свидетельствуют о существенном различии в нагрузке на судей как между регионами, так и между инстанциями. В крупных городах и экономически развитых субъектах нагрузка может в разы превышать показатели менее за-

груженных судебных инстанций других территориальных образований [6].

Учитывая изложенное, представляется целесообразным разработать механизм гибкого распределения помощников судей, зависящий от реальной нагрузки конкретного суда. Мы предлагаем использовать следующие критерии, которые могут лечь в основу соответствующего механизма: объем поступающих дел — количество дел, поступающих в производство судьи за определенный период (месяц, квартал, год), служит базовым индикатором. При превышении установленного норматива (например, на 30–50 % выше среднего по региону) целесообразно увеличивать число помощников; сложность дел — можно использовать балльную систему оценки: простые дела — 1 балл, средней сложности — 2 балла, сложные (многоэпизодные, с большим числом участников) — 3 балла и более. Введение практики назначения двух или трех помощников на одного судью в высоконагруженных судах позволит оптимизировать процесс рассмотрения дел, сократить сроки судопроизводства и повысить качество.

Несмотря на активное внедрение инновационных технологий, вопросы, касающиеся правового статуса лиц, не являющихся самостоятельными субъектами уголовного процесса, по-прежнему вызывают затруднения. Секретарь судебного заседания и помощник судьи, являясь важнейшими участниками уголовного процесса, в соответствии с действующим Уголовно-процессуальным кодексом РФ, однако их процессуальный статус не детализируется в разделе II УПК РФ, вследствие чего их права и обязанности не структурированы и не закреплены [9]. В связи с вышеизложенным, на законодательном уровне возможна корректировка статей 235 и 244.1 УПК РФ. Это позволит устранить правовую неопределенность и устранить противоречия, с которыми сталкиваются как правоприменители на практике, так и представители доктринальной юридической науки.

Таким образом, модернизация системы правового регулирования государственной гражданской службы в органах судебной власти требует комплексного, системного подхода. Совершенствование образовательных стандартов, создание прозрачных механизмов карьерного роста и улучшение условий труда позволят не только качественно повысить эффективность судебной системы, но и укрепить доверие граждан к российскому правосудию.

Литература:

1. О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 09.04.2026)//СПС «КонсультантПлюс».URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения: 07.06.2026).
2. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 09.04.2026)//СПС «КонсультантПлюс».URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110271/ (дата обращения: 04.06.2026).
3. О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации: федеральный закон от 08.01.1998 № 7-ФЗ (последняя редакция)//СПС «КонсультантПлюс».URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17412/ (дата обращения: 17.06.2026).

4. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 10.06.2026).
5. Кошечев, Н. К. Электронное правосудие: исторические и современные аспекты формирования нормативной базы / Н. К. Кошечев // Государственная власть и местное самоуправление. — 2023. — № 6. — С. 48–50. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=149570&cacheid=77195E1FA92E-2D5A0ECA492EF81C4DE&mode=splus&rnd=IHvsQ#bIv3KRVKeLsgUH48> (дата обращения: 10.06.2026).
6. Латышов, Д. Е. Государственная служба в современной России / Д. Е. Латышов // Вестник права и образования. — 2024. — № 2. — С. 109–118. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-sluzhba-v-sovremennoy-rossii-ponyatie-i-vidy/viewer> (дата обращения: 11.06.2026).
7. Мартиросян, П. Г. Современные проблемы и перспективы развития правового регулирования прохождения государственной гражданской службы в органах судебной власти / П. Г. Мартиросян // Legal Bulletin. — 2025. — № 1. — С. 58–68. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=160228&cacheid=E401409C57270D6AC7677574373C9BDE&mode=splus&rnd=IHvsQ#oBi2KRVO4uEOVxtE> (дата обращения: 11.06.2026).
8. Сиротюк, А. З. Некоторые аспекты правового положения (статуса) государственного служащего аппарата суда как предпосылки создания судебной службы в Российской Федерации / А. З. Сиротюк // Администратор суда. — 2023. — № 2. — С. 53–56. // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=106925&cacheid=BFF27ACDC016EFD9C8C608BABF8F6172&mode=splus&rnd=IHvsQ#7o92KRVkDuPAphvP> (дата обращения: 11.06.2026).
9. Смолькова, И. В. Участники уголовного судопроизводства с неопределённым процессуальным статусом / И. В. Смолькова // Известия Байкальского государственного университета. — 2023. — № 2. — С. 207. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastniki-ugolovnogo-sudoproizvodstva-s-neopredelennym-protsessualnym-statusom/viewer> (дата обращения: 12.06.2026).

Признак публичности при квалификации призывов к экстремистской деятельности в информационно-телекоммуникационных сетях: проблемы теории и судебной практики

Монако Сергей Николаевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена исследованию одного из ключевых признаков состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280 Уголовного кодекса Российской Федерации, — признака публичности применительно к деяниям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». На основе анализа действующего законодательства, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, в том числе Постановления № 43 от 23 декабря 2025 г., а также материалов судебной практики 2021–2025 гг. выявлены проблемы квалификации, обусловленные неопределённостью понятия «публичность» применительно к закрытым интернет-площадкам — мессенджерам, закрытым чатам, частной переписке. Обоснована позиция о том, что установление публичности требует оценки совокупности критериев: доступности контента неопределённому кругу лиц, умысла на распространение, технических особенностей платформы. Проанализированы ключевые судебные решения, включая позицию Конституционного Суда РФ 2025 г. о роли умысла при квалификации призывов. Предложены конкретные критерии установления признака публичности для целей правоприменительной практики.

Ключевые слова: экстремизм, публичные призывы, ст. 280 УК РФ, публичность, информационно-телекоммуникационные сети, Интернет, мессенджеры, квалификация преступлений, умысел, Пленум Верховного Суда РФ.

Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в современных условиях составляют значительную часть всего массива уголовных дел данной категории. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в

2023 году по статьям, связанным с публичными призывами и возбуждением ненависти, было осуждено 698 человек против 638 в 2022 году [1]. В первом полугодии 2025 года число осуждённых по соответствующим статьям возросло на 42,5 % по сравнению с аналогичным периодом 2024 года [2]. Подавляющее большинство уголовных дел

данной категории возбуждается в связи с распространением материалов в сети «Интернет».

В научной литературе сложились три основных подхода к трактовке признака публичности применительно к интернет-коммуникациям.

Первый подход (формально-технический) исходит из наличия или отсутствия технического доступа к контенту: публичным признаётся любой материал, размещённый в открытом доступе в сети «Интернет» — на общедоступных веб-страницах, в открытых социальных сетях и каналах. Закрытые чаты, группы «по приглашению» и частная переписка по этому подходу не могут образовывать состав по ч. 2 ст. 280 УК РФ [7].

Второй подход (содержательно-умысловой) связывает публичность не с техническими ограничениями доступа, а с умыслом лица: публичными признаются призывы, которые лицо осознанно направляло на охват широкой аудитории, даже если технически доступ ограничен. Так, массовая рассылка в закрытый чат с тысячами участников может быть признана публичной по существу [8].

Третий подход (комплексный, критериальный) предлагает оценивать совокупность факторов: количество адресатов, технические настройки платформы, фактическую доступность материала, умысел на распространение. Именно этот подход был воспринят Пленумом ВС РФ в редакции 2025 г. [5] и представляется наиболее соответствующим конституционному принципу правовой определённости.

Принципиальный вопрос, остающийся дискуссионным, — квалификация деяний, совершённых в мессенджерах (Telegram, WhatsApp). Исследования показывают, что суды нижестоящих инстанций демонстрировали существенное расхождение в подходах: одни квалифицировали по ч. 2 ст. 280 УК РФ само по себе администрирование Telegram-канала с экстремистским контентом; другие требовали дополнительного доказывания того, что лицо рассчитывало на охват неопределённого круга читателей [7; 9].

В период 2021–2025 гг. Верховный Суд РФ неоднократно формулировал правовые позиции по вопросам квалификации призывов в ИТС. В постановлении Пленума от 28.10.2021 [10] было установлено принципиальное положение: «не является преступлением, предусмотренным статьями 280, 280.1 или 282 УК РФ, высказывание суждений и умозаключений, использующих факты межнациональных, межконфессиональных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах, не связанных с реализацией намерения побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности» [10]. Тем самым Пленум выделил умысел на побуждение как конститутивный признак, разграничивающий преступное деяние и допустимое выражение позиции.

В редакции Постановления № 43 от 23.12.2025 Верховный Суд РФ дополнительно разъяснил, что при оценке высказываний в ИТС необходимо принимать

во внимание «важность не только слов, но и контекста, цели, формы подачи информации и её возможного влияния на других лиц» [5]. Критика политических организаций, религиозных объединений и общественных деятелей «сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды» [5].

В определении от 08.04.2025 Конституционный Суд РФ подтвердил конституционность ст. 280 УК РФ, указав, что диспозиция нормы соответствует конституционному принципу правовой определённости, поскольку преступлением признаются только деяния, совершённые с прямым умыслом и с намерением побудить других лиц к экстремистской деятельности [6]. КС РФ указал: «при этом значение имеет не только форма выражения своих убеждений, но и способы распространения информации, а также её содержание» [6]. Данная позиция существенно сузила возможность расширительного толкования состава преступления.

Показательным примером формирования судебной практики является дело, рассмотренное Московским городским судом в январе 2024 г., по которому И. И. Гиркин (Стрелков) был осуждён по ч. 2 ст. 280 УК РФ к 4 годам лишения свободы [11]. Суд установил, что подсудимый систематически размещал в своём открытом Telegram-канале материалы, содержавшие призывы к экстремистской деятельности, что образует квалифицирующий признак использования ИТС. Приговор подтверждён Первым апелляционным судом общей юрисдикции в мае 2024 г. [11]. Данное дело примечательно тем, что суды не поставили под сомнение наличие публичности при использовании открытого Telegram-канала: аудитория канала исчислялась тысячами подписчиков, а сам канал был общедоступен.

Вместе с тем в практике нижестоящих судов встречаются дела, в которых деяния, связанные с размещением материалов в мессенджерах с ограниченной аудиторией, квалифицировались неоднозначно. Это свидетельствует о необходимости более чёткой нормативной регламентации критериев публичности применительно к онлайн-коммуникациям.

На основании проведённого анализа можно предложить следующую систему критериев установления признака публичности при квалификации деяний по ч. 2 ст. 280 УК РФ применительно к информационно-телекоммуникационным сетям:

1. Критерий доступности контента. Материал считается публичным, если он размещён в открытом доступе (публичные страницы, открытые каналы) или в закрытых площадках с числом участников, позволяющим охарактеризовать аудиторию как «неопределённый круг лиц». Предлагается установить ориентировочный количественный порог в 50 и более адресатов по аналогии с подходами, используемыми в смежных правовых системах.

2. Критерий технической доступности к распространению. Публичными следует признавать мате-

риалы, которые могут быть свободно скопированы и распространены участниками площадки (функция «пересылки»), — даже если в момент размещения группа была закрытой.

3. Критерий умысла на охват широкой аудитории. Устанавливается на основе анализа: способа распространения (целевая рассылка vs размещение на публичной платформе), количества адресатов, использования инструментов продвижения, поведения лица после публикации.

4. Критерий контекстной оценки. В соответствии с позицией Пленума ВС РФ 2025 г. обязательна оценка контекста, цели и формы подачи информации. Высказывания дискуссионного, научного или критического характера не образуют состав преступления, если отсутствует направленность на побуждение к экстремизму.

Предлагаемые критерии позволяют обеспечить баланс между эффективным противодействием экстремизму и соблюдением конституционных прав граждан на свободу слова и выражения мнений.

Литература:

1. Центр «Сова». Статистика Верховного суда в сфере борьбы с экстремизмом и смежной деятельностью: 2023 год [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2024/04/d49699/> (дата обращения: 29.06.2026).
2. Центр «Сова». Статистика Верховного суда за первую половину 2025 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sova-center.ru/en/racism-xenophobia/news/counteraction/2025/10/d52454/> (дата обращения: 29.06.2026).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. Ст. 280.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. № 142.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 43 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // СПС КонсультантПлюс.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 08.04.2025: призывы к экстремизму являются преступлением независимо от результата // РАПСИ [Электронный ресурс]. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20250409/310775984.html (дата обращения: 29.06.2026).
7. Дорогин Д. А. Особенности квалификации экстремистских преступлений, совершённых с использованием сети «Интернет» // Уголовное право. 2021. № 3. С. 23–34.
8. Борисов С. В., Жеребченко А. В. Квалификация преступлений экстремистской направленности: учебное пособие. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. — 207 с.
9. Алпатов, Г. А. Проблемные вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности // Молодой учёный. 2025. № 22 (573). С. 313–315.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.10.2021 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации» // Российская газета. — 2021. — № 250.
11. Определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 29.05.2024 по делу И. И. Гиркина (по ч. 2 ст. 280 УК РФ) // Информационные материалы Московского городского суда [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.interfax.ru/russia/962926> (дата обращения: 29.06.2026).
12. Верховный суд разъяснил, когда критика политиков разжигает ненависть // РБК [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/12/2025/694a7ab49a79475d5415ec71> (дата обращения: 29.06.2026).
13. Хлебушкин А. Г. Преступления экстремистской направленности в системе посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации: монография. — М.: Проспект, 2021. — 240 с.
14. Нечаева Е. В. Проблемы квалификации публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2023. — 26 с.

Уголовно-процессуальные проблемы обеспечения правоохранительной деятельности

Муртазина Ралина Шамилевна, студент магистратуры

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева

Данная статья посвящена Уголовно-процессуальные проблемы обеспечения правоохранительной деятельности. В частности раскрыты уголовно-правовые проблемы задержания преступников, и правам полицейских при задержании.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, задержание, полиция.

Актуальность изучения проблем, касающихся деятельности правоохранительных органов в Российской Федерации, обусловлена сложившимися условиями — развитием рынка, усложнением социальных связей, увеличением уровня преступности, ростом правонарушений, расширением масштабов коррупции в государственных структурах, а также активизацией деятельности экстремистских и террористических формирований. При этом законодательство до настоящего времени не установило однозначных толкований ключевых понятий, таких как «правоохранительный орган», «правоохранительная деятельность», «правоохранительная система». Согласно статье 2 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» выделяются три типа государственной службы: правоохранительная, военная и гражданская [1]. Гражданская и военная службы имеют установленные рамки функционирования, тогда как юридическая природа правоохранительной службы остаётся неопределённой — не указано, какие именно органы относятся к этому виду, а также какие конкретно задачи они решают.

Отсутствие единых подходов к определению того, что представляет собой правоохранительная система страны, какие компоненты она должна в себя включать, и какой вклад вносит эта структура в обеспечение общественного порядка, вызывает ряд дискуссий. Однако общее мнение сводится к тому, что защита прав граждан, преследование виновных и судебное разбирательство обязательно должны проводиться в рамках действующего законодательства.

Развитие и функционирование правоохранительной системы в современной России основано на конституционных принципах. Основой для создания и регулирования деятельности правоохранительных органов выступает прежде всего статья 2 Конституции РФ, где прямо говорится о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита — обязанность государства [2]. Постановка задачи укрепления верховенства закона в стране невозможна без непрерывного совершенствования правоохранительной системы, трансформации её в надёжный инструмент защиты интересов личности.

Суть процессуального принуждения заключается в том, что уполномоченные должностные лица правоохранительных органов могут применять меры, огра-

ничающие права и свободы задерживаемых, в целях обеспечения хода административного или уголовного производства. Такое воздействие признаётся законным, если осуществляется в рамках, установленных нормативными актами, регулируемыми процессуальные процедуры.

Примером может служить часть первая статьи 27.3 Кодекса об административных правонарушениях РФ, которая предусматривает применение меры задержания как необходимой для проведения проверочных мероприятий, в том числе для обеспечения выполнения назначенного наказания на месте. Административно-процессуальное законодательство устанавливает, что такая мера может применяться лишь на ограниченный период, с учётом степени тяжести проступка и практической необходимости её использования.

Цель задержания в ходе следственных действий, как правило, направлена на timely выявление и установление виновника преступления, обеспечивая тем самым эффективное раскрытие правонарушения. Согласно нормам уголовно-процессуального права, срок задержания ограничен — не более 8 часов, за исключением случаев совершения тяжкого или особо тяжкого преступления в условиях военного положения, когда он может продлиться до 30 суток [2].

Содержание части 1 статьи 91 УПК РФ устанавливает, что применение меры задержания возможно только в строго определённых обстоятельствах. Во-первых, подозреваемое лицо должно быть связано с деянием, квалифицируемым как преступление по Уголовному кодексу Российской Федерации. Во-вторых, задерживать можно лишь тех, против кого инкриминируются составы, предусматривающие наказание в виде лишения свободы — как основной вид или альтернативный вариант. При этом в пункте 11 части 1 статьи 5, а также в статьях 91–92 УПК РФ отсутствует разъяснение сути данной процедуры.

Особую значимость представляет различие между административным и уголовным процессом: в административном праве задержание и доставление рассматриваются как отдельные, но связанные этапы, тогда как в уголовном процессе они объединены в единое действие. Задержание обязательно сопровождается доставкой лица в дежурную часть или иное подразделение правоохранительных органов [11, с. 76]. Основная цель такой доставки — установить личность задержанного, а также решить вопрос

о возможном возбуждении уголовного дела, особенно если задержание было произведено непосредственно во время совершения преступления или сразу после него.

В ситуации, когда сотрудниками полиции не подтверждена факт совершения преступления, однако имеются достаточные основания для подозрения, задержание и доставка проводятся для проверки данных в межведомственных и федеральных розыскных системах. Кроме того, могут быть проведены личный осмотр, допрос и иные мероприятия. Таким образом, задержание служит инструментом первичной проверки степени причастности лица к деянию, оценки наличия признаков преступления. Итоговое решение принимается на основе полученной информации: возбудить уголовное дело в отношении задержанного либо других лиц, которые были указаны им в ходе проверки.

Однако сотрудники полиции не вправе применять меру задержания при наличии лишь подозрения в совершении деяния, за которое предусмотрена уголовная ответственность, поскольку такое действие представляет собой принуждение, проявляющееся в ограничении свободы передвижения и права выбирать место пребывания. Даже кратковременное ограничение этих прав может рассматриваться как фактическое лишение свободы (отличимое от уголовного наказания). Поэтому для реализации задержания необходимо наличие законных оснований. Как уже отмечалось, первое условие — подозрение в совершении преступления, караемого лишением свободы, второе — наличие соответствующей нормы, предусматривающей именно такую меру ответственности.

Кроме того, законодательство признаёт возможность использования косвенных оснований, указывающих на возможную причастность лица к преступлению, что может служить обоснованием для применения задержания. Например, правоохранители не обязаны фиксировать преступление собственноручно — показания очевидцев, заявления потерпевших или другие данные, свидетельствующие о причастности, также могут быть учтены при решении о доставлении и задержании.

Наличие явных признаков преступления на одежде подозреваемого или в его жилище — такие как кровь, порезы, разрывы тканей и иные следы — также способны выступать основанием для изъятия лица в ходе уголовного расследования. Также допустимым основанием считается попытка без причины скрыться от сотрудников полиции, отсутствие постоянного места жительства либо невозможность установить личность подозреваемого.

Вместе с тем на практике часто наблюдаются случаи злоупотребления полномочиями при задержании — чрезмерное толкование оснований для применения этой меры, как в рамках Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, так и в рамках Федерального закона «О полиции».

В рамках дела № 2а-271/2018 для обоснования задержания гражданина сотрудниками полиции оказалось достаточным следующее: во время прохождения патруля

была замечена автомашина, соответствующая описанию из телефонограммы и утреннего инструктажа. Полицейские проверили документы у водителя и пассажиров, осмотрели багажник — признаков, указывающих на наличие запрещённых предметов, не выявлено. После этого они извинились и покинули место. Однако спустя некоторое время один из участковых заметил мужчину, движущегося в противоположную сторону, скрывавшегося за машинами и часто оглядывавшегося в сторону правоохранителей. Подойдя к нему, сотрудники запросили документы, удостоверяющие личность, но были отвергнуты. Задержанный демонстрировал агрессию, упоминал о своих связях, проявлял тревогу и пытался скрыться. На фоне таких действий полицейские решили доставить его в дежурную часть для установления личности. Сам задержанный полагал, что причиной задержания стало отсутствие паспорта; в суде же представители правоохранительных органов заявили, что поведение мужчины совпало с информацией из оперативных сообщений, поэтому необходимость проверки его личности была очевидной. Позднее, уже после доставления, личность гражданина была установлена по представленному им паспорту, после чего он был освобождён без начала какого-либо производственного мероприятия. Ключевой момент данного случая заключается в том, что задержанный не совершал никаких правонарушений ни до, ни во время задержания. Из материалов дела явно следует, что полиция не имела оснований считать его подозреваемым в преступлении, а иных веских причин для принудительного перемещения в дежурку не существовало. Тем не менее суд признал действия полиции обоснованными, поскольку имеющиеся ориентировки позволяли рассматривать гражданина как потенциально значимую фигуру, что само по себе дало право на доставление.

Необходимо отметить, что одной из ключевых проблем остаётся незавершённость реформы правоохранительной системы, проявляющаяся, в частности, в отсутствии самостоятельных оперативно-розыскных подразделений в структуре Следственного комитета Российской Федерации. Это лишает СК РФ статуса автономного субъекта противодействия преступности, поскольку его деятельность напрямую зависит от других органов правоохранительной системы. Отличие СК РФ от МВД России и ФСБ России — организаций, наделённых собственными оперативно-розыскными службами и полномочиями по предварительному следствию, — свидетельствует о его вторичной роли в процессе борьбы с преступностью.

Нормативная база, определяющая полномочия и компетенцию СК РФ, чрезмерно ограничивает его возможности в области профилактики преступности. Действия следователей преимущественно ориентированы на реактивный подход — анализ происшествий после их совершения. Хотя в рамках текущего законодательства СК РФ формально может заниматься выявлением факторов, способствующих преступному поведению, такой вид деятельности не имеет должного развития и системной основы.

Общие трудности реализации правоохранительной функции во многом связаны со сложностями трансформации системы, включая создание новых органов, перераспределение прежних подразделений между новыми структурами, при этом отсутствовало чёткое разделение функций и специализация, а также сохранились значительные дублирующие полномочия.

Последней проблемой, требующей внимания, является слабое правовое регулирование участия граждан и общественных объединений в правоохранительной деятельности. Позиция И. В. Поликарповой, считающей необходимым включать в круг субъектов профилактических отношений граждан, общественные организации и иные структуры, заслуживает одобрения. Однако действующее законодательство, в частности статья 13 Федерального закона от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «О профилактике правонарушений», лишь констатирует, что данные субъекты могут участвовать в профилактической деятельности в рамках федерального законо-

дательства, не устанавливая конкретных прав, обязанностей и механизмов юридической ответственности в этой сфере.

Следовательно, можно обоснованно утверждать, что сложившиеся сегодня проблемы в сфере реализации правоохранительной деятельности со стороны уполномоченных органов государства, а также представителей гражданского общества, общественных и иных организаций вызваны недостаточной проработкой нормативно-правовой базы, а также рядом трудностей, возникших в ходе проведения реформы правоохранительной системы, проявляющихся в пересекающейся юрисдикции и отсутствии эффективной модели взаимодействия между ведомствами. Ключевым направлением совершенствования правоохранительной системы Российской Федерации мы считаем специализацию государственных правоохранительных структур, занимающихся раскрытием, расследованием и предупреждением преступлений, по видам и категориям противоправных деяний

Литература:

1. Лукавченко В. М. К вопросу о соотношении понятий «правозащитная деятельность» и «правоохранительная деятельность» / В. М. Лукавченко, М. В. Колмогоров // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение: Сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции. — СПб: ООО «Поволжская научная корпорация», 2023. — С. 447–452.
2. Валов, С. В. «Подводные камни» цифровизации деятельности следователя / С. В. Валов // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: сборник трудов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. — Кострома: КГУ, 2022. — С. 10–15.
3. Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы: распоряжение МВД России от 11 января 2022 г. № 1/37 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
4. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы: постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 // Справ.правовая система «КонсультантПлюс»
5. Корж, П. А. Некоторые итоги реформирования правоохранительных органов России / П. А. Корж // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: сборник трудов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. — Кострома: КГУ, 2022. — С. 25–29.
6. Поликарпова, И. В. Понятие и структура профилактических правоотношений / И. В. Поликарпова // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: сборник трудов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. — Кострома: КГУ, 2022. — С. 35–40.
7. Актуальные проблемы деятельности правоохранительных органов Российской Федерации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Самара, 28 марта 2024 г.) / науч. ред. С. В. Владимиров. — Чебоксары: Среда, 2024. — 212 с.

Понятие и признаки административной ответственности за правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике

Петухов Артем Геннадьевич, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается понятие и признаки административной ответственности за правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике. Автором предпринимается попытка по формулированию собственного определения данного понятия.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, промышленность, строительство, энергетика, глава 9 КоАП РФ.

The concept and elements of administrative liability for offenses in the manufacturing, construction, and energy sectors

The article examines the concept of administrative liability for offenses in industry, construction, and energy. The author attempts to formulate their own definition of this concept.

Keywords: administrative offense, administrative liability, industry, construction, energy, Chapter 9 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Статья 2 Конституции РФ провозглашает, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, является обязанностью государства [1]. Реализация данной обязанности включает в себя, в том числе, обеспечение правопорядка и предотвращение разного рода правонарушений. В связи с этим одним из важных направлений деятельности государства выступает предотвращение административных правонарушений, являющихся наиболее распространенными формами незаконной деятельности.

Наше государство играет важную роль в правовом регулировании правоотношений в сфере промышленности, строительства и энергетики, что в немалой степени обусловлено сложившейся тенденцией роста числа правонарушений, предусмотренных главой 9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [2]. Это подтверждается и статистическими данными. Так, например, в 2024 году было подвергнуто наказанию 3633 человека. При этом для сравнения в 2022 году данный показатель составлял 3692 человека, а в 2020 году — 4760 человек [5]. То есть число осужденных за административные правонарушения в сфере промышленности, строительства и энергетики остается весьма значительным. В связи с этим государству следует продолжать прилагать усилия в области соблюдения отечественного законодательства, а также предотвращения правонарушений в данных областях.

Ключевое значение при рассмотрении любого вопроса имеет его понятие. Для определения понятия «административная ответственность за правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике» стоит раскрыть такие категории, как «промышленность», «строительство» и «энергетика». В пункте 2 статьи 3 Федерального закона от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» дается определение промышленности — это определенная на основании Общероссийского классификатора видов экономической деятельности совокупность видов экономической деятельности, относящихся к добыче полезных ископаемых, обрабатывающему производству, обеспечению электрической энергией, газом и паром, кондиционированию воздуха, водоснабжению, водоотведению, организации сбора и утилизации отходов, а также ликвидации загрязнений» [4]. Согласно пункту 13 статьи 1 Градостроительного Кодекса Российской Федерации строительство трактуется, как «создание зданий, строений, сооружений (в том числе

на месте сносимых объектов капитального строительства)» [3]. В словаре русского языка дано определение понятия термина «энергетика», под которым понимается область хозяйственно-экономической деятельности человека, совокупность больших естественных и искусственных подсистем, служащих для преобразования, распределения и использования энергетических ресурсов всех видов [8].

Как можно заметить, сложившаяся группировка составов административных правонарушений имеет недостатки с юридической точки зрения, поскольку в данном аспекте энергетика и строительство не существуют как отдельные единицы, а рассматриваются в качестве части промышленной отрасли, что, соответственно, не дает возможности рассматривать их как равно уровневые понятия. Исходя из этого в научной среде предлагается разделить одну главу на две равно порядковых, либо оставить одну главу, но про промышленность в целом [6, с. 167].

Полагаем, что в качестве положительного аспекта данного предложения следует отметить разную природу регулирования. Строительная деятельность регулируется Градостроительным кодексом Российской Федерации, а промышленная и энергетическая — базовыми федеральными законами. Объединение их в одной главе КоАП РФ создает коллизии при определении контролирующего органа. Негативным аспектом предложения является единство источника повышенной опасности. Крупное строительство сегодня неотделимо от монтажа промышленных агрегатов и подключения к сетям топливно-энергетического комплекса. Разделение их очевидно приведет к дублированию норм. Например, повреждение газопровода экскаватором на стройплощадке формально затрагивает и сферу энергетики, и сферу строительства. Наличие единой главы позволяет квалифицировать деяние комплексно. В связи с этим, на наш взгляд, альтернативой разделению могло бы стать выделение внутри текущей главы 9 КоАП РФ самостоятельных параграфов с сохранением сквозной нумерации, что систематизировало бы материал без разрушения сложившейся судебной практики.

В качестве объектов правонарушений, предусмотренных главой 9 КоАП РФ, выступают общественные отношения, возникающие в сфере промышленности, строительства и энергетики. То есть все правонарушения данной главы можно разделить на три категории, в зависимости от объекта правонарушения:

1) административные правонарушения, посягающие на общественные отношения, возникающие в сфере промышленности (ст. 9.1 — ст. 9.3 КоАП РФ);

2) административные правонарушения, посягающие на общественные отношения, возникающие в сфере строительства (ст. 9.4 — ст. 9.5.2 КоАП РФ);

3) административные правонарушения, посягающие на общественные отношения, возникающие в сфере энергетики (ст. 9.6 — ст. 9.24 КоАП РФ) [7, с. 84].

Большинство составов данной главы по признакам объективной стороны являются формальными, так как административная ответственность за них наступает сразу, независимо от того, наступили вредные последствия или же нет. Примером административного правонарушения с формальным составом является статья 9.1 КоАП РФ, где административная ответственность наступает независимо от того наступили или не наступили вследствие их совершения вредные последствия. К материальному составу относят, например, статью 9.8 КоАП РФ, так как при нарушении правил наступают вредные последствия в виде перерыва в обеспечении потребителей электрической энергией.

Помимо деления на формальные и материальные составы, составы правонарушений данной главы классифицируются по характеру самого деяния:

1) нарушения технико-юридических режимов. Например, статья 9.1 КоАП РФ или статья 9.5 КоАП РФ, где правонарушение считается оконченным в момент невыполнения обязанности (не подана декларация, не получено разрешение, превышен лимит выбросов), независимо от того, взорвался ли завод или рухнул ли кран;

2) нарушения правил эксплуатации. Так, статья 9.8 требует наступления последствий (перерыва в обеспечении энергией) для квалификации по части 2, что относит ее к материальным составам. Однако сам факт нахождения техники в охранной зоне без согласования может рассматриваться как создание угрозы;

3) процедурные нарушения. Они, в частности, касаются порядка информирования государства о состоянии

дел в этих сферах (например, ст. 9.22 КоАП РФ — нарушение законодательства о теплоснабжении в части непредоставления информации).

Субъективная сторона данных административных правонарушений характеризуется как умышленной формой вины, так и неосторожной. Вместе с тем, в статье 9.13 КоАП РФ правонарушение может быть совершено только в форме умысла, потому что уклонение — это осознанно-волевое (умышленное) деяние. В свою очередь в статье 9.10 КоАП РФ оно может быть совершено только в форме неосторожности, поскольку в данной норме указана форма вины. Большинство же составов главы 9 КоАП РФ являются умышленными с косвенным умыслом.

Субъектами административных правонарушений данной главы являются граждане, должностные лица, юридические лица, а в отдельных случаях, также индивидуальные предприниматели в зависимости от конкретной статьи КоАП РФ. Например, в статье 9.2 КоАП РФ в санкции указаны все субъекты, перечисленные выше, а в статье 9.3 КоАП РФ субъектами являются только граждане и должностные лица. Согласно примечанию ст. 9.1 КоАП РФ, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, несут ответственность как юридические лица.

На основе вышесказанного, полагаем, что можно сформулировать следующее определение данного понятия: «административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике — это виновные противоправные деяния, нарушающие нормативно установленные требования технической, экологической, пожарной и процедурной безопасности при проектировании, возведении, реконструкции, капитальном ремонте объектов капитального строительства, а также при проектировании, строительстве, эксплуатации, консервации и ликвидации опасных производственных объектов и объектов энергетики, посягающие на общественные отношения в сфере обеспечения технологической устойчивости государства и общественной безопасности».

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (ред. 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2026).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2026).
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2026).
4. Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2026).
5. Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям. — Текст: электронный // Судебная статистика РФ: [сайт]. — URL: <https://stat.xn—7sbqk8achja.xn—p1ai/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 10.08.2026).
6. Ирдулин, А. В. Общая характеристика правонарушений в промышленности, строительстве и энергетике / А. В. Ирдулин. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 42 (384). — С. 81–84. — URL: <https://moluch.ru/archive/384/84624> (дата обращения: 10.08.2026).
7. Сидоренко, П. А. Общая характеристика административных правонарушений в промышленности, строительстве и энергетике / П. А. Сидоренко, О. Б. Березина. — Текст: непосредственный // Наука. Промышленность.

Оборона. Труды XXV Всероссийской научно-технической конференции: в 4 т. Т. IV. — Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2024. — С. 165–169. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68452222> (дата обращения: 10.08.2026).

8. Словарь русского языка. — Текст: электронный // КартаСлов.Ру — Карта слов и выражений русского языка: [сайт]. — URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/энергетика> (дата обращения: 10.08.2026).

Институт бизнес-омбудсмeна как механизм защиты прав предпринимателей в России

Почтарева Екатерина Дмитриевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В рамках статьи рассматривается вопрос развития и нормативно-правовые основы деятельности статьи рассмотрены правовые основы деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей. А также проведен обзор деятельности результатов бизнес-омбудсмeна в Самарской области. В завершение определены проблемы независимости, доступности и эффективности института, предложены пути их решения.

Ключевые слова: бизнес-омбудсмен, защита прав предпринимателей, предпринимательская деятельность, правовые гарантии, взаимодействие власти и бизнеса.

Развитие предпринимательства является одним из ключевых условий обеспечения экономической устойчивости государства, формирования конкурентной среды и повышения инвестиционной привлекательности национальной экономики. Как отмечает В. В. Хрулев, «предпринимательская инициатива способствует созданию не только рабочих мест, расширению налоговой базы, но и формированию конкурентной среды, что делает ее значимым элементом устойчивого развития страны» [1, с. 93].

Возможность свободного осуществления предпринимательской деятельности относится к числу базовых конституционных гарантий личности и закреплена в части 1 статьи 34 Конституции Российской Федерации, согласно которой «каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности» [1]. Данная норма формирует фундамент правового статуса предпринимателя, предоставляя гражданам возможность самостоятельно определять направления экономической активности, выбирать организационно-правовые формы ведения бизнеса и распоряжаться принадлежащими им ресурсами.

Свобода предпринимательства требует действенных гарантий защиты бизнеса от административных барьеров, нарушений со стороны органов власти и контрагентов. Одним из таких механизмов стал институт уполномоченного по защите прав предпринимателей — бизнес-омбудсмeна, обеспечивающий дополнительную защиту бизнеса и взаимодействие с государством.

Сам термин «омбудсмен» имеет зарубежное происхождение. Исторически данный институт сформировался в Швеции после принятия Конституции 1809 года, когда

был учрежден парламентский представитель, осуществляющий контроль за деятельностью государственных органов.

Как отмечают В. Н. Кириллина, С. В. Жигалов и В. С. Иванова, развитие института омбудсмeна связано с поиском «эффективных механизмов взаимодействия общества и государства, позволяющих обеспечить внесудебную защиту нарушенных прав» [3, с. 106]. В англоязычной практике термин *ombudsperson* постепенно заменил более раннее обозначение «парламентский комиссионер», сохранив при этом основную идею независимого посредничества между субъектом, чьи права нарушены, и органом, обладающим соответствующими полномочиями.

Специфика бизнес-омбудсмeна заключается в адаптации классической модели омбудсмeна к сфере предпринимательских отношений. Его деятельность направлена на обеспечение дополнительного канала защиты для представителей бизнеса, оказание содействия в разрешении конфликтов и снижение административных барьеров.

По мнению Э. Р. Джамилевой, омбудсмен выступает как «беспристрастный советник», который не представляет интересы исключительно одной стороны конфликта, а способствует достижению справедливого решения посредством организации конструктивного диалога между участниками спорной ситуации [4, с. 680].

В Российской Федерации вопрос создания специализированного института защиты предпринимателей получил развитие в начале 2010-х годов. В 2012 году Президент Российской Федерации В. В. Путин обозначил необходимость формирования механизма, который позволил бы предпринимателям получать дополнительную защиту при нарушении их прав [5]. В результате Указом

Президента Российской Федерации от 22 июня 2012 года № 879 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей» была учреждена должность федерального бизнес-омбудсмена [6].

Следующим этапом институционального оформления данного механизма стало принятие Федерального закона от 7 мая 2013 года № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» [7]. Указанный нормативный акт определил правовой статус уполномоченных, основные направления их деятельности и порядок взаимодействия с органами государственной власти. В соответствии с законом деятельность бизнес-омбудсменов направлена на защиту прав и законных интересов российских и иностранных предпринимателей, осуществление контроля за соблюдением их прав государственными органами, участие в формировании государственной политики в сфере предпринимательства и развитие механизмов взаимодействия власти и бизнеса.

Необходимость создания такого института была обусловлена тем, что предприниматели нередко оказываются в ситуации неравенства возможностей при взаимодействии с государственными структурами. Как отмечает Е. Ш. Агеева, формирование института бизнес-омбудсмена стало результатом необходимости создания «специализированного государственного института, ориентированного на аккумуляцию проблем, возникающих в сфере предпринимательства, и поиск путей их эффективного разрешения» [8, с. 34]. Таким образом, бизнес-омбудсмен стал своеобразным «интерфейсом» между предпринимательским сектором и государственным аппаратом, обеспечивающим передачу проблем бизнеса на институциональный уровень.

Актуальность исследования института бизнес-омбудсмена обусловлена также масштабами развития предпринимательской деятельности в России. Согласно данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы, к 2025 году количество индивидуальных предпринимателей в стране превысило 4,5 млн человек, увеличившись за последние годы более чем на 23 % [9]. При этом значительную часть предпринимательского сектора составляют микропредприятия, которые обладают ограниченными ресурсами для самостоятельного преодоления административных и правовых препятствий. В таких условиях наличие доступного механизма защиты становится важным фактором обеспечения устойчивости малого и среднего бизнеса.

Как отмечает Е. В. Ткаченко и Ю. Е. Метальникова «наиболее показательным индикатором результативности работы Уполномоченного по защите прав предпринимателей служит его активность в судебных процессах, а также подготовка и направление в интересах бизнеса обращений и жалоб в различные инстанции» [10]. При этом ключевое значение имеет не просто формальное участие,

а занятие принципиальной правовой позиции, которая находит выражение в предоставлении судебных заключений, заявлении ходатайств и продвижении юридических инициатив

Практические результаты деятельности бизнес-омбудсмена можно рассмотреть на примере Самарской области. В 2025 году в адрес Уполномоченного поступило 429 устных и письменных жалоб и обращений. За предыдущие годы их количество составило 405 в 2021 г., 486 в 2022 г., 457 в 2023 г. и 436 в 2024 г. Таким образом, после максимального значения 2022 г. наблюдалось последовательное снижение числа обращений.

Наиболее востребованным каналом поступления письменных обращений предпринимателей остается электронная почта — в 2025 году ее посредством было получено 109 письменных обращений. С помощью почтовых сервисов («Почта России», DHL и др.) в адрес Уполномоченного поступило 32 обращения, нарочно — 40, через интернет-приемную на сайте Уполномоченного — 5. Кроме того, 2 жалобы были переданы Уполномоченному на рассмотрение из аппарата Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей. Устные обращения в количестве 131 были приняты в рамках личных приемов Уполномоченного в муниципальных образованиях. На приемах в приемной Президента РФ в Самарской области 4 обращения, 2 обращения в рамках Недели приемов граждан по вопросам правовой защиты в Региональной общественной приемной председателя партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» Д. А. Медведева в Самарской области, 82 обращения — по телефонам аппарата Уполномоченного и горячей линии, 22 — переданы из общественной приемной [11].

Вместе с тем развитие данного института сопровождается рядом дискуссионных вопросов. Среди них особое значение имеют степень независимости уполномоченных от органов исполнительной власти, эффективность исполнения их рекомендаций, доступность механизма защиты для представителей малого бизнеса и необходимость расширения участия предпринимательского сообщества в формировании института. Как справедливо отмечает Е. Б. Абакумова, процедура назначения бизнес-омбудсменов должна учитывать мнение предпринимательских объединений, поскольку именно это является одним из условий формирования доверия к институту и обеспечения его реальной независимости [12, с. 432].

Таким образом, институт бизнес-омбудсмена в России представляет собой относительно новый, но уже значимый элемент системы защиты предпринимательских прав. Его развитие отражает стремление государства создать дополнительные гарантии свободы предпринимательства, обеспечить баланс интересов власти и бизнеса и сформировать более благоприятную деловую среду. В связи с этим исследование правовой природы, функций и проблем функционирования данного института приобретает особую актуальность как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Литература:

1. Хрулева В. В. Институт бизнес-омбудсмана как правовой механизм решения современных экономических конфликтов // Междисциплинарные исследования: теория и практика: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Санкт-Петербург, 13 ноября 2025 года. — Санкт-Петербург: ООО Центр научно-информационных технологий Астерион, 2026. С. 93–102.
2. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
3. Кириллина В. Н., Жигалов С. В., Иванова В. С. Формирование института бизнес-омбудсмана в России и Франции (сравнительный анализ) // Бизнес. Общество. Власть. 2018. № 27. С. 104–115.
4. Джемилева, Э. Р. Эволюция института бизнес-омбудсмана: сравнительный анализ опыта России, Республики Крым и зарубежных стран / Э. Р. Джемилева // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: Сборник статей по результатам IV международной научно-практической конференции, Симферополь, 01–04 апреля 2025 года. — Симферополь: Издательство «Научный мир», 2025. С. 678–686.
5. Филимонов А. С. Бизнес-омбудсмен: на страже прав предпринимателей (22.11.2013)/ Информационно-правовой портал «ГАРАНТ.РУ» [Электронный ресурс] / URL: <http://www.garant.ru/article/50672>
6. Указ Президента Российской Федерации от 22.06.2012 № 879 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 26. Ст. 3509.
7. Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2305.
8. Агеева Е. Ш. Институт охраны и защиты прав предпринимателей: Сравнительно-правовое исследование законодательств России и Англии. М.: Статут, 2015. 145 с.
9. Согласно данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы, к 2025 году количество индивидуальных предпринимателей в стране превысило 4,5 млн человек, увеличившись за последние годы более чем на 20 % [Электронный ресурс] / URL: <https://iz.ru/1850522/valentina-avgeranova/licnoe-delo-cislo-ip-v-rossii-vyroslo-na-23-za-tri-goda>
10. Ткаченко Е. В., Метальникова Ю. Е. Правовое положение бизнес-омбудсмана в России // Дневник науки. 2025. № 12(108).
11. Ежегодные доклады Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Самарской области [Электронный ресурс] / URL: <http://ombudsmanbiz63.ru/ezhegodnye-doklady>
12. Абакумова Е. Б. Независимость уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации как условие развития предпринимательства//Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 2. С. 428–442.

Расширение экономических возможностей женщин: международные стандарты и национальные правовые механизмы реализации

Синика Елена Александровна, аспирант

Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко (г. Тирасполь, Молдова)

В статье рассматриваются международные стандарты и национальные правовые механизмы расширения экономических возможностей женщин. Анализируются положения Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Пекинской декларации и Платформы действий, Целей устойчивого развития ООН и документов Международной организации труда.

Особое внимание уделяется исследованию правовых подходов Российской Федерации, Республики Беларусь и Приднестровья к обеспечению равного доступа женщин к труду, предпринимательской деятельности, образованию и экономическим ресурсам.

На основе сравнительно-правового анализа выявляются особенности национальных моделей регулирования, а также рассматриваются основные проблемы реализации международных стандартов в сфере экономического расширения возможностей женщин.

Ключевые слова: права женщин, экономические возможности женщин, международные стандарты, женское предпринимательство, сравнительно-правовой анализ.

Современное развитие международного права характеризуется постепенным переходом от формального признания равенства женщин и мужчин к обеспечению фактического равенства возможностей.

В юридической науке проблема обеспечения равенства женщин рассматривается как комплексный вопрос, включающий не только запрет дискриминации, но и создание правовых условий для полноценной реализации женщинами своих социальных, трудовых и экономических прав.

Неравенство между мужчиной и женщиной возможно устранить обеспечением равного статуса для всех людей во всех сферах общественной жизни. Однако, по мнению С. А. Авакьяна, в обеспечение принципа юридического равенства стоило бы поднять на конституционный уровень некоторые гарантии для женщин (проведение государственной политики по обеспечению женского равноправия, повышению заботы о работающих женщинах, о матерях и т. д.) [14].

Экономическое участие женщин ведет к повышению производительности в случае его расширения, что приводит к увеличению доходов домохозяйств и более устойчивому экономическому росту. Когда женщины имеют экономические возможности, они склонны больше инвестировать в свои семьи и сообщества, создавая долгосрочные социальные и экономические выгоды. Создание инклюзивных экономических систем, поддерживающих равные возможности, справедливую заработную плату и баланс между работой и личной жизнью, имеет важное значение для максимизации вклада женщин. Таким образом, раскрытие экономического потенциала женщин является не только вопросом гендерного равенства, но и ключом к устойчивому экономическому развитию [15, с. 45]. Данный подход имеет особое значение применительно к экономическим возможностям женщин, поскольку именно практические механизмы поддержки определяют возможность реализации закрепленных прав.

Современное семейное и социальное законодательство должно учитывать необходимость достижения фактического равенства, поскольку формальное закрепление одинаковых прав не всегда устраняет существующие социальные различия. Обеспечение равенства прав и свобод человека требует не только нормативного закрепления общих принципов, но и формирования эффективных механизмов их реализации.

Одним из ключевых направлений современного правового регулирования является расширение экономических возможностей женщин, включающее обеспечение равного доступа к труду, предпринимательству, образованию и финансовым ресурсам.

Несмотря на закрепление принципа равенства в международных документах и национальном законодатель-

стве различных государств, проблема экономического участия женщин остается актуальной. Существование правовых гарантий само по себе не устраняет социальные и экономические барьеры, ограничивающие возможность женщин реализовывать свой потенциал.

Основополагающим международным документом в сфере защиты прав женщин является Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года (далее — CEDAW). Данный документ закрепляет обязанность государств обеспечивать равенство женщин и мужчин во всех сферах общественной жизни, включая сферу занятости и экономической деятельности [7, с. 295].

Особое значение имеет статья 11 CEDAW, предусматривающая необходимость обеспечения равных прав женщин в сфере труда, включая право на равные возможности занятости, профессиональное обучение и равное вознаграждение за труд [7, с. 301].

Развитие данных положений получило отражение в Пекинской декларации и Платформе действий 1995 года, где расширение экономических возможностей женщин рассматривается как одно из важнейших условий устойчивого развития. В документе подчеркивается необходимость повышения доступа женщин к экономическим ресурсам, образованию и механизмам принятия решений [5].

Современное понимание экономического расширения возможностей женщин также связано с реализацией Целей устойчивого развития ООН, в частности Цели 5 «Гендерное равенство» и Цели 8 «Достойная работа и экономический рост» [6].

При этом международные стандарты исходят из того, что достижение фактического равенства невозможно только посредством установления запрета дискриминации. Государствам необходимо применять специальные меры поддержки, направленные на устранение существующих структурных препятствий. Такой подход закреплен в Общей рекомендации № 25 Комитета CEDAW, согласно которой временные специальные меры могут использоваться для ускорения достижения фактического равенства женщин и мужчин [7].

Сравнительный анализ законодательства Российской Федерации, Республики Беларусь и Приднестровья показывает, что все рассматриваемые правовые системы признают принцип равенства женщин и мужчин, однако отличаются механизмами его реализации.

В Российской Федерации принцип равенства прав и свобод человека и гражданина закреплен в статье 19 Конституции Российской Федерации, а трудовое законодательство предусматривает гарантии недопустимости дискриминации в сфере труда. Российская модель правового регулирования преимущественно основывается

на универсальном подходе, при котором равенство обеспечивается посредством общих правовых гарантий, распространяющихся на всех участников экономических отношений. При этом отдельные меры поддержки предпринимательской активности женщин реализуются преимущественно в рамках общих программ развития малого и среднего предпринимательства [8].

В Республике Беларусь принцип равенства закреплён в статье 22 Конституции Республики Беларусь, а положения Трудового кодекса предусматривают запрет дискриминации в сфере труда и равные гарантии реализации трудовых прав. Особенностью белорусской модели является сочетание конституционных гарантий равенства с государственными программами, направленными на реализацию гендерной политики, развитие женского предпринимательства, расширение экономической активности женщин и обеспечение равных возможностей в сфере занятости [10].

В Приднестровье правовое регулирование основывается на конституционных гарантиях равенства и трудовых правах граждан [12]. При этом важную роль в расширении экономических возможностей женщин играют образовательные программы, проекты поддержки предпринимательства и деятельность организаций гражданского общества.

Сравнительный анализ позволяет сделать вывод, что наличие нормативного закрепления принципа равенства является необходимым, но недостаточным условием экономического расширения возможностей женщин. Основная проблема заключается в переходе от юридического равенства к реальным возможностям участия женщин в экономических процессах.

В отечественной правовой доктрине также отмечается, что современное понимание гендерного равенства предполагает анализ не только содержания правовых норм, но и социальных условий их реализации. Как указывает Л. В. Андриченко, эффективность правового регулирования зависит от способности государства учитывать фактическое положение различных социальных групп и применять специальные меры поддержки при наличии объективных препятствий [15, с. 58].

Литература:

1. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 года. — Текст: непосредственный // Международные акты о правах человека. — 1979.
2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. — URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 04.08.2026). — Текст: электронный.
3. Конвенция о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности. Принята 29 июня 1951 года на тридцать четвёртой сессии Генеральной конференции Международной Организации Труда // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. — URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 04.08.2026). — Текст: электронный.
4. Конвенция о дискриминации в области труда и занятий [Конвенция 111]. Принята 25 июня 1958 года на сорок второй сессии Генеральной Конференции Международной организации труда // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. — URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 04.08.2026). — Текст: электронный.

К основным препятствиям относятся ограниченный доступ женщин к финансовым ресурсам, недостаток предпринимательских компетенций, влияние неоплачиваемого домашнего труда и необходимость совмещения профессиональной деятельности с семейными обязанностями.

Особое значение приобретает развитие программ поддержки женского предпринимательства. Исследователи в области предпринимательского права обращают внимание на то, что развитие малого бизнеса невозможно без обеспечения равного доступа различных социальных групп к финансовым и организационным ресурсам. В этой связи поддержка женского предпринимательства должна рассматриваться не как отдельное направление социальной политики, а как элемент экономического развития государства [16, с. 76].

Международный опыт показывает, что наиболее эффективными являются комплексные модели, включающие не только финансовую поддержку, но и образовательные программы, наставничество и консультационное сопровождение.

В связи с этим представляется необходимым содействие национальных механизмов путем развития специальных программ экономической поддержки женщин, расширения доступа к образовательным ресурсам и укрепления взаимодействия государства, бизнеса и организаций гражданского общества.

Таким образом, расширение экономических возможностей женщин следует рассматривать как самостоятельное направление правовой политики государства. Современная модель регулирования должна сочетать три элемента: обеспечение равных прав, устранение существующих барьеров и создание механизмов поддержки, позволяющих женщинам реализовывать свой экономический потенциал.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что эффективность реализации международных стандартов определяется не только наличием правовых норм, закрепляющих принцип равенства, но и способностью государства создавать условия для достижения фактического равенства женщин и мужчин.

5. Пекинская декларация и Платформа действий. IV Всемирная конференция по положению женщин. Пекин, 1995 // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. — URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 04.08.2026). — Текст: электронный.
6. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/70/1 // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. — URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 04.08.2026). — Текст: электронный.
7. Общая рекомендация № 28 Комитета CEDAW об основных обязательствах государств-участников по статье 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. — URL: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 04.08.2026). — Текст: электронный.
8. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237.
9. Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 26.12.2024). [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. (дата обращения 04.08.2026).
10. Конституция Республики Беларусь: принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г. (с изм. и доп.). — Текст: электронный // pravo.by: [сайт]. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130> (дата обращения: 05.08.2026).
11. Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26 июля 1999 г. № 296-3 (с изм. и доп.). — Текст: электронный // pravo.by: [сайт]. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130> (дата обращения: 05.08.2026).
12. Конституция Приднестровской Молдавской Республики, принятая на всенародном референдуме 24 декабря 1995 года и подписанная Президентом Приднестровской Молдавской Республики 17 января 1996 года (редакция по состоянию на 17.08.2024 г.). — Тирасполь: Юридическая литература, 2024. — 52 с. — Текст: непосредственный.
13. Приднестровье. Кодексы. Трудовой кодекс Приднестровской Молдавской Республики: Закон № 161-3-III от 19.07.2002 г. // Официальный сайт Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики. — URL: <http://www.vspmr.org/> (дата обращения: 04.08.2026). — Текст: электронный.
14. Авакьян С. А. Конституционное право России. Т. 1 — М.: Норма, 2020. — С. 588.
15. Ramazonova, Shakhzoda Jasurovna, Khasanova, Shakhzoda Sarvar Kizi Women as the foundation of future generations // Orienss. 2026. № 20 — С. 45.
16. Лапина, М. А. Государственное регулирование предпринимательской деятельности: правовые основы / М. А. Лапина. — М.: Юстицинформ, 2021. — 240 с. — Текст: непосредственный.

Цифровизация миграционного учета и новые виды киберпреступлений: уголовно-правовая и криминалистическая оценка

Слепухин Анатолий Александрович, студент магистратуры
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

В статье проводится уголовно-правовая и криминалистическая оценка новых видов киберпреступлений, порожденных процессом цифровизации миграционного учета, а также рассматриваются сложности разграничения составов киберпреступлений и особенности фиксации и сбора цифровых следов. Согласно данной работе, можно понять, что цифровизация, несмотря на ее положительный характер, может порождать риски, а также в рамках миграционного учета понимается как процесс внедрения инновационных технологий, средств и механизмов в сферу государственного контроля за миграцией.

Ключевые слова: цифровизация, миграционный учет, киберпреступление, цифровые следы, уязвимости, конфиденциальность.

Digitalization of migration registration and new types of cybercrimes: criminal and criminological assessment

Slepukhin Anatoly Aleksandrrovich, master's student
Ryazan State University named after S. A. Esenin

The article provides a criminal law and forensic assessment of new types of cybercrimes generated by the process of digitalization of migration registration, as well as discusses the difficulties in distinguishing between cybercrimes and the specifics of recording and

collecting digital traces. According to this work, it can be understood that digitalization, despite its positive nature, can pose risks, and within the framework of migration registration, it is understood as the process of introducing innovative technologies, tools, and mechanisms into the field of state control over migration.

Keywords: *digitalization, migration registration, cybercrime, digital traces, vulnerabilities, and privacy.*

В настоящее время процесс цифровизации общества происходит очень быстро, появляются новые виды информационных технологий, позволяющих эффективно реализовывать потребности людей в различных сферах. Данный процесс не обошел стороной и миграционную сферу, где он главным образом направлен на повышение прозрачности, а также установления эффективного контроля и борьбы с нелегальной миграцией. При этом важно понимать, что появление новых технологических механизмов в интернет-пространстве создает риски, связанные с киберпреступностью.

Цифровизация миграционного учета подразумевает собой процесс внедрения инновационных технологий, средств и механизмов в сферу государственного контроля за миграцией [1, с. 356]. Объектом изучения выступает повышение эффективности контроля миграционной системы, облегчение правовых процедур, связанных с миграционным учетом, а также обеспечение безопасности государственных структур.

Одним из элементов цифровизации выступает формирование единого цифрового профиля мигранта, который установлен Указом Президента Российской Федерации от 9 июля 2025 г. № 467 «О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина» [2]. Указанный профиль содержит в себе сведения о личности, его статусе, сроках и целях пребывания в России, истории миграционных перемещений, а также нарушениях законодательства. Также данный профиль может содержать биометрические данные, в том числе фото, отпечатки пальцев, сведения об имеющейся трудовой деятельности, медицинские сведения и другие данные.

Еще одним аспектом, входящим в понятие цифровизации миграционного учета, является введение мобильных приложений, позволяющих определять геолокацию, которую иностранные граждане обязаны использовать при уведомлении о смене места пребывания. В случаях, когда мигрант не обновляет такие данные в течение трех рабочих дней, он может быть включен в реестр контролируемых лиц, определенный в статье 31.2 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [3].

Обратим внимание на то, что анализируемый процесс позволяет интегрировать данные между различными ведомствами. Так, благодаря единой информационной базе объединяются данные об иностранном лице из МВД, ФСБ, ФНС и иных государственных структур, что позволяет упростить процедуру получения определенных сведений о гражданине [4, с. 250].

Важно понимать, что появление новых механизмов работы той или иной системы позволяет преступным лицам совершать различного рода противоправные действия, наносящие ущерб общественным и государственным правоотношениям. Так, появление цифрового профиля может сопровождаться подделкой электронных документов. В данном случае злоумышленники имеют возможность создавать фальшивые разрешения на трудоустройство, медицинские справки или же результаты тестирования на знание языка.

Еще одной проблемой может стать взлом систем миграционного учета, выражающийся в получении незаконного доступа к базам данных, изменении сведений об иностранных гражданах. Поэтому законодателю необходимо предусмотреть способы дополнительной защиты рассматриваемого вида информационных ресурсов, с целью минимизации нарушения их работы.

Подобный взлом может проявляться также в осуществлении манипуляций с электронными профилями мигрантов. Создание фиктивных профилей в таком случае направлено на организацию незаконной миграции или же использование полученных незаконным путем данных с целью легализации посторонних лиц.

Целесообразно внести изменения в законодательные акты, предусматривающие порядок работы государственной информационной системы миграционного учета (далее — ГИС миграционного учета). Так, эффективными на наш взгляд будут внесение дополнений об обязательном использовании многофакторной аутентификации при входе в личный кабинет ГИС миграционного учета, внедрение систем обнаружения постороннего вторжения на сайт с целью предотвращения кибератак, а также регулярное обновление моделей угроз с учетом современных методов совершения интернет-преступлений.

В отношении рассматриваемого рода преступности заместителем председателя Государственной Думы Российской Федерации Ириной Яровой было заявлено, что более 30 % преступных действий, направленных на организацию нелегальной миграции, совершается с помощью информационных технологий. Задачей государственных органов в таком случае является определение рубежей преступной коммуникации, а также формировании оперативных и действенных мер государственного реагирования [5].

Рассмотрим некоторые нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), которые могут применяться к совершению киберпреступлений в миграционной сфере [6]:

1. Статья 322.1 УК РФ;
2. Статья 322.2 УК РФ;

3. Статья 322.3 УК РФ;
4. Статья 272 УК РФ;
5. Статья 272.1 УК РФ;
6. Статья 273 УК РФ.

Приведенный список преступлений не является исчерпывающим, существует множество норм законодательства, которые могут быть нарушены при совершении того или иного деяния.

Проанализировав особенности цифровизации миграционного учета, уголовно-правовые риски данного процесса, мы можем прийти к выводу о том, что интеграция электронных ресурсов в систему контроля за миграци-

онным учетом является обоснованной необходимостью, которая должна позволить более оперативно и эффективно организовать работу миграционных органов и обеспечить получение целостной информации о мигранте на единой платформе.

Технологическая модернизация миграционного учета — это комплексная процедура, требующая четкого баланса на законодательном и правоприменительном уровне. Достижение указанного равновесия даст возможность обеспечить соблюдение прав и свобод граждан, а также установить механизм регулирования и контроля за деятельностью иностранных лиц, прибывших в наше государство.

Литература:

1. Полещук В. В. Цифровизация миграционного контроля как фактор повышения эффективности миграционной политики // Молодой ученый. 2026. № 5. С. 353–356.
2. Указ Президента Российской Федерации от 9 июля 2025 г. № 467 «О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина» // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412204934/>.
3. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ (последняя редакция) // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/.
4. Шукин П. Д. Цифровизация миграционного учета в России: юридические риски и система правовых гарантий // Молодой ученый. 2026. № 13. С. 250–252.
5. Официальный сайт Заместителя Председателя Государственной Думы РФ Ирины Яровой // [Электронный ресурс]. URL: <https://яровая.рф/news/aktualnye-kommentarii/bolee-30-prestupleniy-svyazannykh-s-organizovannoy-nelegalnoy-migratsiey-sovershaetsya-s-pomoshchyu-/>.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
7. Владимирова В. Ю., Гаврилин Ю. В. Цифровизация криминалистической регистрации. Две стороны медали // Научный вестник ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова. 2023. № 4. С. 193–201.

История развития бюджетной системы Российской Федерации

Смирнов Вадим Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Советов Денис Игоревич, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В настоящей статье проводится изучение истории развития бюджетной системы Российской Федерации. Рассматривается вопрос о том, какой была и как функционировала бюджетная система нашей страны в период дореволюционные периоды, в советский период, а также в настоящее время.

Ключевые слова: бюджет, финансы, налоги, регулирование, государство, история.

History of the development of the budgetary system of the Russian Federation

This article studies the history of the development of the budgetary system of the Russian Federation. The question of what was and how the budgetary system of our country functioned during the pre-revolutionary period, in the Soviet period, and also at the present time is being considered.

Keywords: budget, finance, taxes, regulation, state, history.

Исследование исторического опыта, связанного с процессом становления бюджетной системы, является

актуальной научной задачей, позволяющей выявить характерные проблемные аспекты, которые, в свою очередь,

могут сохранять свою значимость и на современном этапе развития общества.

С точки зрения специалистов, Российское государство в дореволюционный период своего развития представляло собой властную структуру авторитарного типа, которой была свойственна противоречивая государственная политика, причем приоритетные направления в данной сфере определялись, как правило, не столько избранным стратегическим курсом развития, сколько субъективным усмотрением отдельных руководящих персон, находившихся во главе страны. Указанные обстоятельства оказывали непосредственное влияние также и на общее состояние бюджетного хозяйства в пределах государства. Тем не менее, на временном отрезке, охватывающем период с IX века и до начала XX столетия, нормативно-правовое регулирование бюджетных отношений на территории России прошло длительную эволюцию, а именно — от формирования для отдельных князей общественных фондов, выраженных в натурально-вещественной форме, до установления упорядоченной процедуры составления, последующего рассмотрения, официального утверждения и дальнейшего исполнения государственного бюджета в масштабах всей страны [4, с. 291].

В XV веке на территории Российского государства начала складываться двухуровневая конструкция бюджетной системы, относящаяся к унитарному типу и включавшая в себя, с одной стороны, великокняжескую казну, а с другой — бюджеты местного уровня, формировавшиеся за счет поступлений от общегосударственных налогов и сборов, устанавливаемых на местах.

Представление о необходимости разработки полноценной государственной росписи доходов и расходов впервые в отечественной истории возникло в конце XVII века. В 1645 году была подготовлена смета, в рамках которой нашли отражение все расходы государства, а также доходные статьи, соответствовавшие всем существовавшим в тот исторический период приказам.

В период правления Петра Великого коллегиальный принцип организации управления занял доминирующее положение и довольно быстро вытеснил приказную систему. В 1711 году Боярская дума была распущена, а вместо нее учредили подчиненный императору высший орган государственного управления — Правительствующий Сенат, на который, помимо прочего, возложили одну из ключевых функций по руководству страной, а именно определение объемов государственных доходов и расходов.

В качестве последующего этапа в развитии финансовой системы следует выделить процесс аккумуляции государственных доходов и расходов в рамках единого структурного подразделения: в период царствования Екатерины II была учреждена должность генерал-прокурора, на которого возложили реализацию казначейских полномочий, а именно вменили в обязанность представлять на высочайшее утверждение Императрицы ведомственные своды,

отражающие поступление и затраты средств, а также сведения о наличии остаточных сумм с обязательным приведением развернутого обоснования содержащихся в них цифровых показателей, что, по сути, представляло собой своего рода исполнение государственной сметы [2, с. 50].

Начиная с 1774 года, нововведения в сфере финансовых преобразований стали постепенно внедряться на региональном уровне: были созданы казенные палаты губернского и уездного звена, которые выступили единственными проводниками функций управления финансами на местах. Уже с 1781 г. Императрицей начинают утверждаться ежегодные реестры, фиксирующие доходные поступления, расходные операции и остаточные суммы, причем для своего времени данные документы отличались достаточно высокой степенью детализации и достоверности, позволяя наглядно представить финансовое положение государства. Если при прежней системе управления денежными ресурсами с большим трудом удавалось собрать лишь приблизительные данные о приходе и расходе средств за прошедший год, то теперь возникла возможность составления бюджета на предстоящий год, а спустя два года можно было уже с достаточной степенью точности судить о степени его фактического исполнения [3]. Вместе с тем следует обратить внимание на то обстоятельство, что более качественное разграничение финансовых функций, несмотря на достигнутые успехи, пока не привело к существенному оздоровлению финансового хозяйства страны, а при определенных обстоятельствах проводимые реформы даже способствовали нарастанию финансовых затруднений, поскольку обходились казне в весьма внушительные суммы затрат.

В качестве следующей вехи, заслуживающей внимания при рассмотрении эволюции бюджетной системы, следует выделить временной промежуток, соответствующий второй половине XIX столетия, причем движущими силами нововведений указанного периода выступили император Александр II, а также приближенные к нему лица. На протяжении данного временного отрезка были осуществлены так называемые Великие реформы, следствием которых явились, помимо прочего, и глубокие преобразования в экономической сфере. Та финансовая система, которая сформировалась в 60-е годы 19 века под руководством государственного контролера В. А. Татаринова, в последующем практически не претерпела существенных изменений вплоть до момента свершения Октябрьской революции.

22 мая 1862 года, по завершении более чем трехлетней работы по созданию бюджетного законодательства, вступили в силу «Правила о составлении, рассмотрении и исполнении государственной росписи и финансовых смет министерств и главных управлений» (Правила), в основу которых были положены следующие базовые принципы [5]:

1) государственная роспись представляет собой полный перечень доходов и расходов, за исключением специальных сумм, не относящихся к государственному казначейству;

2) все поступления в казну должны аккумулироваться в подразделениях Министерства финансов, которые в директивном порядке производят расходование средств;

3) контроль за исполнением государственной росписи должен осуществляться на основании подлинных документов независимыми структурами государственного надзора.

Начиная с 1863 года формирование бюджета приобрело ежегодный характер, причем сама процедура включала в себя этап предварительного аккумулирования составляемых подотчетными ведомствами финансовых росписей, которые впоследствии подвергались ревизионной проверке со стороны Государственного контроля и Министерства финансов. На основании итоговых сводных материалов формировалась общая смета государственных доходов и расходов, которая направлялась на рассмотрение в Государственный совет в срок не позднее 1 ноября. По завершении процедуры рассмотрения данный документ утверждался Императором и приобретал силу Закона посредством официального опубликования.

После введения соответствующих Правительственных правил была реализована еще одна масштабная задача, получившая наименование «единство кассы», которая представляет собой исторический прообраз современного принципа организации бюджетной системы Российской Федерации. В 1864 году стартовал пилотный проект, внедряемый на территории около десяти губерний, причем уже спустя два года принцип единства кассы был распространен на всю территорию империи. Вместо прежней разрозненности и непрозрачности при поступлении денежных ресурсов в кассы различных ведомств, все доходы стали концентрироваться в казначействах Министерства финансов, откуда уже осуществлялось прозрачное перераспределение финансовых средств в пользу утвержденных получателей. Таким образом, за относительно непродолжительный период активных преобразований финансовой системы государству удалось перейти к качественному контролю за движением государственных средств (как при их поступлении, так и при расходовании), а также добиться существенного повышения результативности бюджетно-финансового администрирования [2, с. 51].

Начало XX века с позиции происходивших бюджетных преобразований характеризуется учреждением Государственной Думы, созыв которой должен был произойти не позднее января 1906 года, причем данному органу было предоставлено право утверждения годового бюджета по итогам последовательного обсуждения и подготовки заключения, которое, в свою очередь, подлежало одобрению со стороны Госсовета, а затем и Императора. В 1907 году главная задача, стоявшая перед Министерством финансов, заключалась в урегулировании вопроса о дефиците бюджета, поскольку в тот временной период государственная казна переживала не лучшие времена, чему в значительной степени способствовала русско-японская война. Министерством

финансов был выбран один из наиболее простых и, как показала практика, весьма действенных способов оптимизации государственной росписи — а именно экономия по расходным статьям, благодаря которой, при определенной доле везения, уже к 1909 году удалось достичь существенных положительных итогов: принятые меры в совокупности с ростом налоговых поступлений позволили доходной части государственного бюджета превысить его расходную составляющую, а также продолжить курс, ориентированный на повышение эффективности использования госбюджета.

В ту эпоху, когда существовал Советский Союз, в качестве одной из характерных черт регламентации бюджетного процесса, по всей видимости, следует отметить передачу кассовых операций, связанных с реализацией бюджета, в ведение Народного банка РСФСР, к которому был непосредственно присоединен департамент государственного казначейства. Указанный процесс стартовал еще в 1918 году, а по его завершении (спустя примерно 10 лет) на территории России утвердилась банковская система, обеспечивавшая исполнение бюджета. В целом, на протяжении всего периода доминирования советской модели управления в сфере бюджетного устройства произошло множество как кардинальных преобразований, оказавших серьезное воздействие на последующее формирование экономической политики и становление бюджетной системы, так и формально реализованных законотворческих инициатив, явившихся следствием непрерывного функционирования бюрократического аппарата [2, с. 51].

Событие, связанное с прекращением существования Союза Советских Социалистических Республик в 1991 году, положило начало периоду коренных преобразований в сфере бюджетного устройства Российской Федерации. Осуществление перехода от командно-административной экономической системы к хозяйственному механизму рыночного типа обусловило необходимость формирования качественно иных бюджетных структур. Указанный процесс протекал в обстановке чрезмерно высокого уровня инфляции, нарушения сложившихся производственно-экономических взаимосвязей, а также при практически полном отсутствии нормативно-правовой базы [6, с. 199].

Принятый 31.07.1998 г. и введенный в действие с 01.01.2000 г. Бюджетный кодекс Российской Федерации [1] закрепил базовые принципы, на которых основывается бюджетное законодательство, правовые начала, определяющие функционирование бюджетной системы РФ, статус участников бюджетных правоотношений с точки зрения закона, регламентацию регулирования отношений, складывающихся между бюджетами разных уровней, а также установил основы процедуры составления и исполнения бюджета, перечень оснований для привлечения к ответственности и виды таковой за несоблюдение предписаний бюджетного законодательства РФ. Введение в действие Бюджетного кодекса РФ знаменовало собой следующий

этап в процессе функционирования бюджетной системы и в регулировании отношений, возникающих в бюджетной сфере.

Таким образом, в завершение данной статьи, можно сделать следующий вывод.

Бюджетная система Российской Федерации преодолела продолжительный этап собственной эволюции. Указанная система трансформировалась под воздействием самых разнообразных детерминант, носивших как общественно-политическую, так и экономическую природу.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. Балалаев И. В. Становление и развитие современного института бюджетного процесса в Российской Федерации // Юридическая наука. — 2021. — № 2. — С. 49–53.
3. Лунден И. Л. Государственные финансы при Екатерине II // Финансы. — 2008. — № 5. — С. 69–72.
4. Матьянова Е. С., Бабаян О. А. Становление и развитие бюджета и бюджетного права в российском государстве: исторические аспекты // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 3 (195). — С. 290–293.
5. Розинская Н. А. Становление российского бюджетного законодательства // Финансы. — 2009. — № 2. — С. 70–74.
6. Соловьева Е. А. Эволюция бюджетной системы РФ: от 90-х годов к современности // Тенденции развития науки и образования. — 2025. — № 123–1. — С. 198–201.

Правовое регулирование построения и принципов бюджетной системы

Смирнов Вадим Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Советов Денис Игоревич, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Данная статья посвящена вопросам, связанным с правовым регулированием построения бюджетной системы в Российской Федерации. Также в статье рассматривает бюджетный контроль и его значение, а также те принципы, в соответствии с которыми строится бюджетная система страны.

Ключевые слова: бюджет, контроль, регулирование, принципы, построение, эффективность.

Legal regulation of the construction and principles of the budget system

This article is devoted to issues related to the legal regulation of the construction of the budget system in the Russian Federation. The article also considers budget control and its significance, as well as the principles in accordance with which the country's budget system is built.

Keywords: budget, control, regulation, principles, construction, efficiency.

В качестве одного из важнейших элементов, определяющих структуру бюджетной системы того или иного государства, выступают особенности его государственного устройства, а также то, каким образом организовано административно-территориальное деление [1]. В Российской Федерации органом, на который возложены функции по практической реализации направлений финансовой политики, выступает Министерство финансов Российской Федерации.

В условиях того этапа экономического развития, на котором в настоящее время находится Россия, все большее значение приобретает не только сама по себе бюджетная система, но также обеспечение такого ее состояния, при котором достигается баланс и согласованность между теми задачами, которые предстоит решать.

Процедура, связанная с формированием бюджета, предполагает необходимость на предварительной стадии определить те цели, которые должны быть достигнуты. Далее, требуется обеспечить представление отчетов, в которых находят отражение результаты осуществленной деятельности, а также провести анализ этих результатов, установив, в какой степени они соответствуют тем целям, которые были определены изначально. Те системы, которые используются для осуществления контроля за исполнением бюджета, имеют универсальный характер, что позволяет рассматривать их в качестве одного из ключевых инструментов, используемых в процессе финансового планирования.

Такое понятие, которое принято обозначать как «бюджетный контроль», представляет собой выражение той

необходимой разновидности работы, имеющей контрольный характер, которая осуществляется со стороны государственных структур, а также со стороны образований, наделенных публично-правовым статусом, в той области, которая связана с финансами публичного характера. Если говорить более конкретно, речь идет о том, как реализуется применение бюджетного метода для ведения государственного хозяйства, что, в свою очередь, соответствует той модели, которая характерна для бюджетного устройства нашего государства. Указанное обстоятельство уже было предметом нашего внимания в тех работах, которые были опубликованы нами ранее.

Та область, в пределах которой находит свое применение контроль, осуществляемый в бюджетной сфере, охватывает собой правоотношения, складывающиеся в рамках бюджета. Указанные правоотношения выступают в качестве того средства, которое обеспечивает воплощение в жизнь элементов, составляющих бюджетное устройство. Кроме того, к данной области относятся также иные правоотношения, имеющие отраслевую принадлежность, которые в процессе своего существования так или иначе задействуют средства, образующие бюджет.

Те особенности, которыми характеризуется рассматриваемая область, обуславливают собой то, каковы перечень и правовое положение субъектов, осуществляющих контрольные функции, а также тех, кто выступает в качестве контролируемых. Данные особенности определяют также наполнение деятельности контрольного характера, ее предназначение и те задачи, которые перед ней ставятся, и, кроме того, те нормативные предписания, выступающие в качестве принципов, которые предъявляются к проведению контрольных мероприятий и отдельных контрольных действий [6, с. 38].

Говоря о таком понятии, как федеральный бюджет, следует отметить, что ему присущ ряд существенных характеристик, позволяющих выделить его в качестве главного финансового инструмента государства. В первую очередь, его необходимо рассматривать в качестве государственного хранилища денежных средств общегосударственного значения, которое формируется для того, чтобы обеспечивать покрытие затрат, возникающих на уровне Федерации. Кроме того, данный институт представляет собой основной финансовый акт страны, посредством которого устанавливаются пропорции между объемами поступающих ресурсов и направлениями их последующего расходования. Еще одной важной чертой выступает то обстоятельство, что федеральный бюджет выступает первоосновой, на базе которой осуществляется разработка финансовых программ и смет всех иных хозяйствующих единиц, будь то коммерческие структуры, некоммерческие организации либо государственные и муниципальные учреждения.

Наличие у федерального бюджета множества граней и аспектов приводит к тому, что его анализ должен осуществляться исходя из трех основных направлений, а именно — с точки зрения экономики, права и материального содержания.

Если подходить к рассмотрению федерального бюджета с позиции экономической науки, то он представляет собой не что иное, как сформировавшуюся систему отношений, носящих денежный характер. Возникновение таких отношений обусловлено процессами, связанными с перераспределением как части национального богатства, так и того дохода, который получен на уровне всей страны. В качестве основной цели, которая преследуется в рамках указанных процессов, следует назвать необходимость обеспечить накопление финансовых ресурсов, их последующее распределение, а также организацию такого их использования, которое было бы максимально эффективным. При этом все указанные мероприятия осуществляются на пространстве всей территории Российской Федерации и направлены на решение тех задач, которые имеют значение для всего государства.

Если же обратиться к правовому аспекту, то в данном случае федеральный бюджет следует рассматривать в качестве такого документа, который имеет законодательную природу (а именно — федерального закона). Посредством данного акта устанавливается тот порядок, в соответствии с которым подлежат распределению и последующему использованию средства, находящиеся в распоряжении государства, на территории, подведомственной Российской Федерации. Кроме того, названным документом закрепляется и то правовое положение, которое характерно для субъектов, вступающих в бюджетные правоотношения: для них определяются права, которые они могут реализовывать, обязанности, которые на них возлагаются, а также меры ответственности, которые к ним могут быть применены.

С точки зрения материального содержания, федеральный бюджет представляет собой такой фонд, который является централизованным и состоит из ресурсов денежного характера. Управление данным фондом отнесено к компетенции тех или иных органов, относящихся к федеральному уровню публичной власти. Формирование и использование средств указанного фонда направлено на выполнение задач, имеющих общегосударственное значение.

Тем принципам, на которых строится бюджетный процесс, принадлежит определяющая роль с точки зрения повышения эффективности функционирования тех органов, которые входят в структуру бюджетной системы, сложившейся в Российской Федерации. Объем тех полномочий, которыми наделяются лица, представляющие органы государственной власти, предопределяет необходимость реализации возложенных на них функций своевременно, а также с максимальной степенью эффективности, причем такая реализация должна осуществляться в точном соответствии с требованиями, установленными действующим законодательством.

Если обратиться к тем нормативным положениям, которые находят свое закрепление как в преамбуле, так и в статье 28 Бюджетного кодекса Российской Федерации [1], то становится возможным выделить совокупность осно-

вополагающих принципов, на которых строится функционирование бюджетной системы Российской Федерации.

В качестве первого из таких принципов следует назвать принцип единства бюджетной системы Российской Федерации. Вторым принципом выступает принцип разграничения доходов, расходов, а также тех источников, которые используются для финансирования дефицитов, между бюджетами, входящими в состав бюджетной системы.

Третьим принципом является принцип самостоятельности бюджетов.

Четвертый принцип заключается в обеспечении равенства бюджетных прав субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Пятый принцип предписывает необходимость полноты отражения доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов.

В качестве шестого принципа следует назвать принцип сбалансированности бюджета.

Седьмой принцип состоит в требовании эффективности использования средств, выделяемых из бюджета.

Восьмым принципом является принцип общего (совокупного) покрытия расходов бюджетов.

Девятый принцип предполагает обеспечение прозрачности (открытости) бюджетного процесса.

Десятый принцип — это принцип достоверности бюджета.

Одиннадцатый принцип заключается в адресности и целевом характере использования бюджетных средств.

Двенадцатым принципом выступает принцип подведомственности расходов бюджетов.

Тринадцатым, завершающим принципом, является принцип единства кассы [3].

На сегодняшний день на территории Российской Федерации все еще имеют место определенные обстоятельства, которые создают препятствия для того, чтобы использование денежных средств из казны государства осуществлялось с должной степенью эффективности и надлежащего качества. В большинстве случаев такие обстоятельства складываются из-за того, что выделяемые объемы финансирования, направляемые на обеспечение деятельности представителей государственного аппарата, распределяются нерационально. Наряду с этим необходимо обратить внимание на то, что положение, которое

занимают лица, осуществляющие профессиональную деятельность на государственной службе во Французской Республике, с точки зрения нормативного регулирования существенно отличается от того, что сложилось в отношении аналогичной категории лиц в нашей стране. В отечественной правовой системе лицо, замещающее должность государственной службы, воспринимается в качестве самостоятельного участника правоотношений, применительно к которому действуют нормы специализированного законодательства, тогда как во Франции термин «*fonction publique*» охватывает всех лиц, выполняющих трудовые функции в структурах, относящихся к государственному сектору. Указанное различие предопределяет неодинаковую правовую природу такого института, как юридическая ответственность, наступающая за неэффективное использование бюджетных ресурсов [2].

Ввиду того, что категория эффективности трактуется исключительно через количественное соотношение между показателями, зафиксированными на старте экономического взаимодействия и по его завершении, причем из рассмотрения полностью исключаются такие аспекты, как цели и направленность поведения обязанной стороны, данная категория утрачивает свою значимость для правового регулирования, если исходить из глубинного смысла, заложенного в саму природу права. Другими словами, юридическая сфера, в отличие от экономической науки, не может быть ограничена лишь количественными измерителями [4].

Таким образом, завершая данную статью, можно сделать следующий вывод.

Когда речь заходит о составлении бюджета, то на данном этапе производится фиксация тех целей, которые были установлены заранее. Помимо этого, подготавливается отчетная документация относительно тех итогов, которые удалось достичь. Осуществляется контрольная процедура, направленная на установление степени соответствия между достигнутыми итогами и теми целями, которые были обозначены на начальном этапе. Те механизмы, которые применяются в рамках осуществления контроля за исполнением бюджета, имеют существенное значение для осуществления финансового планирования.

Бюджетная система в Российской Федерации строится на ряде принципов, соблюдение которых необходимо для обеспечения эффективности бюджетного процесса.

Литература:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. Арбатская Ю. В. Проблемы реализации принципа эффективности в бюджетном праве // Академический юридический журнал. — 2023. — № 1 (51). — С. 28–32.
3. Весельева О. Н. Пути оптимизации сбалансированности федерального бюджета // Молодой ученый. — 2022. — № 1. — С. 325–329.
4. Голубев А. В. Юридическое выражение результативности и эффективности использования бюджетных средств // Финансовое право. — 2021. — № 2. — С. 22–27.
5. Обухович В. Э. Теоретико-правовые вопросы бюджетного контроля // Общество, государство, личность: применение научных знаний и технологий в решении социально-экономических задач региона: Материалы XXIII

Национальной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. В 3-х частях, Казань, 28 апреля 2023 года / Под редакцией А. М. Найда. Том Часть 2. — Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2023. — С. 306–311.

6. Пешкова Белогорцева Х. В. Роль инструментария бюджетного контроля в защите бюджета // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: Сборник статей по результатам международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Симферополь, 10 декабря 2021 года / Под редакцией Е. В. Евсиковой, И. В. Хмиль. Том I. — Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. — С. 36–43.

Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения в российском уголовном судопроизводстве

Тархаева Софья Ивановна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье анализируется правовая конструкция задержания подозреваемого как меры уголовно-процессуального принуждения, одновременно являющейся ограничением конституционного права на свободу и личную неприкосновенность. Автор рассматривает нормативные основания ст. 91 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), разъяснения Пленума Верховного Суда РФ № 20 от 2022 года, а также актуальное кассационное определение Верховного Суда РФ от 28 марта 2025 года № 4-УД25–2-К1. Отдельное внимание уделено проблеме расхождения момента фактического ограничения свободы и процессуального оформления задержания, а также последствиям нарушения сроков составления протокола, уведомления родственников и предъявления обвинения. На основе анализа ведомственной и судебной практики предложен подход к оценке действий дознавателя и следователя с точки зрения соблюдения процессуальной формы, влияющей на допустимость доказательств и реализацию права на защиту.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, статья 91 УПК РФ, фактическое задержание, процессуальные сроки, разумный срок, мера процессуального принуждения, права личности.

Нормативная модель задержания лица по подозрению в совершении преступления, закрепленная в главе 12 УПК РФ, на первый взгляд выглядит исчерпывающе детализированной. Статья 91 УПК РФ называет три основания: лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление; на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления. Однако уже на этапе применения этих критериев возникает первая коллизия. Процессуальный закон не дает однозначного ответа на вопрос, что считать «застигнутым при совершении преступления», если между моментом прекращения противоправных действий и задержанием проходят часы. В соответствии с ч. 2 ст. 92 УПК РФ протокол задержания должен быть составлен не позднее 3 часов после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю. Моментом фактического задержания в силу ч. 1 ст. 92 УПК РФ признается момент доставления лица в указанные органы. Ведомственная статистика фиксирует случаи, когда дознаватель оформляет протокол задержания спустя 10–12 часов после того, как гражданин фактически перестал передвигаться свободно — помещен в служебный автомобиль, доставлен в отдел полиции и находится под присмотром сотруд-

ников. Данный временной разрыв порождает феномен, который С. Б. Россинский в своей монографии определил как «фактическое задержание» — состояние, при котором лицо было реально лишено свободы передвижения по подозрению в совершении преступления, однако процессуальное оформление этого факта откладывается [3, с. 56].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 года № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» внесло необходимую ясность в определение критериев незаконного задержания [4]. Пленум указал: задержание признается незаконным не только при полном отсутствии оснований, предусмотренных ст. 91 УПК РФ, но и в тех случаях, когда уголовное дело не было возбуждено на момент задержания, либо задержание произведено неуполномоченным лицом, либо процессуальный срок, отведенный на доставление в суд, был заведомо нарушен. Пункт 18 постановления Пленума № 20 разрывает прежнюю привязку к моменту подписания процессуального документа: незаконность ограничения свободы связывается с физическим водворением лица в изолятор либо служебное помещение [2, с. 509].

Российская судебная практика демонстрирует двойственность в оценке последствий незаконного задержания. С одной стороны, ст. 75 УПК РФ относит

доказательства, полученные с нарушением закона, к недопустимым. Если задержание было незаконным, то последующий личный обыск, допрос подозреваемого и даже осмотр места происшествия с его участием могут потерять юридическую силу. С другой стороны, Верховный Суд РФ не раз указывал, что само по себе нарушение порядка задержания не влечет автоматического признания недопустимыми всех без исключения доказательств, если они были получены в рамках иных следственных действий, проведенных с соблюдением норм. Ущемление прав личности в одном процессуальном акте (задержании) не создает презумпции порочности всех последующих действий, но каждое из них должно проверяться на предмет причинной связи с первоначальным нарушением.

Актуальная судебная практика также фиксирует системные нарушения, связанные с несоблюдением сроков составления протокола задержания. Так, в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 марта 2025 года № 4-УД25-2-К1 обращается внимание на недопустимость подмены фактического момента задержания моментом процессуального оформления. Суд указал, что для исчисления сроков, предусмотренных ст. 91 и 92 УПК РФ, определяющее значение имеет именно момент фактического ограничения свободы передвижения лица (помещение в служебный автомобиль, доставка в отдел полиции), а не время составления протокола задержания. Данная позиция Верховного Суда направлена на пресечение распространенной практики, когда протокол задержания оформляется спустя 10–12 часов и более после реального лишения лица свободы, что влечет нарушение права на защиту и несвоевременное разъяснение процессуальных прав, предусмотренных ст. 46 УПК РФ [5].

Возвращаясь к институту задержания именно как самостоятельной меры принуждения (до предъявления обвинения), нельзя обойти молчанием проблему сроков. Часть 2 ст. 91 УПК РФ устанавливает, что орган дознания или следователь обязаны составить протокол задержания не позднее 3 часов после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю. Такой буквализм создает риск злоупотреблений: лицо может находиться в коридоре, на лестничной клетке, в комнате для разбирательства без официального статуса, формально еще не будучи «доставленным», — и тем самым искусственно удлиняется внепроцессуальный период ограничения свободы. Б. Б. Булатов, А. В. Борбат и А. В. Павлов в своей статье обоснованно критикуют эту практику, предлагая связать момент доставления не с бюрократическими процедурами, а с началом реального контроля над перемещением лица сотрудниками правоохранительных органов вне общественных мест [1, с. 19].

Дискуссионным остается и вопрос о правовой природе задержания как меры процессуального принуждения. В системе УПК РФ оно расположено в главе 12 «Задержание подозреваемого», тогда как меры пресечения (подписка о невыезде, залог, домашний арест, заключение

под стражу) вынесены в отдельную главу 13. Закон разводит два состояния: 48-часовое задержание как немедленный ответ на противоправное действие и заключение под стражу как длительное удержание обвиняемого в процессе следствия. Следователь использует первые двое суток не для проверки причастности, а для подготовки судебного ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. К этому добавляется механизм ст. 100 УПК РФ: меру пресечения, вплоть до заключения под стражу, разрешается применять до предъявления обвинения. Максимальный срок такой превентивной изоляции — 10 суток (по отдельным категориям тяжких преступлений — до 30 суток). Однако по истечении этого срока обвинение должно быть предъявлено, иначе мера пресечения отменяется.

Важно отметить, что ст. 91 УПК РФ не требует от следователя «железных» доказательств вины на момент задержания. Достаточно лишь подозрения, обоснованного указанными в законе фактами. Эта низкая доказательственная планка делает институт задержания эффективным инструментом, но одновременно повышает риски злоупотреблений. В отличие от заключения под стражу, которое санкционируется судьей на основе состязательных процедур, решение о задержании принимается следователем единолично. Ни прокурор, ни судья не проверяют достаточность оснований до того, как протокол уже составлен, а человек уже изолирован. Постфактум возможно обжалование, однако здесь действует презумпция добросовестности должностного лица, которую задержанному и его защитнику приходится опровергать.

Любое задержание, произведенное с нарушением установленного УПК РФ порядка (в том числе при отсутствии оснований, предусмотренных ст. 91, или с нарушением сроков составления протокола по ст. 92), является несообразным ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, гарантированного ст. 22 Конституции РФ. Ошибочное или незаконное ограничение свободы не становится допустимым в силу тяжести последующего обвинения — нарушение процедуры влечет утрату легитимности самого задержания независимо от конечного результата уголовного преследования.

Немало споров вызывает требование ч. 4 ст. 92 УПК РФ об уведомлении родственников задержанного в течение 12 часов. Формальное нарушение этого срока (например, уведомление направлено через 13 часов) суды, как правило, не признают основанием для освобождения подозреваемого, если нет иных нарушений. Наиболее уязвимым местом остается период «фактического задержания» — временной интервал между началом реального контроля и процессуальным оформлением. Пока закон не свяжет юридический статус с фактическим положением, у правоприменителя сохранится возможность манипулировать временем в ущерб правам личности. Представляется, что дефект кроется не в отсутствии норм, а в их диспозитивной трактовке, которую суды не всегда готовы толковать в пользу гражданина.

Литература:

1. Булатов Б. Б. Задержание в системе законодательства о борьбе с преступностью / Б. Б. Булатов, А. В. Борбат, А. В. Павлов // Российский следователь. — 2022. — № 10. — С. 17–23.
2. Кротова Л. А. Преступления против правосудия: первый опыт обобщения судебной практики / Л. А. Кротова, Р. Х. Шаутаева // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2023. — Т. 33, вып. 3. — С. 508–515.
3. Россинский С. Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход / С. Б. Россинский: монография. — Москва: Проспект, 2019. — 192 с.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия». — Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 9. — сентябрь, 2022.
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 марта 2025 г. № 4-УД25-2-К1 // СПС «Гарант». — URL: <https://base.garant.ru/411797391/> (дата обращения: 05.06.2026).

Независимость судебной власти в Российской Федерации: проблемы реализации конституционного принципа

Усатенко Роман Вадимович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье исследуется содержание принципа независимости судебной власти как одного из фундаментальных начал организации государственной власти в Российской Федерации. Рассматривается место судебной власти в системе разделения властей, анализируются конституционные гарантии независимости судей и судов, а также значение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации для обеспечения единообразного применения законодательства. Особое внимание уделяется существующим проблемам реализации принципа независимости судебной власти, возникающим в процессе взаимодействия судебных органов с законодательной и исполнительной ветвями власти. На основании анализа действующего законодательства и научных подходов сформулированы выводы о направлениях дальнейшего совершенствования механизма обеспечения независимости судебной власти.

Ключевые слова: судебная власть, независимость судебной власти, разделение властей, Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, правосудие, судебная защита.

Одним из обязательных признаков демократического правового государства является наличие независимой судебной власти. Именно суд выступает тем государственным институтом, который обеспечивает восстановление нарушенных прав, разрешение правовых конфликтов и контроль за соблюдением требований закона всеми участниками общественных отношений независимо от их правового статуса. Конституция Российской Федерации закрепляет принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Каждая из ветвей обладает собственными полномочиями и осуществляет их самостоятельно. Вместе с тем самостоятельность не означает полной изолированности. Государственный механизм представляет собой единую систему, внутри которой органы власти взаимодействуют между собой, сохраняя установленный Конституцией баланс полномочий. В связи с этим вопрос о пределах независимости судебной власти остается одним из

наиболее обсуждаемых как в юридической науке, так и в правоприменительной практике.

Правосудие невозможно рассматривать исключительно как деятельность по разрешению конкретных споров. Судебная власть выполняет значительно более широкую функцию. Она обеспечивает реализацию принципа верховенства права, выступает гарантией соблюдения Конституции Российской Федерации, способствует укреплению законности и формированию единообразной судебной практики. От качества осуществления этих функций напрямую зависит доверие общества к государству [2].

Конституционный принцип независимости судебной власти закреплен в нескольких положениях Основного Закона. Статья 10 Конституции Российской Федерации устанавливает самостоятельность судебной власти наряду с законодательной и исполнительной. Статья 120 Конституции Российской Федерации предусматривает, что

судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону. Данные положения получили развитие в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации», Законе Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и иных нормативных правовых актах. Независимость судебной власти не может рассматриваться исключительно как отсутствие прямого вмешательства в деятельность суда. Ее содержание значительно шире. Она предполагает наличие организационных, процессуальных, финансовых и кадровых гарантий, исключающих возможность какого-либо незаконного воздействия на суд при осуществлении правосудия [4].

Особое значение имеют организационные гарантии. Судебная система Российской Федерации построена таким образом, чтобы исключить административное подчинение судов органам законодательной или исполнительной власти. Финансирование федеральных судов осуществляется исключительно за счет средств федерального бюджета. Организационное обеспечение деятельности судов возложено на Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации, что также направлено на минимизацию возможного внешнего влияния. Не менее важными являются процессуальные гарантии независимости. Любое вмешательство в деятельность судьи при рассмотрении конкретного дела запрещается законом и влечет установленную ответственность. Судья принимает решение исключительно на основании исследованных доказательств, внутреннего убеждения и требований закона. Никто не вправе давать судье обязательные указания относительно содержания будущего судебного акта либо требовать отчета по существу рассматриваемого дела [1]. Вместе с тем независимость судебной власти не означает отсутствия внутренней организации самой судебной системы. Российское судостроительство основано на существовании нескольких судебных инстанций, каждая из которых выполняет собственные функции. Возможность пересмотра судебных актов в апелляционном, кассационном и надзорном порядке является одной из важнейших гарантий законности и обоснованности судебных решений. Такая система направлена не на ограничение самостоятельности нижестоящих судов, а на исправление судебных ошибок и обеспечение единообразного применения законодательства.

Особое место в судебной системе занимают Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации. Несмотря на различие их компетенции, деятельность обоих судебных органов оказывает существенное влияние на развитие российского права. Конституционный Суд Российской Федерации осуществляет судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Его основная задача состоит в обеспечении верховенства Конституции Российской Федерации на всей территории страны. Рассматривая дела о соответствии нормативных правовых актов Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд не только раз-

решает конкретный спор, но и формирует обязательные для всех органов государственной власти правовые позиции, оказывающие влияние на дальнейшее развитие законодательства и судебной практики. Правовые позиции Конституционного Суда имеют особое значение для всей системы правоприменения. Признание нормативного положения не соответствующим Конституции Российской Федерации исключает возможность его дальнейшего применения судами и иными государственными органами. Одновременно решения Конституционного Суда нередко становятся основанием для внесения изменений в действующее законодательство, устранения правовых пробелов и корректировки сложившейся судебной практики. Деятельность Конституционного Суда не подменяет собой законодательный процесс. Суд не создает новые нормы права в классическом понимании, однако посредством официального конституционно-правового толкования раскрывает действительное содержание правовых предписаний, что существенно влияет на их последующее применение.

Верховный Суд Российской Федерации занимает особое место в судебной системе. Согласно статье 126 Конституции Российской Федерации он является высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным делам, а также по экономическим спорам, рассматриваемым судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Одной из важнейших задач Верховного Суда Российской Федерации является обеспечение единообразного применения законодательства. На практике эта функция реализуется посредством принятия постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, обзоров судебной практики, а также рассмотрения конкретных дел, по результатам которых формируются правовые позиции, имеющие значение для нижестоящих судов. Следует отметить, что в отечественной юридической литературе уже длительное время ведется дискуссия относительно юридической природы подобных правовых позиций. Одни исследователи рассматривают их исключительно как акты официального толкования законодательства, другие указывают, что фактически они приобретают признаки самостоятельного регулятора общественных отношений. Представляется, что обе точки зрения имеют определенные основания. Верховный Суд Российской Федерации действительно не обладает правом законодательной инициативы в той форме, которая позволяла бы самостоятельно изменять действующие нормы права. Вместе с тем выработанные им правовые позиции оказывают существенное влияние на практику разрешения споров. В результате единообразное толкование закона становится обязательным ориентиром для судов всех уровней. Подобная ситуация обусловлена необходимостью обеспечения равенства участников судебного процесса и исключения случаев различного применения одной и той же нормы права [2].

Вопрос о пределах такого влияния остается дискуссионным. С одной стороны, единообразие судебной прак-

тики является обязательным условием реализации принципа правовой определенности. Гражданин должен понимать, каким образом будет применяться закон независимо от того, в каком субъекте Российской Федерации рассматривается его дело. С другой стороны, чрезмерно широкое толкование отдельных норм способно привести к фактическому восполнению законодательных пробелов судебной практикой, что вызывает обоснованные научные споры о допустимых границах судебного усмотрения.

В современной российской правовой системе независимость судебной власти невозможно оценивать исключительно через призму нормативного регулирования. Не менее важным является фактическое состояние судебной системы, поскольку эффективность правовых гарантий определяется не только их закреплением в законе, но и практикой применения. Одной из наиболее обсуждаемых проблем остается обеспечение реальной самостоятельности судьи при рассмотрении конкретного дела. Закон устанавливает исчерпывающий перечень гарантий независимости, однако полностью исключить возможность внешнего или внутреннего воздействия невозможно. На деятельность суда способны оказывать влияние общественный резонанс, повышенное внимание средств массовой информации, а также высокая социальная значимость отдельных категорий дел. В подобных ситуациях особое значение приобретает профессионализм судьи и его способность принимать решение исключительно на основании закона и исследованных доказательств. Не менее актуальной является проблема соблюдения разумных сроков судопроизводства. Конституционное право на судебную защиту предполагает не только возможность обращения в суд, но и своевременное рассмотрение дела. Чрезмерная загруженность судов, увеличение количества поступающих материалов, сложность отдельных категорий споров неизбежно отражаются на сроках разрешения дел. В результате возникает риск снижения качества судебного разбирательства и доверия граждан к судебной системе.

В последние годы значительное внимание уделяется вопросам цифровизации судебной деятельности. Внедрение электронного документооборота, возможность подачи процессуальных документов через государственные информационные системы, проведение судебных заседаний с использованием видеоконференцсвязи существенно изменили организацию судопроизводства. Эти изменения позволили повысить доступность правосудия, особенно для участников процесса, находящихся в других регионах. Вместе с тем развитие цифровых технологий ставит перед судебной системой новые задачи. В научной литературе активно обсуждаются перспективы использования технологий искусственного интеллекта при подготовке проектов судебных решений, анализе судебной практики и автоматизации отдельных процессуальных действий. Несмотря на очевидные преимущества подобных технологий, представляется недопустимой ситуация, при ко-

торой окончательное решение по делу принимается автоматизированной системой [4].

Правосудие всегда связано с оценкой обстоятельств конкретного дела, исследованием доказательств и внутренним убеждением судьи. Эти элементы невозможно полностью формализовать. Именно поэтому искусственный интеллект следует рассматривать исключительно как вспомогательный инструмент, позволяющий сократить время обработки информации и повысить эффективность организационной деятельности суда. Полномочия по разрешению правового спора должны оставаться исключительно за человеком, поскольку только судья способен учитывать не только буквальное содержание закона, но и принципы права, обстоятельства конкретного дела и требования справедливости. Еще одним направлением развития судебной власти является повышение открытости судебной деятельности. Конституционный принцип гласности судопроизводства обеспечивает общественный контроль за осуществлением правосудия и способствует укреплению доверия к судебной системе. Сегодня практически все суды размещают судебные акты на официальных интернет-ресурсах, публикуют сведения о назначенных судебных заседаниях, обеспечивают возможность получения процессуальной информации в электронном виде. Такая практика значительно расширяет доступ граждан к информации о деятельности судов. Однако, открытость судебной деятельности не должна вступать в противоречие с необходимостью защиты охраняемых законом интересов. При опубликовании судебных актов требуется соблюдение законодательства о персональных данных, государственной тайне и иных ограничениях, предусмотренных федеральным законодательством. Следовательно, обеспечение прозрачности деятельности судебной власти должно осуществляться при сохранении разумного баланса между публичностью правосудия и защитой прав участников судебного процесса [3].

Развитие судебной власти невозможно без постоянного совершенствования законодательства. Вместе с тем эффективность судебной системы определяется не количеством принимаемых нормативных правовых актов, а качеством их реализации. Практика показывает, что даже детально урегулированные процессуальные отношения нередко вызывают сложности при применении. Причиной становится не только неоднозначность отдельных законодательных формулировок, но и постоянное развитие общественных отношений, требующее своевременной адаптации правового регулирования. В этой связи особое значение приобретает взаимодействие судебной практики и законодателя. Анализ правоприменительной деятельности позволяет выявлять существующие пробелы, внутренние противоречия законодательства и случаи неоднозначного толкования правовых норм.

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации нередко становятся основанием для последующего

внесения изменений в федеральное законодательство. Такой механизм способствует повышению качества правового регулирования и позволяет своевременно устранять выявленные недостатки. Вместе с тем участие высших судебных органов в формировании единообразной практики не должно восприниматься как подмена законодательной деятельности. Суд разрешает конкретный правовой спор, применяя действующие нормы права, тогда как создание новых общеобязательных правил поведения относится к компетенции законодателя. Именно соблюдение данного разграничения обеспечивает реализацию принципа разделения властей, закрепленного Конституцией Российской Федерации. Следует учитывать, что независимость судебной власти не является самоцелью. Она выступает необходимым условием эффективной защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Лицо, обращающееся в суд, должно быть уверено, что спор будет рассмотрен беспристрастным составом суда, исключительно на основании закона и исследованных доказательств. Только при соблюдении этих требований судебная защита приобретает реальное содержание, а конституционное право на судебную защиту получает полноценную практическую реализацию.

Не менее важным остается вопрос доверия общества к судебной системе. Авторитет суда складывается не только из положений законодательства или статистических показателей. В значительной степени он зависит от качества принимаемых судебных решений, последовательности судебной практики, открытости деятельности судов и соблюдения принципов профессиональной судебной этики. Каждый случай вынесения незаконного или необоснованного судебного акта негативно отражается на восприятии судебной власти в целом, тогда как единообразное и справедливое применение закона способствует укреплению общественного доверия.

Современное развитие судебной системы Российской Федерации свидетельствует о последовательном совершенствовании организационных и процессуальных механизмов осуществления правосудия. За последние годы были проведены значительные изменения, связанные с созданием самостоятельных кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, расширением возможностей электронного судопроизводства, совершенствованием процедур рассмотрения отдельных категорий дел. Эти меры направлены на повышение доступности правосудия и обеспечение более эффективной судебной защиты. Также сохраняется ряд вопросов, требующих дальнейшего научного осмысления и законодательного разрешения. К их числу относятся совершенствование процессуальных механизмов обеспечения независимости судей, повышение эффективности исполнения судебных решений, развитие цифровых технологий в судебной деятельности, обеспечение единообразия судебной практики без выхода за пределы судебного толкования закона. Решение указанных задач невозможно без постоянного взаимодействия юридической науки, законодателя и судебного сообщества.

Таким образом, судебная власть занимает особое место в механизме российского государства. Ее предназначение не ограничивается разрешением конкретных правовых конфликтов. Суд обеспечивает реализацию принципа верховенства Конституции Российской Федерации и закона, осуществляет судебную защиту нарушенных прав, способствует поддержанию правопорядка и укреплению законности. Принцип независимости судебной власти остается основой осуществления правосудия. Его содержание включает не только закрепленные законодательством гарантии самостоятельности судов и судей, но и реальные условия, позволяющие осуществлять правосудие без какого-либо незаконного воздействия.

Литература:

1. Бурдина Е. В. Справедливость в модели организации судебной власти / Е. В. Бурдина // Российское правосудие. — 2025. — № 2. — С. 5–16.
2. Дикова И. В. Судебная власть как способ реализации силового содержания права / И. В. Дикова // Современное общество и право. — 2025. — № 3(76). — С. 69–74.
3. Коржевин, И. В. Принципы Самостоятельности и независимости судебной власти / И. В. Коржевин // Научные исследования в современном мире: опыт, проблемы и перспективы развития: Сборник научных статей по материалам XV Международной научно-практической конференции, Уфа, 18 октября 2024 года. — Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2024. — С. 155–164.
4. Мирзаев, М. А. Судебная власть в правовом государстве / М. А. Мирзаев, А. М. Исамагомедов // Закон и право. — 2024. — № 10. — С. 105–109.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 32 (635) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 19.08.2026. Дата выхода в свет: 26.08.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.